

Бондарев Николай
ЖИЗНЬ
как предисловие
К Роману

Бондарев Николай

ЖИЗНЬ как предисловие к Роману

*Документальная повесть
о моём лучшем друге, философе,
поэте, метафизике и физике
Сергее Брисюке.*

Курган 2022

XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXX XXXXXXXXXXXXXXX
XXXXXXXXXXXXXXXXXXXXX

ПРЕДИСЛОВИЕ

Ключевые для мировоззрения встречи
бывают в нашей жизни или с людьми, или
с книгами. Впрочем, в случае с книгой, это тоже
встреча с человеком, оставившим тропинку к себе.
И, по большому счёту, он после такой встречи бу-
дет всегда рядом, независимо от того, жив он, или
уже ушёл в мир иной. Главное состоялось: то, зачем
он приходил, ты нашёл, прочёл, оно стало частью
твоего мировоззрения, маяком в бурном море жи-
тейских страстей.

У меня всё началось со встречи с книгой.
В 1992 году жена подарила на день рождения «Розу
Мира» Даниила Андреева. И это было ключевым,
судьбоносным событием в моей судьбе, предопре-
делившим всю последующую жизнь, в том числе
и встречу с Сергеем.

Надо заметить, что время для страны было
бурное и переломное. У всех мысля щих людей
с треском рушились в небытие монументальные
стереотипы мышления. Вместе с громадным, мощ-
ным, казавшимся незыблемым колоссом: Союзом

Советских Социалистических Республик. С кра-
хом опоры «братского» союза стран социалистиче-
ского блока бросились наперегонки в капитализм
поголовно все! Носителями видоизменённой иде-
ологии государств, строящих общество с социаль-
ным равенством с главным девизом: «От каждого
по способностям, каждому по труду», формально
остались резко осиротевшие Куба, Китай и Север-
ная Корея. И лишь прочитавшие и понявшие «Розу
Мира» нисколько не удивлялись происходящему,
но и не умилялись грядущими прелестями рыноч-
ной демократии. Но об этом подробнее и понятнее
в воспоминаниях о лекциях Сергея.

Я к моменту нашего знакомства был средней
руки инженером-электронщиком и выброшенным
на обочину жизни дипломированным (с красным
дипломом) идеологом научного коммунизма с не-
состоявшейся перспективой блестящей карьеры
по партийной лестнице.

И вот читаю «Розу Мира». Первые страницы
со скепсисом: ещё один пацифист-неудачник про-
буржуйского толка, который, как кот Леопольд,
будет в двенадцати книгах уговаривать: «Ребята,
давайте жить дружно!»

И Слава Богу, что не бросил читать и не засунул книгу собирать пыль во втором ряду на книжной полке.

И вот со второй главы со мной вдруг начало происходить волшебное: я стал ощущать, что не узнаю новое, а каким-то чудом вспоминаю всё уже пережитое, но почему-то забытое!

И дальше читал, уже смакуя каждое слово, каждое предложение, каждую главу. Было, конечно, и много открытий нового, но, в основном, происходил процесс выстраивания из беспорядочно разбросанных кубиков знаний стройного и красивого здания мировоззрения. Потом эстафету у Даниила Андреева принял Серёжа...

Рушились и рассыпались в прах уже мои собственные атеистические и материалистические стереотипы мышления. Впрочем, многое покрылось критическими трещинами ещё и в становящемся сознании.

Цельное знание. Мнимые противоречия (главное: религии, науки и философии), не антагонизм, а взаимообогащение всех сфер человеческого познания, мышления и творчества.

И ослепительно яркая цель всеобщего бытия: построение всемирного братства всех народов Земли в содружестве и сотрудничестве всех светлых религий и социальных учений. Рождение, собственно, Розы Мира – грядущей интеррелигии просветлённого до массовой праведности человечества.

И вот, уверенный, что скоро все прочтут эту чудесную книгу, и мы стройными рядами пойдём к всечеловеческому братству, я стал искать единомышленников. Сначала нашёл торговавшего раз-

решённой новой властью эзотерической литературой Юру Бычкова. Разговорившись, как это часто бывает сначала, как более осведомлённый продавец с покупателем, о чём идёт речь в той, или иной книге, мы быстро выяснили, что братья по духу в отношении к «Розе Мира» и Даниилу Андрееву.

Юра мне сказал, что ходит на занятия в философский кружок по изучению «Розы Мира» при Челябинской областной публичной библиотеке, который ведёт Сергей Сергеевич Брисюк.

А вскоре, ещё до моего вступления в кружок, мы познакомились с Сергеем лично. Какая волшебная и незабываемая это была встреча!

В селе Селезян летом 1992 года проходил фестиваль народного творчества. Я в музыке предпочитал эстраду, рок и классику, и что занесло меня на этот фестиваль, не помню. Но там опять встретил Юру, немного поторговали эзотерикой, а потом он повёл меня на опушку леса, где горел костерок, и человек пять, или семь увлечённо слушали одного. При нашем появлении он замолчал, и на некоторых лицах легко читалось неудовольствие. Но только не на лице лектора!

Юра поздоровался со всеми, как потом выяснилось, в основном с членами кружка, и несколько странно представил меня Сергею:

– Вот ещё один, принявший «Розу Мира».

Это было, видимо, своеобразным паролем, потому что Сергей сразу не руку протянул, как принято, а крепко, до хруста костей обнял меня. И, не преувеличиваю, лицо его в этот момент озаряла по-настоящему счастливая улыбка.

В себе-то я не сомневался, но о ребятах подумал:

6

«Я-то «Розу Мира» принял всем сердцем и душой, а вот чего ваш кружок стоит, ещё надо посмотреть!?!» И, в целом, увы, мой скепсис оправдался. Кружок и интерес к Даниилу Андрееву держались исключительно на огромных обаянии и эрудиции Серёжи. Потом с дистанции не сошли только четыре человека: я, Юра, Володя Малютин и сам Сергей. У остальных сквозняком бытия выдуло «Розу Мира» и лекции Серёжи почти бесследно. Впрочем, вина ли детей разумом в том, что они дети?

Зато в случае с Сергеем случилась ещё одна судьбоносная встреча с духовным учителем, замечательным поэтом и писателем, философом и богословом от Бога и одним из четырёх лучших друзей на всю его недолгую, но яркую жизнь.

С поэзии, кстати, и началось наше более обстоятельное знакомство прямо там же, у костра на опушке возле Селезяна.

Когда всё успокоилось, и мы с Юрой присоединились к слушателям, Сергей решил в качестве визитной карточки прочитать своё стихотворение

«Живая Вселенная»

*Иногда я выхожу под небо
И, откинув голову назад,
К звёздам, где никто на свете не был,
Поднимаю жадные глаза.*

*Пусть кого-то темнота пугает,
Мрачное безмолвие небес...
Для меня Вселенная – живая
И полна загадочных чудес.*

7

*Если повезёт и слуха хватит,
То услышу не шутя, всерьёз,
Как на пыльных жерновах галактик
Хрустко лопают крупинки звёзд.*

*Как рождая новые планеты,
Охает Вселенная в поту.
Как с гуденьем носятся кометы,
Властно разгоняя темноту.*

*Верю, что она любвеобильна -
Много нас, и братьев, и сестёр!
Глупые случайности бессильны
Жизни погасить живой костёр.*

*И от звёзд глаза не отрывая,
Я на небо с нежностью смотрю...
Для меня Вселенная – живая,
С нею до рассвета говорю!*

Когда слушал Серёжу, вспомнился Экзюпери, и подумал: вот он, Маленький Принц. Воплотился в человека, чтобы помочь нам найти в сумерках бытия верное направление движения.

Потом возникло преклонение перед поистине энциклопедическими знаниями во многих областях науки, прежде всего всех разделов физики, особенно ядерной, перед потрясавшей воображение памятью, многих философов он цитировал дословно, я потом специально находил и перепроверял, всё всегда совпадало, но, всё же, краеугольной плитой всего была и до конца осталась наша общая любовь и судьба:

РОЗА МИРА

Глава 1

Детство и юность

Родился Серёжа 20 декабря 1960 года в городе Кургане. В семье электрика и рабочей завода. Сергей был младшим из трёх детей: старшей Валентины и среднего Василия. Родной Курган Серёжа очень любил:

Городок

*Вдалеке от великих событий,
В стороне от широких дорог,
Он лежит, очарованно тихий,
Детством милый, родной городок.*

*Там деревья под мощными кронами
Беззаветно покой берегут,
Там речушка со старыми клёнами
И у школы заброшенный пруд.*

*В этом городе, дрёмой окутанном
В доме, где у реки поворот,
Моя нежная память беспутная
Уж давно без прописки живёт.*

*Здесь увижу товарища верного
И опять, и в который уж раз*

*Заболею любовью, первую,
Встретив взгляд изумительных глаз.*

*Ожидая рассвет на окраине,
Затеряюсь в туманах мечты.
Моя юность мятежная, ранняя,
Где пропала, где сгнула ты?*

*Пусть он тихий, пусть скромный и маленький,
Пусть не ведает он тревог,
Он мне дорог воспоминаниями,
Удивительный городок.*

*Где весёлая, бесшабашная,
В детских снах у забытых ворот,
Пусть навеки уже вчерашняя,
Моя нежная память живёт.*

Из воспоминаний старшего брата Василия:

«В детстве мы жили в бараке на улице Комиссаров, дом 70. Этот барак стоит там и по сей день. Одноэтажное здание с колоннами и звездой над входом.

Братья Вася и Серёжа

В комнате стоял стол, три кровати, комод с приёмником-проигрывателем, стулья и шкаф

Нам купили по велосипеду. Мне двухколёсный, а Серёже трёхколёсный

Внутри коридор во всю его длину с залом посередине. По обе стороны коридора расположены комнаты. В каждой жила отдельная семья. Зал тоже был поделён на комнаты. Из него имелся «чёрный» ход. На зиму парадные двери, ведущие в зал, закрывались, чтобы было потеплее, и жильцы как бы делились на два подъезда.

«Удобства» были во дворе, вода в колонке.

В одной из этих комнат жила и наша семья.

Мы – это папа, мама, сестра Валя, я и мой младший брат Сергей.

Зимой в выходные дни мы, дети, часто играли в широкой части коридора.

Во дворе были так называемые сарайки. Сколоченные из досок и того, что было под рукой, они служили кладовками для временно ненужных вещей. Мы убрали туда на зиму велосипеды, лишние кровати, стулья, одежду и прочее.

В комнате стоял стол, три кровати, комод с приёмником-проигрывателем, стулья и шкаф. Шкаф ещё и отделял прихожую от комнаты. Импровизированная кухня, сделанная из листиков фанеры от посылочных ящиков, была крошечной, но спасала.

В ней мы готовили на электрической плитке еду.

Мы ходили сначала в ясли, расположенные недалеко от нашего барака, а потом в круглосуточный детский сад, откуда только на выходные забирали нас домой. (Так советская власть решала сразу два вопроса: воспитание формирующейся психики в нужном партии русле и создание условий в переполненных тараканьих бараках для полноценного отдыха «правлящего страной класса» – пролетариата. Прим. автора).

После того, как я пошёл в школу, стал сам забирать Серёжу из садика. Сейчас это покажется странным, но тогда мне, семилетнему, его отдавали.

... Однажды в нашей комнате рухнул потолок. Упавшей балкой переломило кровать родителей пополам. Дело было летом. Родители были на работе, а мы во дворе. Серёжа был в садике. Это нас и спасло. Нас переселили на время ремонта в школу.

Мы надеялись на переезд в новую квартиру, но нам подремонтировали старую и заселили обратно.

Там же мы учились кататься на велосипедах. Нам купили по велосипеду. Мне двухколёсный, а Серёже трёх, который тоже переделывался в двухколёсный. На них мы гоняли во дворе.

Недалеко протекала Чёрная речка, на которой женщины полоскали бельё. Летом мы в реке купались...

Семья

Серёжа после садика поступил в школу №6. Пошёл он в первый класс шестилетним, так как семь лет ему исполнялось в декабре.

Мы переехали на новую квартиру. Нас с Серёжей перевели в новые школы. Моего брата не хотели брать, так как школа была переполнена, а ему ещё шесть лет. Но удалось убедить директора, что в садик его тоже уже не возьмут, а оставлять дома одного не с кем. Это была начальная школа №1. По окончании её Серёжа перешёл в школу № 48, где и закончил обучение. Учился он хорошо.

У нас было обычное детство. Когда мы принесли с улицы котёнка, то он ещё не знал, для чего нужны глаза и натёкался на стены. Серёжа вставал по ночам, чтобы напоить его молоком. Он слышал писк котёнка, когда остальные крепко спали...

Позже он выпилил из дерева пистолет, потом ружьё, из которого сделал самострел. Мы покупали резиновый бинт и делали что-то типа рогатки, только более дальнобойное и с курком. Стреляли отходами дробного завода. Дробь летела дальше и точнее, чем камни.

Ходили купаться на речку. Один раз Серёжа, переплывая реку, начал тонуть, но его спасли.

Он часто играл с ребятами во дворе, а по вечерам они стояли в нашем подъезде между первым и вторым этажом и рассказывали друг другу разные истории. Иногда мы устраивали с ребятами игру в жмурки в нашей большой комнате.

Спали на самодельной двухъярусной койке. Для этого сняли дужки спинок с нижней и вставили ножки верхней. Но не учли, что спинки разные по высоте. И спавший наверху, получалось, лежал

чуть под углом. Потом это исправили, поменяв спинки у кроватей. Спавший наверху выключал свет в комнате...

Однажды Серёжа пришёл домой и рассказал, что ребята строят из коробок крепости, а из пластилина лепят воинов и устраивают битвы между княжествами. Мы тоже сделали из коробок красивую крепость, ещё и с угловыми башнями. Сделали 120 воинов.

Играть приходил к нам и наш сосед Витя. У него была крепость и 200 воинов. Вывели пехоту и конницу. Играли так: каждый держал в руке конника и сходились. У Витинового бойца в копьё из спички была вделана иголка, которая в случае промаха больно втыкалась в руку. Играл Серёжа. Он надел перчатку, о которую игла у Вити сломалась. Витя расстроился, обиделся, и игра на этом закончилась. Но договорились о следующей встрече.

Чтобы не покупать дорогой пластилин, мы покупали дешёвую оконную замазку. Из неё мы с Серёжей налепили 600 воинов! И у каждого был щит с эмблемой и копьё. Была и пушка из катушек от ниток, которая стреляла огрызками карандаша. Соорудили ещё и катапульту, которая считалась техникой. Разработали правила: пехота ходила на 10 сантиметров за один ход, конница на 20см, пушка стреляла один раз.

Наш противник принёс 1200 воинов, которых он выиграл у других ребят. А ещё он привёл напарника Андрея.

И война началась! Серёжа стрелял спичками, которые красиво загорались при выстреле, но попадали куда угодно, только не в цель.

У нас было обычное детство. Когда мы принесли с улицы котёнка, то он ещё не знал, для чего нужны глаза и натёкался на стены.

Он часто играл с ребятами во дворе, а по вечерам они стояли в нашем подъезде между первым и вторым этажом и рассказывали друг другу разные истории.

И у каждого был щит с эмблемой и копьё. Была и пушка из катушек от ниток, которая стреляла огрызками карандаша.

Вначале его обгоняли даже девочки, но потом он втянулся.

Сергей и ребята сами организовали довольно сильную и дружную футбольную команду.

Когда наши войска приблизились к крепости противника, Андрей взял кухонный нож и порубил одного нашего воина, как колбасу, сказав, что это новое секретное оружие. Тогда Серёжа взял гантель и нанёс сокрушительный удар по крепости противника, сказав, что это тоже наше новое секретное оружие. На этом битва закончилась.

Вскоре Серёжа поступил в секцию лёгкой атлетики. Вначале его обгоняли даже девочки, но потом он втянулся. Секция ездила на соревнования в другие города, но медалей, правда, не привозила... «

Жена Сергея Татьяна дополнила воспоминания Василия о школьном периоде жизни рассказом Сергея о том, что его часто пытались отправить на олимпиады по различным предметам, но он, как все мальчишки того времени, пытался от них увильнуть. Ибо проводились они по воскресениям. А это в те годы был у школьников единственный выходной день.

Сергей и ребята сами организовали довольно сильную и дружную футбольную команду, с которой участвовали в различных (тоже неофициальных) соревнованиях.

А ещё Серёжа очень любил свою классную руководительницу Людмилу Емельяновну и позже посвятил ей замечательное стихотворение:

*Книжный шелест, в линейку тетради,
Мела скрип по седой доске...
Завиваются в локон пряди
На любимом Вашем виске.*

*Осень! Осень сквозь окна рвётся!
Листопадом стучит в стекло.
Всё опять на круги вернётся,
Будто Прошлое не прошло.*

*Стоит двери чуть приоткрыться,
Тихо в классе, шумок поник.
Будет, верно, Вам долго сниться
Каждый бывший Ваш ученик.*

*И куда же уйти от этих
Стольких пар любопытных глаз?
Только дети уже не дети,
Но мы помним и любим Вас!*

*Не случайны Вы в наших судьбах,
Не докучливый эпизод,
И никто из нас не забудет
Сколько зим и лет не пройдёт,*

*Как у Школы Вы нас встречали,
Как мы были тогда близки,
Как кричали мы, как молчали,
Ваши вечные ученики.*

Одноклассник Андрей Доможиров вспоминает:

«Мы с Сергеем на уроках часто рисовали, прямо на учебниках. Разукрашивали Белинского, Гоголя, Коперника. Нам было весело и интересно! Сергей классно рисовал!!! Жаль, что не сохранились наши маленькие шалости...»

Рисовал Серёжа, действительно, замечательно. Многие его рисунки сохранились.

А вот о его юности, студенческих годах у меня очень мало воспоминаний! Вернёмся к написанному о нём Василием:

«В 1977 году Сергей окончил школу и поступил в Челябинский государственный университет, который за год до того открылся.

Жили в общежитии. Народу было ещё мало, и почти все были знакомы друг с другом. Этому очень способствовали ещё и совместные поездки осенью на уборку картошки.

На втором курсе Сергей жил в одной комнате с Сашей Дюрягиным и Вадимом Найманом. Из тумбочек они сделали колонки, которые использовали на местной дискотеке. Саша был поклонником «Битлз».

Вадим знакомил Серёжу с бездонной красотой классической музыки. И тот ею очень увлёкся.

Тогда же он познакомился со своей первой женой Натальей. Она была из группы химиков. По окончании университета они поженились. Свадьба была в Кургане.

Сергей отслужил один год в армии. Так полагалось после окончания высшего учебного заведения без военной кафедры. Служил он на Дальнем Востоке, на китайской границе. Отношения с Китаем в то время были очень напряжёнными, но, к счастью, большой войны не случилось.

После армии Сергей с Наташей стали жить в Челябинске. Там у них родилась дочь Алёна. Серёжа работал мастером на абразивном заводе, стремясь обеспечить семью. Но отношения с Наташей всё равно не сложились, и он вернулся в Курган к отцу, оставшемуся к этому времени одиноким.

В Кургане Сергей организовал клуб «Богопознание». (По аналогии с клубом в Челябинске, где он пользовался большим авторитетом. Прим. моё. НБ)

Но отношения в клубе сложились непростые, и клуб распался из-за нелепой борьбы за лидерство...» (В Челябинске такую борьбу сложно вообразить: настолько лидерство Сергея не вызывало ни у кого ни малейших сомнений. Прим. моё. НБ).

Из устных воспоминаний Василия:

Сергей с друзьями входили в студенческий оперативный отряд дружинников. Активно помогали милиции бороться с нарушителями порядка. А заодно и с местной шпаной, отбиравшей в подворотнях у студентов карманные деньги.

Однажды на большой церковный праздник Серёжин оперотряд охранял крестный ход. Пьяная шпана в те атеистические времена вела себя иногда откровенно по-хулигански, а то и по-бандитски. Оскорбляли верующих и священнослужителей. Затевали ссоры, а порой и драки. Во время одной из таких потасовок у одного из местных студентов-дружинников сорвалась с поводка овчарка. Покусанные «атеисты» в панике разбежались. Стоявшие сцепившись локтями студенты вздохнули с облегчением. Больше мешать крестному ходу никто не решался.

Так Серёжа ещё студентом внимательно присматривался к будущей духовной матери своей, Русской Православной Церкви...

Из тумбочек они сделали колонки, которые использовали на местной дискотеке.

Служил он на Дальнем Востоке, на китайской границе.

Глава 2

Челябинская Роза Мира.

Начать рассказ о промелькнувшем в Челябинске, как комета на небосклоне, кружке Сергея Брисюка по изучению «Розы Мира» Даниила Андреева необходимо с напоминания о приметах времени, в которое произошло это яркое событие.

С треском рухнул и рассыпался на независимые государства «Союз нерушимый республик свободных...», который, якобы, «Сплотила навеки Великая Русь». Ушла вместе с ним в небытие и «научная» школа марксизма-ленинизма.

Наперегонки бросились в капитализм, в ЕС, в НАТО наши бывшие социалистические братья, страны Варшавского договора.

Но в то время почти никто не ставил это в вину пьяному от вина и эйфории Борису Николаевичу Ельцину. Наоборот, народные массы во главе с интеллигенцией его любили и поддерживали за глоток чистого, казалось, воздуха свободы, плюрализма во всём и истинной демократии в управлении государством. Многие верили, что нас с обьятиями примут теперь в братский союз капиталистических государств.

С треском рухнул и рассыпался на независимые государства «Союз нерушимый республик свободных...»

Чуть смутил, правда, расстрел из танков верховного совета России (1993год). Формального носителя наравне с президентом воли народа. Но СМИ тогда удалось убедить народ, что диктаторская выходка Ельцина – это добро (молчаливо одобренное Западом), а попытка бороться за сохранение остатков ценностей социализма в экономике и социальной сфере народных депутатов во главе с умнейшим Хасбулатовым – это зло, мешающее обновлённой России тоже вступить во всё, вплоть до НАТО.

Только сейчас, да и то далеко не всем, становится ясно, что мы сами, добровольно и с радостью идиотов осуществили многовековую мечту англо-саксов низвести Россию до состояния колонии. Лично меня привели в чувство циничные слова Маргарет Тетчер о том, что в России надо оставить 40 миллионов человек для обслуживания бензоколонки. Но это произошло позже.

А тогда, в 1992 – 1994 годах, повторюсь, мы с нашим президентом будто охмелели от непривычного воздуха свободы слова, собраний, вероисповедания и мировоззрения.

Я, как «правоверный» коммунист, дипломированный идеолог марксизма-ленинизма, до знакомства с «Розой Мира» и Сергеем Брисюком искренне недоумевал: «Ладно, КПСС завралась и заворовалась, её разогнали поделом. Пришедшие ей на смену политический плюрализм и демократия – действительно, некоторая гарантия от узурпации власти шайкой старых маразматиков и их приспешников.

Но зачем рушить экономику? Зачем ликвидировать социальные достижения, добытые народом огромным числом жертв? Зачем добровольно становиться в положение сырьевой колонии? А самое главное: почему сам народ добровольно и даже охотно идёт на эту социально-экономическую кастрацию?!

Закрывались тысячи больниц, школ, детских садов, шахт, фабрик, заводов, дворцов культуры, домов отдыха, санаториев, пансионатов и даже библиотек. Куда мы катимся?

Даниил Андреев и Сергей Брисюк дали мне на эти вопросы чёткий и исчерпывающий ответ: сменилась глобальная метаисторическая идеология. Кончилась эпоха «всадника на красном коне» – воинствующего материализма, и пришла эпоха «всадника на вороном коне» – рыночного демократизма.

Духовная свобода («Вина и елея не повреждай») того времени была не только в речах с трибун и в лозунгах. Она чувствовалась нами всеми фибрами души. И именно поэтому, несмотря на экономическую нестабильность и неопределённость в стране, мы часто пребывали в эйфории. Особенно на наших занятиях. А Сергей ещё при первой встрече на Селезяне стал мне «роднее всех родных»...

Сергей, как и я, считал, что вот-вот должна наступить эпоха строительства всемирного братства народов, эпоха Розы Мира. И он выбрал путь активного служения этому процессу, путь миссионера. Собственно, миссионером как целью прихода в этот мир, он был от рождения. В этом я не сомневался с первых минут знакомства.

Но нас обоих ждало глубокое разочарование: мир упорно не хотел становиться чище и светлее, рыночный демократизм культивировал в гораздо большей степени национальный эгоизм и разобщение, чем альтруизм и любовь народов. В долгих личных беседах мы анализировали метаисторические причины происходящего вокруг и в жарких спорах пришли к выводу: чередование всадников ведёт земную историю по сценарию Откровения к появлению на арене бытия «всадника на бледном коне».

Я сильно забежал вперёд, ибо к такому убеждению мы пришли незадолго до Серёжиного ухода в мир иной. А в челябинский период общения мы ещё были полны веры в стройные ряды огромных народных масс, радостно идущих к единому государству-братству!

Я был старше Сергея на четыре с половиной года, но это никак не мешало испытывать радостное благоговение перед ним.

Потрясали огромная эрудиция, замечательная память и умение свободно оперировать в дискуссии всем багажом знаний и собственных открытий. Главное для меня было, конечно, преданное и глубокое, активное отношение к «Розе Мира» и самому Даниилу Андрееву.

Закрывались тысячи больниц, школ, детских садов, шахт, фабрик, заводов.

В долгих личных беседах мы анализировали метаисторические причины происходящего вокруг.

Сергей предпочитал не солировать на занятиях, как профессор на лекции, а хотел всех вовлечь в активный процесс духовного обогащения

Тогда Сергей сам кратко и чётко дополнил и обобщил учение Кастанеды

Потрясали огромная эрудиция, замечательная память и умение свободно оперировать в дискуссии всем багажом знаний.

Сергей шёл к ней от науки и одной из своих главных задач видел устранение мнимого противоречия между научным и религиозным методами познания Вселенной. Я, хоть и был тогда технарём (инженером-электронщиком, глубоко убеждённым, что самый интересный в мире журнал – это «Радио»), начинал больше и больше тяготеть к художественному познанию тайн Бытия. Писал в то время огромный роман «Шаман», который Серёжа читал и хвалил за хороший авторский язык. Роман этот я сам впоследствии отнёс к разделу графомании и по примеру Гоголя сжёг в печке. Но это так, лирическое отступление...

... Первое посещение Серёжиного кружка Розы Мира в челябинской областной публичной библиотеке меня немного разочаровало. Дело было в том, что Сергей предпочитал не солировать на занятиях, как профессор на лекции, а хотел всех вовлечь в активный процесс духовного обогащения. Поэтому он предлагал другим участникам кружка находить интересные эзотерические материалы и готовить по ним доклады. Так как занятия шли уже давно, на очередной такой не Серёжин доклад я и попал. И познакомился с ещё одним моим будущим лучшим другом Володей Малютиным.

Его в то время очень увлекла книга Карлоса Кастанеды «Учение Дона Хуана». Объём книги был очень приличный, излагал мысли Карлоса Володя неторопливо и очень обстоятельно, с подробными собственными комментариями. На фоне «Розы Мира» мысли были созвучными и интересными, но во многом уже казавшимися нам банальными. И очень скоро мы заскучали.

Я для себя сделал вывод, что все эти мысли Даниилом Андреевым изложены гораздо более внятно, гораздо шире и полнее.

Я, как выяснилось потом, попал уже на второй доклад Володи по этой теме. А всего он их анонсировал четыре.

Однако уже на третьем (втором для меня) выяснилось, что заскучал не только я, но и большинство слушателей, и начался стихийный «бунт на корабле».

О том, что эта тягомотина всем надоела, прямо и открыто заявила красивая и очень самоуверенная женщина. Звали её Наталья Перерва. Володя сильно смутился. Мне стало жаль его, но в тот раз я поддержал Наталью и дипломатично высказал своё мнение о том, что есть много других более интересных произведений с точки зрения расширения духовного кругозора.

Серёжа вежливо и бережно по отношению к Володе тоже примкнул к нашему мнению.

Володя обиделся и сказал, что в таком случае это был последний его доклад. Сергей попытался его успокоить и искренне поблагодарил за проделанную работу, предложил обсудить услышанное, но никто ничего внятного, кроме опять же благодарностей докладчику, не сказал. Тогда Сергей сам кратко и чётко дополнил и обобщил учение Кастанеды и сделал вывод о его несомненной пользе в русле грядущего всеобъемлющего учения Розы Мира. Чувствовалось, что он тоже уже прочитал и проанализировал этот объёмный труд. Володя на глазах подобрел и смягчился.

А я сделал вывод для себя: Сергей использует на занятиях удачный педагогический приём. Ма-

териал, который человек не просто слушает, а сам изучает и докладывает, усваивается намного лучше, «становится своим»!

И вот, наконец, занятие, которое полностью ведёт сам Серёжа! И тема занятия лежит в русле изучения, развития и углубления идей Даниила Андреева.

Противоречия в развитии человечества. Мнимые и действительные. Один из краеугольных камней грядущей интеррелигии Розы Мира.

Наши духовные оппоненты, как мы условились называть весь антикосмос, нагромоздили этих противоречий в мышлении человека везде и во всём. И бережному, вслед за великими мыслителями прошлого, устранению мнимых противоречий и посвятил Сергей очередное занятие. Для него это было очень важно, так как одной из своих основных миссий он видел устранение кажущегося антагонизма науки и религий.

Чтобы проиллюстрировать, о чём речь, вслед за Сергеем приведу цитаты из книги «Роза Мира». Сергей на занятиях делал это постоянно. И по памяти, и по книгам, которыми был полон его «дипломат». Я обратил внимание тогда на его экземпляр «Розы Мира». Книга вся была в закладках, карандашных подчёркиваниях и заметках на полях, полна вложенных листочков с обширными замечаниями. Такое живое и творческое общение с книгой мне очень понравилось, и я тоже взял его на вооружение...

Итак, необходимая цитата («Р.М.» в моём изд. стр.50):

«Истинными называем мы ту теорию или учение, которые, на наш взгляд, выражают неискажённое представление о каком-либо объекте познания.

В точном смысле слова истина есть неискажённое отражение какого-либо объекта познания в нашем уме...»

«... Абсолютная истина универсальная есть неискажённое отражение в сознании Большой Вселенной, познанной «в себе» (Здесь Д.А. берёт в кавычки терминологию немецких философов).

«...Естественно, что Абсолютная истина Большой Вселенной может вместиться лишь в сознание соизмеримого ей субъекта познания, субъекта всеведущего, способного отождествиться с познаваемым объектом, способного познавать вещи не только «от себя», но и «в себе». Такого субъекта познания именуют Абсолютом, Богом, Солнцем Мира...»

Лицо Сергея в эти минуты сияло вдохновением, светилось в невидимом спектре, в прямом смысле слова. Мы сидели замороженные, что называется, не дыша. Я огляделся, и меня неприятно поразило, что красивое лицо Наташи Перервы выражало неподдельную скуку. Это сильно поколебало мою зарождающуюся к ней симпатию. Позже у меня установилось к ней сочувственно-снисходительное отношение. Красота легко мирит мужчин с другими «недостатками» женщин. А Сергей вдруг улыбнулся и подмигнул мне. И я понял, что он всё видит и всё держит под контролем! Он продолжил цитировать: «Бог в себе», как Объект познания, познаваем (изначально) только Собою. Его Абсолютная истина, как и Абсолютная истина Вселенной, доступна только Ему...»

– Если так, то зачем пытаться стучаться в закрытые двери? – не выдержала и перебила Сергея Наталья.

Книга вся была в закладках, карандашных подчёркиваниях и заметках на полях

Такого субъекта познания именуют Абсолютом, Богом, Солнцем Мира...»

Красота легко мирит мужчин с другими «недостатками» женщин.

– Наберись, Наташа, терпения. Если внимательно дослушаешь до конца, в моём докладе прозвучит ответ на твой вопрос. Как и на многие другие. А если я буду постоянно отвлекаться на объяснение вещей для кого-то сложных и спорных, а для кого-то банальных, мы потонем в частностях и не получим гармоничной и цельной картины рассматриваемого вопроса. На твой я, как раз, и дам сейчас ответ ещё одной цитатой из «Розы Мира»:

«Ясно, что любая частная истина, сколь бы мал ни был объект познания, для нас доступна только в её относительном варианте. Такой агностицизм, однако, не должен быть понят, как безальтернативный: при конечном совпадении любого частного субъекта познания, любой монады с Субъектом Абсолютным, для неё становится возможным познание не только «от себя», но и «в себе». Таким образом правомерен не безусловный, а только стадийный агностицизм.»

– А теперь переведи это, пожалуйста, на нормальный человеческий язык. На вашем тарабарском философском я ничего не поняла! – снова перебила неугомонная Наталья.

Я тоже немного растерялся. Слово «стадийный» было понятным – временный на данном этапе развития, а вот значение много раз слышанного слова «агностицизм» вылетело из головы. Но сам, подобно Наталье, уточнить у Сергея я постеснялся. И в этот раз внутренне с сочувствием отнёсся к её насмешке над профессиональным сленгом философов.

На этот раз и Сергей отнёсся к возражению Наташи с юмором и пониманием и терпеливо начал разъяснять смысл цитаты:

– Агностицизм – это учение, утверждающее, что Бог не познаваем в принципе, навсегда трансцендентен по определению, а, следовательно, глупо и пытаться познать секреты Его Сущности, Его Божественный План созидания Большой Вселенной.

Но это в корне противоречит утверждению Библии о том, что мы созданы Им по Своему образу и подобию.

По мере реализации в себе этого образа и подобия мы будем приближаться и по масштабу личности, и по объёму знаний к Творцу Вселенной. Звучит очень фантастично, но в этом весь смысл нашего сотворения и бытия. И именно поэтому необходимо постоянно и настойчиво работать над расширением своего кругозора...

– «Под лежащий камень вода не течёт», – не утерпел и вставил я.

– Точно! – улыбнулся Серёжа, – Именно поэтому Даниил Андреев и утверждает, что наша невозможность вместить Абсолютную истину о Боге и Вселенной является стадийной, то есть соответствующей нынешнему уровню развития наших монад.

Очень хотелось сделать Сергею комплимент, сказать, что его уровень развития заметно выше среднестатистического, но я опять постеснялся.

Ибо явно видел, с какой неприязнью большинство поклонников и поклонниц Сергея относятся к постоянно перебивающей его Наталье. Чтобы не раздражать их, я понял, не стоит во время лекции перебивать Сергея даже комплиментами.

Позже я понял, что этого не стоит делать по другой причине: прерывается поток светлого Вдохновения, в котором он купается и которым щедро

делится с нами. Понял и какие силы колют шилом Перерву, заставляя постоянно сбивать Серёжу с настроя. А до того, освоившись и осмелев, тоже любил поумничать во время доклада. И сейчас, задним числом, очень жалею об этом...

В тот раз я молчал ещё и потому, что тема была мне очень близка и интересна, а Сергей из-за нас всё ещё не продвинулся дальше вступления. Именно это заставило меня тоже посмотреть на опять что-то спросившую Наталью с суровым осуждением. И по интересному совпадению притихла и она.

– Итак, – продолжил Серёжа, – понятно, что, как дальше пишет Даниил: *«Относительная истина Вселенной и относительная истина Божества порождают столько же личных вариантов, сколько воспринимающих субъектов. Ясно, стало быть, что все наши «истины», суть, строго говоря, лишь приближения к истинам».*

Здесь Даниил Андреев ссылается на учение Канта о гносеологии, о движении человека и всего человечества от незнания к знанию. Но кто из нас, даже изучавших, понял и усвоил это учение великого философа, как руководство к действию? Кант, в отличие от Гегеля, был глубоко верующим идеалистом, и потому плохо вписался в нашу марксистско-ленинскую философию. И остался как бы на обочине глубокого изучения в советских ВУЗах.

Даниил это тоже осознаёт и поэтому подробно поясняет свою мысль. Послушайте внимательно, это очень важно! Это один из краеугольных камней отношения Розы Мира к церквям и религиозным учениям:

«Если бы Абсолютной истиной обладал какой-нибудь человеческий субъект, например, коллективное сознание конкретно-исторической церкви, это обнаружилось бы объективно в безусловном всеведении этого коллективного сознания. И тот факт, что таким всеведением не обладает ни один человеческий коллектив и ни одна личность, лишний раз показывает беспочвенность претензий какого бы то ни было учения на абсолютную истинность. Если бы представители Розы Мира вздумали когда-нибудь претендовать на абсолютную истинность её учения, это было бы также беспочвенно и нелепо».

Сейчас это предостережение кажется слишком преждевременным, даже таких кружков, как наш, считанные единицы. Но придёт время, и догматизация написанного Даниилом Андреевым будет так же опасна, как нетерпимость и фанатизм последователей любых других учений. Именно фанатичные, но недалёкие по развитию последователи доводят всё, за что ни берутся, до крайности и до абсурда. И превращают белое в чёрное, а добро в зло...

– Раз мы истину способны постичь только очень поверхностно и приближённо, то как мы можем уверенно отличать добро от зла? Может, никакого зла и не существует, а тоже есть наше стадийное непонимание Божьего плана? – задала Наталья очень коварный вопрос.

– Открой дверь, сунь пальцы между дверью и косяком и закрой дверь!

– Садист! – с показным возмущением воскликнула Наташа и улыбнулась. Мы все тоже. По залу пробежала волна оживления. Проснулись дремавшие и с интересом ждали развязки неожиданной перепалки.

Кант, в отличие от Гегеля, был глубоко верующим идеалистом

– Раз мы истину способны постичь только очень поверхностно и приближённо, то как мы можем уверенно отличать добро от зла?

Злом мы называем нежелательное, вызывающее страдание и протест.

Излучение светлых энергий – это пища ангельских Иерархий. И строительный материал Вселенной.

Совершенно ложных учений нет и не может быть.

– Ну а что? – добродушно улыбался и Сергей.

– Нет ведь ни добра, ни зла! Вдруг ампутация пары пальчиков пойдёт тебе как-нибудь на пользу? Помнишь, когда мы познакомились с тобой, ещё сидя на пальме, у нас были хвосты?! И там они нам были позарез необходимы! Но когда мы спустились на землю, они отпали за ненадобностью.

– Так они атрофировались естественно, безболезненно.

– Вот! Злом мы называем нежелательное, вызывающее страдание и протест. Кстати, излучение нашего страдания в терминологии Розы Мира – гаввах, это основной продукт питания демонических сил. И наоборот, излучение светлых энергий – это пища ангельских Иерархий. И строительный материал Вселенной.

– Тогда почему ваше христианство объявило грехом физическую близость? Ведь ты же не будешь спорить, что это – одно из самых больших наслаждений на Земле?

– Не буду. Действительно, в таинство продолжения рода Провидение заложило самое большое наслаждение. Но оно ещё стократно усиливается, если происходит не как быстротечное удовлетворение похоти, а по большой и взаимной любви! И христианство освящает такую любовь таинством брака. А осуждает, обрати внимание, не любодейание, а прелюбодейание. То есть соблазн чужой жены, вторжение в чужую семью и, как правило, её разрушение. Наташа, я понимаю, что эта тема гораздо более интересная и волнующая, чем наша сегодняшняя. Тема любви и взаимоотношения полов огромна! И будет понижывать все наши занятия. А сегодня позволь, я

всё– таки договорю о действительных и мнимых противоречиях в русле становления Розы Мира. Можно?

– Ладно уж, давай! – с величием императрицы милостиво кивнула Наталья, и большинство опять улыбнулось.

Сергей продолжил:

«Но столь же беспочвенно и нелепо утверждение, будто бы все учения, или какое-либо одно учение ложно. Совершенно ложных учений нет и не может быть. Если бы появилось мнение, лишённое даже крупницы истинности, ... оно осталось бы собственностью того, кто произвёл его на свет. Что и случается, например, с философскими, или псевдонаучными построениями душевнобольных. Ложными, в строгом смысле слова, могут быть только отдельные частные утверждения, которым способен придавать иллюзию истинности заёмный свет...»

И вот, обратите внимание, ещё особенно важное в свете нынешних времён:

«Будущее учение Противобога, которым, по-видимому, ознаменуется последний этап всемирной истории, построится таким образом, что при минимальном весе частичноистинного элемента свет от него будет придавать вид истинности максимуму ложных утверждений. Этим и обусловится то обстоятельство, что это учение будет запутывать человеческое сознание в тенётах лжи прочнее и безысходнее, чем какое-либо другое.»

– А как почувствовать, или осознать: вот это учение истинное, а вот это ложное? – не утерпел и спросил Серёжу я. Уж очень взволновал меня этот вопрос.

Сергей внимательно и как-то странно посмотрел мне в глаза и задумался на полминуты. Потом сказал:

– Ты просишь меня в двух словах сформулировать одну из сложнейших задач философии и богословия: критерий истинности. Что ж, попробую! Человеческое сознание – очень сложный, многоуровневый механизм. Интеллектуальная его часть формируется всю, так называемую, сознательную жизнь. Но одним интеллектом сознание человека не определяется. Интеллекту свойственно заблуждаться. И именно на рассудочном пути, на внешне убедительных и логичных построениях софисты с ловкостью фокусников умудряются обосновать и доказать прямо противоположные утверждения. Но у человека кроме дневного, связанного с телесным носителем сознания, есть ещё и связь с Космосом, с Богом. В каком бы зачаточном состоянии она ни была, в критические моменты она подаёт тревожные сигналы. Материалисты называют это интуицией. Пусть будет интуиция. То есть, Коля, если чувствуешь в том, что тебе пытаются внушить, сомнения, прислушайся к своей интуиции и включай здоровый скептицизм. Вот какие ощущения вызывает то, что я сейчас сказал?

– Замечательные! – искренне улыбнулся я, – Спасибо, Сергей. Извини, что перебил и опять отвлек от темы.

– Да нет, этот вопрос был именно по теме! И в некоторых случаях, уточняющих и развивающих тему, спрашивать непонятное можно и даже нужно. Итак, мы всё-таки добрались до темы сегодняшнего занятия, до мнимых и действительных противоречий. Откройте, у кого такое же издание, страницу 55 и подчеркните эти строки:

«Религии, к разряду учений «левой руки» не относящиеся, разнствуют между собой не в силу истинности одной из них и ложности остальных, а по двум совершенно другим координатам.

А именно

во-первых – в силу различных ступеней своего восхождения к абсолютной истине, то есть совершенно по-разному убыванию в них субъективного и эпохально-го элементов. Это стадияльное различие можно условно назвать различием по вертикали;

во-вторых – они разнствуют между собой в силу того, что они говорят о разном, отражают различные ряды объектов познания. Этот род различий – различий сегментарных – можно условно назвать различиями по горизонтали.

Оба вида различий следует ни на минуту не упускать из виду при рассмотрении вопроса об отношении Розы Мира к другим религиям.

В развитии науки мы наблюдаем непрерывный процесс накопления относительных частных истин и их совершенствование, уточнение. На очередной стадии отвергаются обычно не ряды накопленных ранее фактов, а лишь их устаревшее толкование...

Но в истории религий господствуют, к сожалению, иные обычаи...»

Вспомните, сколько в мире пролито крови именно из-за религиозных, якобы непримиримых противоречий! Апологеты новых религиозных учений, не умея убедить в своей правоте словами, пытались навязать новое мировоззрение огнём и мечом. И это стало ещё одним фактором, приведшим мир к глобальной победе материализма. Но сейчас, пожалуй, впервые в истории человечества пробуждается тяга

Человеческое сознание – очень сложный, многоуровневый механизм.

Но одним интеллектом сознание человека не определяется. Интеллекту свойственно заблуждаться.

Изначально знание человека о Вселенной и Боге было цельным.

Сейчас, конечно, сложно представить себе богослова и мистика, ещё и одинаково гениального во всех сферах науки, техники и искусства.

именно собирать, а не разбрасывать камни знаний и духовного опыта. То есть зреет потребность именно в завершающей историю духовных метаний и поисков человечества интеррелигии, религии итога духовного развития человека – Розе Мира! А вы что думаете по этому поводу?

– Есть уже движение, ставящее целью объединение христианских церквей. Экуменизм называется. Может, это уже и есть первые реальные ростки Розы Мира? – спросил Володя Малютин.

– Возможно. Но там всё погрязло, опять таки, в невозможности согласовать догматические расхождения и культовые различия. А Роза Мира должна будет стать бесспорным для всех синтезом всех накопленных человечеством сокровищ. То есть не только в религиозных культурах, кои лучше вообще не трогать, как священные для каждой группы верующих таинства, а и в науке, и в философии, и во всех видах искусства. Я почему и говорю о времени собирать камни. Изначально знание человека о Вселенной и Боге было цельным. Но по мере увеличения его объёма потребовалась так называемая «узкая специализация». Сейчас, конечно, сложно представить себе богослова и мистика, ещё и одинаково гениального во всех сферах науки, техники и искусства. Слишком велик объём необходимой для этого информации.

– А как же тогда возникнет Роза Мира? Ведь ты сам говоришь, что все учения возникают сначала в голове великих учителей. А уже потом становятся через учеников достоянием масс.

– Придёт, Юра, такой человек! Но и он в своей деятельности будет опираться на коллектив из лучших и достойнейших в каждой области знаний и практической деятельности...

– Что же, дорогие мои, нам, увь, пора на сегодня закругляться. Да, Полина Николаевна? Ваши вопросы, замечания, предложения?

Поднялась Полина Николаевна. Эта милостивая, невысокая женщина была лет на двадцать старше большинства из нас. У неё были элементы ясновидения. Например, она видела наши ауры. И восхищалась Серёжиной. И вообще его боготворила, как и большинство из нас. В группе она была кем-то вроде неформального старосты, взяв на себя все организационные вопросы. В том числе следила и за временем занятий, ибо зал, который нам выделила Челябинская областная публичная библиотека, после нашего занятия нужен был для других дел.

Сергей же ко времени относился, можно сказать, безалаберно. И когда нас иногда попросту выставляли за двери, а рассматриваемый вопрос требовал ещё обсуждения, мы продолжали занятия, провожая все вместе Сергея. Или присаживались на скамейки в каком-нибудь сквере.

В тот день, или в другой, но помню, что Полина Николаевна единственный раз осмелилась сделать Серёже замечание по форме ведения занятий:

– Я, Серёжа, хотела бы поддержать Наташу. Понятно, что у философов выработался свой язык, на котором меж собой они общаются свободно. Но при чтении лекций нам, простым смертным, я считаю, было бы полезно давать пояснения ко всем этим «измам» и «логиям». Иначе многое просто скользит мимо сознания. Прости меня, пожалуйста.

– Да за что же, Полина Николаевна! – приветливо и ободряюще улыбнулся ей Сергей. – Вы правы! Я и сам философ доморощенный. А по образованию и призванию – физик.

– И метафизик! – добавил я.

– Ну да. Хорошо! Давайте возьмём за правило приводить иностранные термины с пояснениями. А лучше вообще по возможности избегать их.

* * *

Это занятие врезалось в память так ярко видимо, потому, что было бальзамом для души. Впрочем, были и десятки других, не менее ярких и интересных, особенно по божественной сути звуков, букв и чисел. Юре, по его словам, запомнилась лекция по метафизике человека: многомерность, тела, чакры, потоки восходящих и нисходящих энергий, незримая война за просветление. Но об этом я хочу подробно рассказать в четвёртой и пятой главах, так как они стали для Серёжи важными в работе над *философией Троицы*, а затем вошли и во всё обобщающий и доступно переосмысливающий роман «Библиотекарь».

Пару десятков раз, наверное, за эти два года занятий мы собирались у кого-нибудь на квартире, в неформальной обстановке. В том числе и у меня. Потом мы чаще стали уединяться с Серёжей вдвоём. Ибо начинали осознавать, что по-настоящему, от «а» до «я», приняли Розу Мира за образ и смысл жизни и руководство к действию из всей нашей компании только мы двое. Жизнь, правда, была очень непростой, и приходилось иногда просто выживать.

Лишь много позже, задним числом, я узнал, какие тяжелые, приведшие к разводу, сложились у Сергея отношения с женой Натальей. При его огромной любви к единственной дочери Алёне

представляю, как мучителен был для него этот разрыв. А потом умерла его любимая мама. Как тяжело Сергей переживал эту потерю, я видел сам и, как мог, старался его поддержать. Под давлением всех семейных обстоятельств, особенно необходимости поддержать отца, Серёжа принял удручающее для всех нас решение вернуться в родной Курган...

Незадолго до этого я прочитал потрясающую меня книгу индийского философа Йогананды «Путь йогина». И тоже сделал по ней маленький, на половину занятия, доклад. И понял, как это не просто: справиться с косноязычием от волнения и завоевать внимание аудитории. А потом его удержать. Помню, что пришёл к твёрдому убеждению: читать лекции – это абсолютно не моё. Но жизнь сложилась так, что через двадцать лет пришлось всё-таки два года преподавать. И школа Сергея очень пригодилась! Я просто вспоминал и копировал его манеру говорить, общаться и подбадривать думающих студентов...

Из наших с Сережей жарких домашних дискуссий запомнились споры об идеальном социальном строе, о роли творчества в становлении личности и самые жаркие – о РПЦ. Примерно в то же время происходили и другие важные для нашего духовного становления внутренние и внешние процессы.

А время было удивительное по происходящим вокруг глобальным для России и мира политическим, экономическим и социальным потрясениям.

Рухнул и канул в Лету незыблемый, казалось, гигант: Союз Советских Социалистических Республик. Варшавский блок, лишившись лидера-церебра, наперегонки бросился в капитализм, а затем в ЕС и НАТО.

Хорошо! Давайте возьмём за правило приводить иностранные термины с пояснениями.

запомнились споры об идеальном социальном строе, о роли творчества в становлении личности

На Бажовском фестивале, 1995 год

его заявления в дружеских беседах о том, что наши скромные дарования в художественном творчестве – это побочный продукт духовного развития в правильном направлении, казались нам шуткой

Но тогда, в 1993 году, мы еще верили в то, что все трудности переходного периода («дикого капитализма») компенсируются затем высоким уровнем жизни всего народа, а не только чиновников и олигархов.

Впрочем, пришедшая на смену монополии КПСС на слово и веру настоящая свобода того и другого наполняли ум и сердце состоянием поэтической восторженности и эйфории.

Я к тому времени за три с половиной десятка лет сознательной жизни написал с десятков стихотворений, не считая рифмованных поздравилок, и на этом основании считал себя поэтом. Первые попытки выражать мысли и чувства в рифму делали и Юра, и Володя. Сергей на нашем фоне казался нам тогда вполне состоявшимся и почти гениальным поэтом. И его заявления в дружеских беседах о том, что наши скромные дарования в художественном творчестве – это побочный продукт духовного развития в правильном направлении, казались нам шуткой нашего скромного гуру.

В то же время происходило и наше самоопределение в отношениях с верой и религией. Внешне мы все четверо вошли в лоно Русской Православной Церкви и соблюдали заповеди и каноны. Но внутренне степень воцерковления была у каждого своя. Что потом и предопределило наши жаркие споры и даже некоторое охлаждение братских отношений друг к другу. Володя стал глубоко верующим и бескомпромиссным апологетом РПЦ. Серёжа до конца жизни пытался четко различать, что в земной церкви от Бога и от Вселенской Церкви, а что в ней историческое, эгрегориальное и человеческое привношение.

Я безоговорочно принял обряд и таинства РПЦ, чувствуя волшебную и спасительную для души силу покаяния и Причастия. А к демонстративной, показной набожности и религиозной нетерпимости некоторой части клира и прихожан относился снисходительно.

Все недостатки РПЦ для меня досадны, но не критичны ни внешне, ни внутренне, как болезни родной матери.

Что происходило в душе Юры, понять было сложно, ибо он не любил говорить о себе. Да и вообще мало говорил, предпочитая слушать других. Зато слушал очень внимательно. Где-то летом 1993 года он предложил мне посетить ради расширения кругозора лекции Зухры Закирзяновой. Ее занятия проходили почти рядом, в аудиториях ЧИМСХ. Я решил, большого вреда не будет, а другу сделаю приятное. Уже видно было, что он влюбился в Зухру без ума и памяти.

Невысокая ростом, стройная женщина с ярко выраженными восточными чертами лица не была Шахеризадой, но было что-то во взгляде темно-карих, почти черных глаз, неотразимое, гипнотизирующее и завораживающее. А когда она начала говорить, я понял, что не влюбиться в нее очень сложно. Меня спасло то, что я любил и люблю Юру как родного брата, которому ни в каком виде не хотел составить конкуренцию. Впрочем, в то время она не обращала на нас почти никакого внимания. Ответный ее интерес к нам просыпался постепенно в течение многих месяцев.

У меня, как я потом узнал, так бывает у неофитов, в то волшебное время первых духовных опытов и открытий появились элементы ясновидения.

В православной литературе я прочитал у кого-то из святых отцов, что Господь попускает для укрепления веры своего рода духовный аванс: приоткрытие духовного зрения и слуха.

Сейчас, анализируя задним числом то, что показал мне мой ангел-хранитель, я вижу не случайность и не спонтанность показанного. Видений было немало, десятка полтора, но к этой повести отношение имеют три или четыре. Я их для себя назвал «Золотым водопадом».

Первый раз этот водопад я «увидел» во время лекций Сергея. Над ним исчез потолок библиотечного зала и сверху хлынул поток ослепительного, жидкого, мягкого, как пух, и теплого золота. Он втекал в голову Сережи и уже из нее острыми, как шпаги, лучами входил почти в каждого из нас, сидящих и слушающих его. Второй раз я увидел «Золотой водопад» в Свято-Троицком храме Челябинска во время проповеди молодого священника. Он падал ему на голову, но дальше расходился не конкретными лучами, а разбрызгивался по всему храму, попадая на всех нас. Очень похоже на окропление священником паствы во время крестного хода.

Третий раз я увидел ставший уже родным мне «водопад» на лекции Зухры. Он щедро падал на нее, она явно чувствовала его и купалась в нем, но меня поразило то, что нам доставалось лишь небольшое туманное сияние, слабо светящееся вокруг. Тогда я не придавал этому большого значения, но после беседы с Сергеем понял духовную суть увиденного...

Мы с Юрой загорелись идеей познакомить и подружить наших гуру. Нам казалось, что они не смогут не подружиться. Для нас они оба были

как святые, сошедшие с Небес для спасения наших душ. И раз делали одно большое и светлое дело, значит, брат и сестра по духу.

Мы уговорили Сергея прийти на лекцию Зухры. После лекции они больше часа сидели и разговаривали о чём-то. Иногда горячо, иногда иронично спорили. Мы с Юрой сидели поодаль и подслушивать не смели.

Несколько дней спустя я спросил Серёжу, какое впечатление произвела на него Зухра. Сергей печально улыбнулся и сказал:

– Между нами есть принципиальная разница. Говорим мы с ней об одном: о вере в Бога, о Вселенной, о смысле бытия. Но я проповедую во Имя Божие изнутри Его Церкви и во славу Божию, а она проповедует во имя своё и тешит тщеславие непомерно гипертрофированного эго. Понимаешь разницу? Юре этого не говори. Он слишком влюблён, и пока не поймёт и не примет моих слов. Но время лечит всех.

Честно говоря, в тот момент и я обиделся немало на Сергея за Зухру. Суд его показался излишне суров и безапелляционен. Более двадцати лет мне понадобилось, чтобы убедиться в правоте его суждений о Зухре.

анализируя задним числом то, что показал мне мой ангел-хранитель, я вижу не случайность и не спонтанность показанного.

Над ним исчез потолок библиотечного зала и сверху хлынул поток ослепительного, жидкого, мягкого, как пух, и теплого золота.

Говорим мы с ней об одном: о вере в Бога, о Вселенной, о смысле бытия.

Глава 3 Для Бога нет провинций

Сергей БРИСЮК (Все стихи в этой главе, кроме особо оговоренных, из сборника стихов Сергея Брисюка «ЕЩЕ НЕ ОСЕНЬ...» и поэтической странички на сайте Стихи.ру)

*Для Бога нет провинций,
И ныне, как в веках,
Рождаются провидцы
В далёких уголках.*

*Берут суму и посох,
И в путь с собой кладут
Лишь Божью Правду – ношу,
Которой всюду ждут.*

*Шумят в бреду столицы -
Хмельна борьба за власть,
А путник не стремится
Во стольный град попасть.*

*Ведь дар его от Бога.
Как недалёк иной,
Кто гонит от порога
Убогого с сумой...*

Но всё это было уже настолько бледно и вымучено на фоне вдохновенных и мудрых лекций Сергея,

*Но тем, кто принимает
За совесть, не за страх,
Он Свет свой оставляет
В настенных образах...*

Кончилась челябинская Роза Мира не сразу с отъездом Серёжи домой, в Курган. Месяца два Полина Николаевна ещё пыталась найти ему замену. Пробовал вести занятия Володя. Пару занятий провёл я. Несколько занятий какой-то дяденька со стороны, друг-философ-эзотерик Полины Николаевны. Но всё это было уже настолько бледно и вымучено на фоне вдохновенных и мудрых лекций Сергея, что сдалась и Полина Николаевна. И со вздохом объявила о роспуске кружка...

Для Серёжи начался новый этап жизни, во многом закрытый даже для лучших друзей из Челябинска. Поэтому третью главу повести о нём я пишу в режиме более редактора, чем автора. А авторов (соавторов) у этой главы – много. И могут ещё присоединиться все помнящие и любившие его.

Начинаю её, естественно, с воспоминаний самого близкого и дорогого Серёже человека, его второй жены и настоящего, любящего и верного друга Тани:

«В январе 1994 года к нам в гимназию пришёл работать новый учитель физики. Кто-то уходит, кто-то приходит, это естественно...

Однажды в феврале во время сильных морозов отменили уроки с 1 по 11 класс. Но мы, педагоги, всё равно обязаны были приходиться на работу. Я шла по коридору мимо беседующих о чём-то учителей физики, и разговор показался интересным: новый учитель рассказывал о какой-то научной проблеме из области и физики, и математики. Я остановилась, слушала, даже вопросы какие-то задавала... И в какой-то момент почувствовала, что моего образования уже не хватает, чтобы понять, о чём у них пошла речь дальше. Очень хорошо запомнила это именно потому, что было досадно – не понимаю!

Часто, к сожалению, бывает так, что коллеги замыкаются в рамках своего предмета: большая учебная нагрузка, проверка работ, отчёты бесконечные, классное руководство, семья, наконец...

Я же в то время была человеком свободным и любознательным. Много лет выписывала и читала обожаемый мною журнал «Квант» (научно-популярный журнал для студентов и школьников). А в остальном как у всех: уроки, перемены, педсоветы, совещания...

23 февраля опять мороз, опять отменили уроки. Мы собрались поздравить наших мужчин с праздником, вручили небольшие подарочки. А вот нового учителя забыли предупредить, что время торжества перенесли на более ранний срок. И на другой день заместитель директора Евдокия Александровна дала мне поручение: «Татьяна, вчера Сергея Сергеевича не поздравили, вот подарок, вручи ему и поздравь от нашей кафедры!»

Помню, что ещё проворчала что-то типа: «А чего я-то?» Но взяла подарок и на перемене пошла его искать. Зашла в учительскую, а он там один, что редко бывает на большой перемене. Я ещё пошутила не очень удачно: «На ловца и зверь бежит!» Поздравила и вручила сувенир. А он улыбнулся и в качестве ответного подарка прочёл мне стихотворение:

*Загадки, тайны, смысл бытия...
Нам кажется, что в этом мало прока.
Ну, кто есть ты, и что такое – я?
Искать ответ – ужасная морока.*

*Но неизвестность манит не случайно,
И мы горим желаньем вновь и вновь
Пить с женских губ космическую Тайну.
Пить Тайну под названием Любовь!*

*И снова – среди формул на песке,
Среди знаков странных ищем мы ответы:
Какие вы на небесах планеты?
Как вычислить Ваш локон на виске?*

*Старания напрасны – вот беда!
Вы тайна, вы загадка – навсегда!*

Я слушала и соображала: ритм, строй стиха точно, как у сонета, но это явно не Шекспир! Боясь показаться невеждой, всё же робко спросила:
– А кто автор?
– Ваш покорный слуга...

А накануне 8 марта мужчины подготовили нам замечательный праздник. Согласно сценарию, женщины сидели за столиками по кафедрам, а

*Я слушала и соображала: ритм,
строй стиха точно, как у сонета,
но это явно не Шекспир!*

В тот год весна была небывалой

*в душе расцветает прекрасный,
необыкновенной, неземной красоты
белый цветок...*

Татьяна и Сергей

мужчины за одним длинным столом, стихи читали, поздравляли... Потом уже, когда пили чай, Сергей вдруг принёс стул и сел за наш столик рядом со мной. Спросил:

– Почему у Вас такая грустная улыбка? Посмотрите в окно: небо голубое, солнышко весеннее!

Играла музыка, и мы танцевали. О чём-то разговаривали... Так не хотелось, чтобы этот праздник заканчивался!

В тот год весна была небывалой, солнце так сильно пригревало, что снег быстро таял. На тротуарах стояли огромные лужи, наст превратился в снежную кашу, с крыш лилась звенящая капель.

Я в те дни просто бродила по городу и чувствовала, как в душе расцветает прекрасный, необыкновенной, неземной красоты белый цветок... Просто физически этот цветок ощущала! Столько лет прошло, а он до сих пор не увял!...

Как переключается с ощущениями той весны подаренное Серёжей мне на день рождения стихотворение:

*Мы ещё не знали ни о чём...
Каждый занят был своим к тому же,
Но уже за проливным дождём,
За февральской злой, трескучей стужей
Был задуман март, капели, лужи...
Мы ещё не знали ни о чём.*

*Мы ещё не знали ни о чём...
Плакали, грустили и смеялись,
И взглянуть туда не догадались,
Где уже под солнечным лучом
Линии судеб переплетались...
Мы ещё не знали ни о чём.*

*Но теперь мы вместе, мы – вдвоём,
Весело горит очаг домашний,
Встреча наша – день уже вчерашний,
Мы опять не знаем ни о чём...*

*Мы опять не знаем ни о чём -
Что же там, в грядущем, с нами будет.
Но Тому, Кто пишет книгу Судеб,
Мы за то, что есть, молитву шлём.*

Случайно ли всё в этой истории? Как знать... Только многовато случайностей, если учесть ещё

то, что вакансия физика оказалась именно в нашей гимназии, которая довольно далеко от его дома.

«Что же там, в грядущем с нами будет?»

Очень тяжело в этом грядущем теперь... «Опустела без тебя Земля...»

Да, Таня, так и Челябинск в своё время опустел для нас без Серёжи. Но это ещё не грядущее. Это ещё настоящее. А в Грядущем, я свято верю в него, мы все опять будем юными, будем вместе и уже неразлучно! И ради этого стоит остаток дней прожить так, чтобы не было стыдно предстать перед Господом... Извини, что вклинился. Слово опять тебе:

«... Как-то я приболела, и Серёжа читал мне вслух книгу: «Чайка Джонатан Ливингстон» Ричарда Баха. Повествование просто очаровало меня, стало лейтмотивом жизни. Я ведь тоже в своей профессии часто поступала совсем не так, как «должно», всё время хотелось знать больше, шире, глубже, сверх программы. Всегда ставила себе планку повыше, а значит, и своим ученикам тоже. Ясно, что не все были этим довольны...

Что уж говорить про Серёжу! Его университетское образование и моё (педвуз) были просто несопоставимы. Я называла его «ходячей энциклопедией» и постоянно получала своего рода домашнее образование. Он порой формулировал теоремы и указывал область их применения, а я даже и не слышала про некоторые из них! Нас этому не учили. А так хотелось тоже знать больше!

Книгу Ричарда Баха несколько лет спустя удалось купить в Москве. Очень красивое издание. Отрывки из неё я всегда читала выпускникам, как напутствие. И они понимали, что я хотела сказать:

«...У нас есть возможность выкарабкаться из неведения, нам надо осознать собственную исключительность и разумность. Мы способны обрести свободу. И мы можем научиться летать!»

А Серёжа уже давно летал, он же всегда стремился **«понять, в чём смысл жизни и открыть пути достижения высшей цели бытия»**. Эти слова по отношению к Серёже можно было бы и не брать в кавычки, но это тоже цитата из «Чайки»...

Серёжа по сути своей, по призванию – Учитель в самом высоком смысле слова. Он всегда не только физику преподавал, а учил тому мудрому и возвышенному, чем владел сам.

«Чем выше летает чайка, тем дальше она видит.»

«Чайка Джонатан был рождён для того, чтобы быть учителем. Он видел то, что было для него истиной, и реализовать любовь он мог, лишь раскрывая своё знание истины перед кем-нибудь другим – перед тем, кто искал и кому нужен был только шанс, чтобы открыть истину для себя.»

И всё-таки ты, Таня, счастливый человек! Ведь с тобой навсегда во всех мирах останутся его бесценные посвящения тебе:

А в Грядущем, я свято верю в него, мы все опять будем юными, будем вместе и уже неразлучно!

Он порой формулировал теоремы и указывал область их применения, а я даже и не слышала про некоторые из них!

«Чем выше летает чайка, тем дальше она видит.»

«... В классах с углублённым изучением математики не очень любят гуманитарные предметы.

плоть до конца 20-го века интерес к Великой теореме Ферма не ослабевал

*Что мне до глаз твоих? Не знаю,
Что обод голубой хранит?
Какой огонь, какую тайну?
Какой космический магнит?*

*Не заглянуть и не измерить,
Нет сил таких, масштабов нет.
Но хочется им верить, верить,
Что в глубине их есть ответ.*

*Что мне до губ твоих? Не чаял,
Как надо мной они сильны:
Улыбка ли моя, печаль ли
В их уголках заключены.*

*Что мне твой голос? Замираю,
Когда его родник журчит.
И сердце в струи погружаю,
И в сердце колокол звучит.*

*Что мне до рук твоих? До линий,
Изгибов, тонкой белизны?
Какие страсти в пальцах длинных,
В касаниях заключены?*

*Полутона, штрихи и тени,
Как заколдован твой портрет!
Каких судьбы хитросплетений,
Каких в нем тайн, загадок нет?*

*Какая зыбкая причуда
Твой профиль вычертила мне?
Я лишь догадываться буду,
Твой образ повстречав во сне.*

*Вопросы эти повторяя,
В сомнениях сгорю дотла.
И всё ж той Силе доверяю,
Что вместе нас с тобой свела!*

* * *

«... В классах с углублённым изучением математики не очень любят гуманитарные предметы. Не поладили ребята как-то с молодой учительницей литературы, неохотно брались за сочинения. И Сергей провёл с ними беседу: **«Математическая точность сонета»**.

Спустя несколько дней учительница с гордостью показывала нам сочинение Павла Б., главного протестующего, математика до мозга костей:

– Вот какое замечательное сочинение! Вот как надо писать!

Он же, Павел, как-то весной подходит ко мне с вопросом, подаёт листок с какими-то формулами. Я обещала подумать. Показала листок дома Серёже. Он сразу же спросил:

– Это он у тебя не теорему ли Ферма доказывает?! Так и оказалось...

(Простое утверждение: **«Уравнение $X^n + Y^n = Z^n$ при $n > 2$ не имеет решений в натуральных числах X, Y, Z »** было сформулировано французским математиком Пьером Ферма в 17 веке на полях «Арифметики» Диофанта, где он написал: «Я открыл этому поистине чудесное доказательство, но эти поля для него слишком узки.» Вплоть до конца 20-го века интерес к Великой теореме Ферма не ослабевал, математики бились над ее доказательством...)

В этом же классе ребята меня бы не поняли, если бы я без доказательства сообщила им факт, что «производная экспоненты численно равна значению самой экспоненты»: $(e^x)' = e^x$. А нигде найти это доказательство я не могла. Интернета тогда у нас ещё не было, нужной книги под рукой – тоже. В воскресенье мы гуляли с Серёжей в лесу, а мне портила отдых забота. Завтра на урок, как же без доказательства?!

И тогда Серёжа веткой на снегу стал писать числовой ряд, идея за идеей, всё чётко и строго. Дома я по памяти записала всё в свою тетрадь. И спокойно пошла на урок. Ребята тоже поняли доказательство и к следующему уроку знали его все!

* * *

... Из анкеты участника конкурса «Учитель года» (2006г) Брисюка Сергея Сергеевича:

«**Счастливый человек – это...**» – Человек, который знает, в чём смысл жизни и умеет его реализовать; человек, который понимает других и понимаем ими.

«**Что (или кто) особенно повлияло на формирование Вашей личности?**»

– Например, образ учителя истории Ильи Семёновича Мельникова из фильма «Доживём до понедельника», русская классическая литература, музыка Чайковского, Шопена..., родители, школа, друзья, наука, религия...

Кстати, этот фильм мы с Серёжей пересматривали почти каждый год на День Учителя. (Прим. Тани).

«**Как Вы охарактеризуете свой труд?**»

– Одна из самых нужных профессий в нашем мире, однако, ценится не очень высоко...

В том конкурсе ему присудили 3-е место. А вот дети (детское жюри) единодушно отдали 1-е, как победителю в номинации «Через тернии к звёздам». Детям лучше знать!

* * *

И тогда Серёжа веткой на снегу стал писать числовой ряд

Последний звонок.
Гимназия №27 – 2007 год

Кто помнит 90е годы, тот знает, какая тяжёлая жизнь была тогда.

У Серёжи был проигрыватель и большая коллекция виниловых пластинок. Он учил меня слушать классическую музыку...

Как-то мы всё же купили кассетный магнитофон. Хорошо помню песню, которая первой прозвучала из магнитофона. Это был Юрий Антонов. «... Гляжусь в тебя, как в зеркало, до головокружения...» Надо ли объяснять, какие чувства она вызывала?!

Позднее и видеомангитофон приобрели с записью «Лебединого озера». Однажды прихожу с работы, а Серёжа:

– Я тебе сюрприз приготовил!

И включает запись передачи «Царская ложа» с балериной Ульяной Лопаткиной. Сюрприз, действительно, получился классный! Потому, что я некоторое время назад смотрела одна эту передачу и потом всё пыталась ему восторженно пересказать её. Но разве можно пересказать балет?

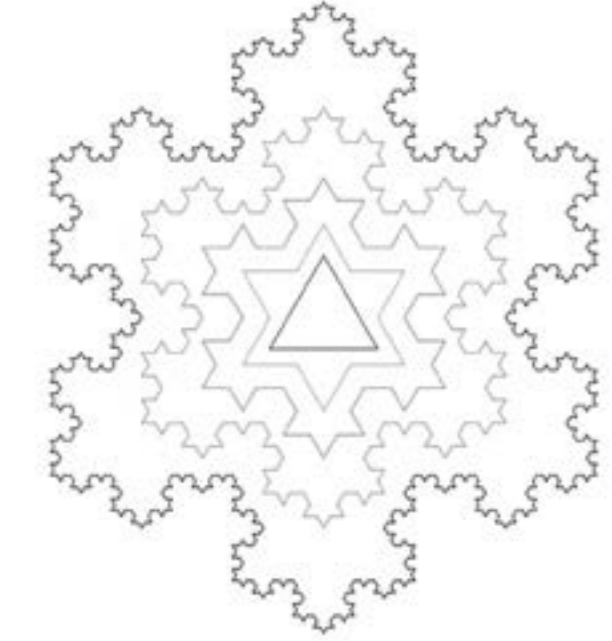
Мы очень любили ездить в лес на прогулки. Или в Центральный парк, если в лес не получалось. Гуляли по просекам и аллеям и беседовали о чём-нибудь, нам никогда не было скучно друг с другом. Когда началась пандемия ковида, он часто говорил:

– Как я скучаю по нашим прогулкам в парке или в лесу!

Много лет подряд летом ездили в гости к брату Сергея Василию и его жене Наташе в Миасс на озеро Тургояк. Это Южный Урал. Очень красивая природа, горы, леса.

Что было удивительно: надо взобраться на гору, можно поискать тропинку, ходили же тут люди и до нас! Нет, Серёжа идёт без троп, продирается через бурелом – вот в этом он весь!

Однажды пришёл из областной библиотеки с ксерокопией статьи «**Фрактальная геометрия природы**». Как это было интересно! Этот материал послужил потом основой для подготовки реферата на школьной научно-практической конференции. Ученик 11-го класса Дмитрий Кузнецов

выступил на ней с докладом: *«Многообразие мира фракталов»*. Программы для демонстрации на ПК он написал сам. Показал, как растут дендритные кристаллы, как с помощью многократных повторений простейших операций игры «Хаос» получается красивейшая Снежинка Коха. Доклад произвёл потрясающее впечатление!

Просто перечислю темы тех лекций, которые мы с Серёжей подготовили и прочитали для старшеклассников:

«Сомнительное «несомненное», или загадка Аксиомы параллельных»;
«Геометрическая природа физических сил»;
«Фракталы – живопись математики»;
«Непрерывность пространства и Чёрные дыры»;
«Проблемы плотной упаковки равных сфер»;
«Сколько у пространства измерений?»;
«Математическая бесконечность»;

Реферат ученика 10 класса Алексея Шешуева «Как взорвалась Вселенная» пришёл слушать весь состав педагогов гуманитарной секции во главе с зам. директора по научной работе.

Нас приглашали выступать в гимназии №47 и №57 с докладами на эти темы.

Потом ребят из 11А класса 57-ой гимназии настолько заинтересовала фрактальная геометрия и многое другое, что с ней связано, что они договорились организовать ещё одну встречу. Чтобы послушать лекцию Сергея Сергеевича на тему: *«Многомерность в физике и проблема бессмертия»*.

Удивительно, какие умные, интересные и глубокие вопросы задавали ребята! Оказалось, они читают и думают о вещах загадочных и возвышенных...

Лекция та была в мае, перед Последним звонком. Одного парня постоянно вызывали на репетицию, а он никак не хотел уходить из кабинета. Когда ему в третий раз пригрозили из-за двери, он взял свою гитару и медленно пятился назад. Так ему хотелось дослушать до конца Сергея Сергеевича!...

И ещё:
Савин Николай, ученик 10Б класса, с рефератом: *«Компьютерное моделирование физических процессов»* занял 1 место на общегородской конференции.

Сделали удивительно интересные доклады Владимир Дёмин и Алексеева Полина:
«Гиперборея: миф или реальность?»

Ионова Наташа:
«Возможно ли кривое пространство?»

Куминова Женья и Останина Даша:
«Проблема многомерности пространств в физике».

Спасибо, Таня! Кто-нибудь прочтёт и скажет: «Стереотип. Ушедших принято хвалить!» Но поверьте нам и всем отозвавшимся: мы не сортировали отзывы. Он действительно таким и был, как на фотографии: мудрым, улыбающимся философом-энциклопедистом...

Программы для демонстрации на ПК он написал сам

Когда ему в третий раз пригрозили из-за двери, он взял свою гитару и медленно пятился назад.

Он действительно таким и был, как на фотографии: мудрым, улыбающимся философом-энциклопедистом...

худая стройная фигура, высокий умный лоб, ироничное и в то же время немного удивлённое выражение лица

выражая явный и, казалось бы не свойственный людям нашего возраста, юношеский, а, скорее, даже детский максимализм.

И как при этом катастрофически сузился кругозор современных школьников

Колесников Николай Александрович:

«Сергей Сергеевич был очень увлечённым своим делом человеком. Не потерявшим в течение жизни детскую непосредственность и свойство удивляться.

Я познакомился с ним в 2011 году, когда волею судеб оказался в лицее для одарённых детей. Мне он понравился с первого взгляда: его худая стройная фигура, высокий умный лоб, ироничное и в то же время немного удивлённое выражение лица. И главное – глаза, яркие, горящие, выражающие неподдельный интерес к окружающей жизни.

Помню, что узнав мою педагогическую специальность, он практически сразу стал засыпать меня неудобными для всех представителей цеха историков вопросами о находках сооружений доисторического периода. Услышав мой ответ об ограниченности познавательных возможностей исторической науки, страшно удивился, выражая явный и, казалось бы не свойственный людям нашего возраста, юношеский, а, скорее, даже детский максимализм. Позднее я понял, что за этим стояла его неуёмная жажда познания, его стремление «во всём дойти до самой сути», как сказал Пастернак.

К сожалению, его пребывание в лицее оказалось недолгим, и наши жизненные пути разошлись. Но позже они ещё не раз пересекались в стенах очно-заочной школы «Шаг в будущее», где мне, как и Сергею Сергеевичу, пришлось несколько лет работать по совместительству педагогом дополнительного образования. Во время наших коротких встреч мы разговаривали на разные темы, но почти всегда наши беседы сводились к его мысли о том, как мно-

го возможностей для самообразования и познания мира даёт интернет. И как при этом катастрофически сузился кругозор современных школьников, сама потребность к познанию, к анализу и синтезу знаний из разных областей наук. Это не было обычным стариковским брюзжанием (слово старик вообще не подходит к этому человеку), это было горькой констатацией факта. Но при этом чувствовались в его словах оптимизм и горячая убеждённость в неограниченности познавательных и творческих возможностей человека.

Сергей Сергеевич, на мой взгляд, был энтузиастом науки и свято верил в прогресс, хотя из его слов я понял, что он не является примитивным материалистом, а скорее, более сложная и многоплановая личность.

Когда я предложил ему участвовать в заседаниях дискуссионного клуба геополитических проблем, заседания которого проходили в читальном зале Областной научной библиотеки имени А.Г. Югова, он с радостью согласился и даже пообещал сделать доклад о перспективах освоения Арктики. Мы обменялись электронными адресами, и я был очень рад этому. Но тут грянула пандемия коронавируса, работа клуба была приостановлена, и его выступление так и не состоялось.

Теперь, зная о преждевременной смерти этого замечательного человека, читая глубокие, чуткие и наполненные каким-то неземным светом строки его мистических стихов, я понимаю, как мало нам отвела судьба времени для встреч. И как осиротел мир людей без этого скромного и бескорыстного рыцаря науки. Светлая тебе память, Сергей Сергеевич!»

Слово Серёже:

*Вполсилы жить?! Гореть, не обжигая?!
Вполгорла петь?! Вполнежности любить?!
Полправды знать? – Увольте! Не желаю!
Я верю только в «быть или не быть!»*

*Не чёрно-бел, но и не половинчат
Мне нужен мир до донца! Целиком!
Азарт! Отвага! Страстность! Жажда жизни!
И к истине стремленье – мой закон!*

*А если на опасном повороте
Не выдержу предельных скоростей?
Устанет сердце от шальных страстей?
И высоту начну терять в полёте?*

*Известен смысл ответа моего -
Мне нужно – или всё! Иль – ничего!*

Татьяна Николаевна Маркова:

«Если люди встречаются, значит это им нужно...
Наша встреча в первую очередь была нужна
мне, потому, что в 2003 – 2004 годах в моей жизни
была чёрная полоса.

С Татьяной Алексеевной и Сергеем Сергеевичем мы познакомились раньше, осенью 2002 года, когда я пришла работать в гимназию №27, где они уже работали. Мы, как коллеги, чаще общались с Татьяной Алексеевной.

Со стороны было видно, что эту пару связывают не просто семейные узы, но и тёплые душевные отношения и общность профессиональных интере-

сов. В конце того учебного года Татьяна Алексеевна предложила мне вместе с ней поехать преподавателями в летнюю математическую школу на базе санатория «Лесники», которую в тот год организовал Южаков Олег Иванович.

Через неделю туда приехал навестить супругу Сергей Сергеевич. Вечером мы собрались все вместе, пили чай и разговаривали обо всём. Тогда я впервые услышала стихи Сергея Сергеевича и была поражена их глубиной, искренностью и душевностью. Но самое главное, что поразило меня тогда – это любовь, которая была в его взгляде, словах, жестах по отношению к Татьяне Алексеевне. Для меня это было открытие, что такие отношения возможны и они настоящие!

После этого вечера их пара стала для меня единым целым, и уже невозможно стало общаться с кем-то одним из них, ибо они настолько дополняли друг друга и говорили обо всём в унисон.

Меня всегда поражали философские размышления Сергея Сергеевича, его взгляд на устройство мироздания, религию и многое другое. Он очень сильно повлиял на формирование моего представления об устройстве мира, когда предложил прочитать книгу Даниила Андреева «Роза Мира».

А ещё у нас были походы в лес. Именно походы. На автобусе доезжали до Увала и пешком шли по лесу. И в этих походах Сергей Сергеевич много говорил о жизни, о взаимоотношениях людей, о месте и роли учителя в этом мире. На всю жизнь я запомнила один из походов, когда мы нашли море опять и были так счастливы...

Сергей Сергеевич был одним из тех людей, которых понимают не все. Ему непросто было работать в современной школе, которая требует от

*Тогда я впервые услышала стихи
Сергея Сергеевича и была поражена
их глубиной, искренностью
и душевностью.*

*Олег Южаков, Сергей Брисюк,
Татьяна Маркова 2004 год.*

*На автобусе доезжали до Увала
и пешком шли по лесу.*

*И да, когда я узнала его лично,
была поражена, насколько человек
многогранен!*

учителя много формального, оставляя за кадром истинное предназначение педагога. Но у него были ученики, которые его хорошо понимали, уважали, любили и ловили каждое слово.

И какое же счастье, что они встретились с Татьяной Алексеевной. Судьба подарила им то, что миллионы людей даже не узнают никогда – настоящую любовь!»

Серёжа:

*В этом мире, путанном и странном,
Я хожу, как тень воспоминаний.
Я брожу притихший, покаянный.
Я хожу, весной этой ранен.*

*Ранен ветром, яростным и сильным,
Что приносит запах томный, травный.
Каплет с крыши и тает снег обильно -
Я капелью и ручьями ранен.*

*Я болею набуханьем почек,
Первою проталиной лесною.
Я болею убываньем ночи,
Я болею этою весной...*

*Только этой болью я доволен
И не слушаю чужих советов!
Как я ранен! Как я тяжело болен!
Но здоровым быть – желанья нету!*

Каменева Марина Александровна:

«Уникальная личность, замечательный педагог, творческий человек... Только позитивные и светлые мысли остались в моей памяти об этом человеке.

Много хороших слов, как о коллеге, я слышала от моей мамы (они вместе работали в лицее-интернате для одарённых детей). Потом так сложилось, что мы с Сергеем Сергеевичем стали вместе работать в Лесниковском лицее. И да, когда я узнала его лично, была поражена, насколько человек многогранен! Мне приходилось бывать на его уроках: тихим, спокойным голосом уверенно и чётко учитель объяснял тему...

Ребята вслушивались в каждое слово, и если вдруг кто-то шепнул, или прошуршал листочком, сразу получал замечание от сверстников. Ребятам было настолько интересно на уроке, что они ценили каждый момент.

Я живу в городе и добираться до работы приходится 30 минут. Несколько раз случилось так, что подвозила Сергея Сергеевича до дома. Эти 30 минут пролетали, как один миг... И наш разговор, как это бывает у коллег, не был педсоветом. Это была интереснейшая беседа обо всём: театре, кино, артистах, городах, политике...

Удивляло то, насколько человеку свободно удавалось владеть таким количеством информации.

Совместные мероприятия, выпускные вечера, корпоративы с Сергеем Сергеевичем – это отдельная история. Его анекдот «в тему события», тост, прикольная история заставляли улыбнуться всех. А когда он поздравлял женщин с 8 Марта, читал стихи, выразительно, эмоционально... Заслушаешься!

Для меня этот человек стал ближе, чем просто коллега. Сергей Сергеевич занимался дополнительно физикой с моим сыном. И однажды, когда мы пришли к нему домой, Сергей Сергеевич провёл меня в свою комнату, показал рабочее место и кучу

всяких интересных «штучек» на компьютере. «Как гениально! Когда всё успевает?» – крутились мысли в моей голове...

Я благодарна судьбе, что имела возможность общения с Сергеем Сергеевичем, за жизненный опыт, которым он делился, за сына, с которым Сергей Сергеевич занимался физикой, и который поступил на любимую специальность!»

Что мог бы ответить Вам, Марина, Серёжа? Наверное, так:

*Ещё не осень, жизнь ещё бурлит,
Природа летние не сбросила одежды.
И каждый новый день ещё дарит
На счастье и на радости надежды.*

*Но жёлтый лист уже мелькнул в кустах,
И тучи серые всё чаще набегают,
И всё печальней песни милых птах,
И дождик в чаще слёзы проливает.*

*Так наша жизнь: нам кажется вчера
Мы родились, а осень на пороге...
На жизнь свою взглянувши взглядом строгим,
Поймём, что нам в обратный путь пора.*

*Так дорожи сегодняшним огнём -
И счастье и надежды только в нём.*

Михаил Латышев:

«Одно из самых ярких моих воспоминаний о Сергее Сергеевиче – наша встреча в Петербурге. Встретились мы в тот день в центре города, возле станции метро «Невский проспект». Сергей Серге-

евич был вместе с братом. Тепло поприветствовав друг друга, решили по набережной канала Грибоедова отправиться к Бродячей собаке. Нет, не к бездомному животному. Так называлось (и называется до сих пор) литературно-художественное кабаре, один из центров культурной жизни Серебряного века.

Свернув в переулок, мы потерпели фиаско: «Собака» открывалась только через час. Сообща приняли решение идти дальше вдоль канала, и в итоге остановились на небольшом рыночке рядом со «Спасом на крови» выбрать сувениры. Затем пошли в Михайловский сквер. Там застали симфонический оркестр, исполняющий живую музыку. Насладившись исполнением, пошли обратно к «Собаке».

Весь наш поход я чувствовал себя, как на экскурсии! Сергей Сергеевич буквально комментировал каждое здание, мимо которого мы проходили и давал о нём историческую справку. Порой мнения братьев в чём-нибудь расходились, и тогда я имел удовольствие наблюдать столь редкое в наше время явление: красивый спор интеллигентных людей.

Меж тем до открытия кафе ещё оставалось несколько минут, и Сергей Сергеевич предложил почитать свои стихи. Я с воодушевлением согласился. Самую чуточку волнуясь, Сергей Сергеевич начал декламировать. Я в ту минуту погрузился в его голос и слова, складывающиеся в четверостишия. На первый взгляд лёгкие и простые, но обладающие глубоким смыслом и посылом. Время пролетело незаметно. Искренне поаплодировав, немного смутил Сергея Сергеевича – вокруг стало довольнолюдно. Но видно было, что Сергей Сергеевич был очень рад произведённому стихами эффекту...»

*Я благодарна судьбе, что имела
возможность общения с Сергеем
Сергеевичем, за жизненный опыт,
которым он делился*

*Сообща приняли решение идти
дальше вдоль канала, и в итоге
остановились на небольшом
рыночке*

*и тогда я имел удовольствие
наблюдать столь редкое в наше
время явление: красивый спор
интеллигентных людей*

К сожалению, Михаил не вспомнил, какие именно стихи читал Серёжа. Что ж, попробую угадать:

*Снова молнией улыбка!
Вихрем страсть!
Снова струны, снова скрипка -
Звуков власть!
Три удара прямо в сердце
Твой аккорд.
Что за шутка? Что за скерцо!
Что за чёрт?!
Ах, скрипачка, точит душу
Твой смычок
Ах, восторг! Ах, больно слушать!
Ах, ещё!...
Ах! Душа уже не дышит!
Ах, напасть!
Снова молния и вспышка!
Вихрем страсть!*

Александр Косоротов:

«Если бы меня попросили описать внешность Сергея Сергеевича, пожалуй, я бы сказал так: статный мужчина с фигурой двадцатилетнего юноши. Множество забавных моментов моей школьной жизни связано именно с Сергеем Сергеевичем. Давайте вспомним парочку из них.

Дело в том, что помимо уроков физики в школе, мы с ним занимались индивидуально с целью подготовки к экзаменам. На одном из таких занятий в ходе решения задач у меня зачесалась нога. Недолго думая я нашёл ногой ножку стола и воз-

вратно-поступательными движениями стал чесать. Спустя несколько секунд стало ясно, что это нога Сергея Сергеевича, которую он благополучно убрал подальше от меня. Значения мы этому не придали, просто улыбнулись и продолжили занятия.

Ни для кого из его знающих не секрет, что Сергей Сергеевич был человеком неравнодушным, особенно к политике. Бывали случаи, когда уроку так к шестому, голова была не очень готова к восприятию физики. В таком случае следовало спросить вначале урока у Сергея Сергеевича о политической ситуации в стране и об отношениях России и США. И ближайшие 40 минут можно было спокойно наслаждаться патристическими рассуждениями нашего горячо любимого учителя физики.»

И Вам, Саша, привет от любимого учителя:

*О! Дремлющая Русь!
В ладье из белой пены.
О, Родина! Молюсь!
Очнись от сна и плена!*

*О! Плачущая Русь!
Крик лебединой стаи.
Слезам не удивлюсь,
Но радости желаю.*

*О, Русь во тьме и мгле...
Молить я не устану:
Будь светом на Земле!
Твоей свечой я стану.*

О! Русь! Надежд оплот,
Бей колоколом медным!
И твой Звонарь – народ
Во век не будет бедным!

И твой народ – звонарь
Во век не будет сирым.
Лишь в колокол ударь,
Мир пробуди, Россия!

О! Русь! Крылом взмахни!
Пусть вознесётся пеньё.
О! Мать! Приди, взгляни!
И дай благословенье!

Алексей Александрович Курбатов:

«Неутомимый рассказчик, увлечённый и увлекающий, всегда позитивный и общительный, Сергей Сергеевич неожиданно весенним днём открылся для ребят ещё с одной стороны.

Парни кучковались у турника в ожидании очередного подхода к «рекордам», или просто играли в «лесенку». Спровоцировать проходящего мимо «физика», который годился им в отцы, было делом секунд. А вот восхищение и восторг остались навсегда. «Физик» Сергей Сергеевич выиграл у всех спортивных задир по количеству подтягиваний на перекладине. И на прощание посетовал: жаль, ребята так рано остановились в соперничестве. Речь завершил ещё одним подходом к снаряду.

Действительно, в здоровом теле – здоровый дух!»

И Вам, Алексей, поэтический привет от Сергея:

Нет тут у меня серьёзных дел -
Я живу беспечно, без заботы.
Мне бы пережить сегодня день
И не утонуть в водовороте.

Я хожу без мыслей, просто так,
Двигаюсь без смысла в этом мире.
Я забыл, что дважды два – четыре.
Я пылинка! Выдумка! Пустяк!

Я журчу случайным ручейком
Без истока и без направленья.
Цели нет, а есть одно движенье.
Мне конец маршрута незнаком.

Шустрым ветром путаясь в ветвях,
Я со смехом листья расшвыряю
И без злобы, сам зачем не знаю,
Распугаю милых малых птах.

Я дразню унылую тоску,
Улыбаясь встречным-поперечным...
Быть угрюмым, быть серьёзным вечно,
Я, увы, простите – не могу.

Нет тут у меня серьёзных дел,
Я их потерял, забыл, оставил...
Я живу вне всяких скучных правил,
Так, как мне Всевышний повелел!

«Физик» Сергей Сергеевич.

Выиграл у всех спортивных задир
по количеству подтягиваний
на перекладине.

Никогда до этого небольшая аудитория не слышала таких жарких дискуссий

На нём он нарисовал копию картины Шишкина «Утро в сосновом лесу».

Дарья Бойко:

«Я помню, как рассказала Сергею Сергеевичу о своём походе в поэтический клуб Потанина. И как-то раз он ко мне присоединился. Никогда до этого небольшая аудитория не слышала таких жарких дискуссий. Наверное, с того времени я начала так пылко думать и говорить о поэзии.

Я помню, как увидела его с супругой на балете «Лебединое озеро». Никогда до этого не встречала на подобных мероприятиях знакомых людей. Встречала на концертах людей, учившихся и работающих в музыкальной школе. Обычно такие встречи ограничиваются: «Здравствуйте – до свидания». А с Сергеем Сергеевичем мы проговорили почти весь антракт.

Я помню, как вела в день самоуправления урок изо. На нём он нарисовал копию картины Шишкина «Утро в сосновом лесу». Недавно я обнаружила её у себя в папке с рисунками. На душе стало легко и грустно.

Я помню, как проходили наши уроки. Всегда насыщено. Мы писали самостоятельные работы под песни «Битлз» и 20 ноктюрн Шопена. Физику цвета я прекрасно помню и сейчас. Есть идеи, связанные с преломлением и наложением света, возникшие в моей голове тогда и сохранившиеся до сих пор.

Сергей Сергеевич стал для меня, пожалуй, одним из основных примеров многогранной личности. Да, есть люди, известные из учебников. Но как много таких людей вы знаете лично?»

Немного, Даша. И ещё есть печальная статистика: такие долго не живут. Почему? Есть на то причины. Но о них поговорим в 4 главе. А пока:

Когда на улице печаль во всём разлита,
Когда окно заплакано слезами,
Когда повсюду бродит безутешный ветер,
Когда тоска так голодна, что сердце
На части рвёт и душу пьёт, захлёбываясь жадно,

Я бредить потихоньку начинаю
И брежу незрелыми стихами.
Я их кладу за словом слово
И за строчкой строчку в глубину пространства...

Я доверяю их, как ветру паруса,
Как быстрой речке струганные лодьи.
Их отдаю невидимым потокам,
Так, как команда тонущего судна
Бросает в беспредельности надежду -
В бутылку запечатанное «SOS».

И я надеюсь, что моя любовь
Их донесёт до слуха Твоего,
Их выплеснет на дальний край Вселенной,
Где Ты на берегу так беззаботна,
Где тих и ласков смех Твой, как прибой,
Где Солнце по нездешнему так нежно,
Где горе и печали невозможны,
Где слово «рай» не значит ничего
Лишь потому, что Там оно – реальность!

О! Боже! Как же это далеко.
За серую стеной, что за окном дождём зовётся,
За беззвучной мглой...
За осенью, за летом, за зимою...
За жизнью и за смертью -
За горю, что в нашем мире вечностью слывится.
И Ты найдёшь послание в волнах

*На берегу лазурного залива.
Ты будешь так светла и терпелива,
Читая строчек жаркий нервный бред.*

*И на клочки Ты разорвёшь бумагу!
Танцуй по янтарному песку,
Ты разметаешь клочьями тоску.
И мне из той окрестности Вселенной
Придёт Твой яркий шаловливый луч!
Как солнце вдруг он вспыхнет из-за туч -
Надеждой,
Верой,
Счастьем вдохновенным!*

Василий Пономарёв:

«Сергей Сергеевич для меня остаётся одной из самых ярких и необыкновенных личностей, которых я когда-либо встречал. Он из тех людей, которые знают, казалось, обо всём на этой планете. Он умел поддержать разговор абсолютно на любую тему и непременно увлекал слушателя. Но при этом он всегда оставался добродушным человеком, для которого широкая улыбка на интеллигентном лице была неотъемлемой частью внешнего вида.

Сергей Сергеевич всегда был «в теме» с учениками, он моментально находил с нами общий язык. Я часто вспоминаю один забавный случай, связанный с Сергеем Сергеевичем. В конце 11 класса он готовил меня к ЕГЭ по физике на консультациях. Я очень переживал за результаты экзамена, и так получилось, что итог по физике был неизвестен вплоть до выпускного концерта. Вот прошёл и концерт, мы все выходим на улицу, недалеко выходит

и Сергей Сергеевич. Я открываю сайт на телефоне и вижу, что результаты появились. И я кричу: «Сергей Сергеевич! 71 балл!!!» И от радости начал прыгать в его сторону. А он тоже подхватил моё настроение и начал прыгать мне навстречу. При этом улыбаясь и приговаривая:

«Василий, я рад за тебя! Это круто!»
Я сильно пожал ему руку, и мы обнялись. Этот момент я всегда вспоминаю с теплотой.
Сергей Сергеевич открытый и очень искренний человек, который умел поддержать другого в трудной ситуации. Это человек с большой буквы. Его поучительными советами я пользуюсь до сих пор.»

И я, Вася, во многом живу по его и нашим совместным заветам, советам, планам.
Многие из них даже трудно разделить, где Серёжино, а где моё. Как, например, вот это совместно написанное стихотворение:

*Моя свеча – мой маленький святой.
Своим огнём мне душу согревает.
Мы вместе молимся, и это помогает
Направить мысли стройной чередой.*

*Моя свеча – мой маячок в ночи.
Не дашь в холодном мраке заблудиться,
Ты на иконах оживляешь лица,
И смотрит Ангел сквозь огонь свечи.*

*А где-то Там поёт незримый хор.
Так музыка небесная прекрасна,
Что на душе опять легко и ясно,
И рвётся сердце птицей на простор!*

*Он умел поддержать разговор
абсолютно на любую тему
и непременно увлекал слушателя.*

Марк Вебер:

«Моя история будет не обо мне, а о знакомстве с Сергеем Сергеевичем моего отца. В 7 классе непродолжительное время Сергей Сергеевич был нашим классным руководителем. В этот короткий срок он успел провести одно родительское собрание. В тот день на собрание пошёл папа. Пока родители подходили, фоном играла классическая музыка, которую обожает и мой отец.

Сергей Сергеевич любил всё систематизировать, поэтому на электронной доске был план родительского собрания. По его окончании разбегались организационные вопросы, и снова фоном играла та самая музыка. Папа задержался, и ему удалось лично побеседовать с Сергеем Сергеевичем. И ещё больше вдохновиться его личностными качествами.

Придя домой, отец весь вечер рассказывал нам о том, что это лучшее собрание из всех, на каких он бывал. Какой Сергей Сергеевич спокойный и харизматичный человек, с отличным чувством юмора.

Их музыкальные вкусы совпали настолько, что в беседе они обсудили и пару песен одной из групп...

...Когда я рассказал папе о том, что у нас сменился классный руководитель, он расстроился не меньше моего.

От себя хочу сказать, что Сергей Сергеевич с большой любовью подходил к своей работе, поэтому на его уроки мы ходили с огромным желанием!»

*Придя домой, отец весь вечер
рассказывал нам о том, что это
лучшее собрание из всех, на каких
он бывал.*

*Во время контрольных часто
позволял нам списывать, якобы
не замечая наших действий.*

Спасибо, Марк. Прими привет от Классного классного руководителя:

*Звук изливался, длился, зависал...
Протяжный, тёплый, чуть солоноватый...
Виола плакала... Пред нею виновато
Мир таял, и закат смиренно угасал.*

*Всё замерло, но в этой тишине
Не колыбельной умирали звуки -
Молитвенно протянутые руки,
И сердца боль струилась к вышине.*

*И без надрыва, горько, глубоко
Звучала эта музыка молитвой.
Она была за гранью всех чудес,*

*И так она струилась высоко,
И столько с ней печали было слито,
Что перед ней разверзся свод небес.*

Иван Баулин:

«Сергей Сергеевич – один из моих любимых учителей. Всегда улыбчив и добр. Во время контрольных часто позволял нам списывать, якобы не замечая наших действий. Часто рассказывал интересные истории. Он мог говорить, казалось, обо всём.

Бывало, спросишь его что-нибудь, и почти весь урок мы говорили о религии, о космосе, об истории. Он хороший физик, казалось, что про физику он знает всё. И очень доступно всё рассказывал. Все его понимали.

У него очень харизматичные усы, подходящие под выражение: «Все физики усатые, но не все усатые – физики!» Они добавляли ему статности и внушительности. Когда начинал говорить строго, слушали все, но делал он это очень редко. Ведь все мы его любили и уважали, поэтому старались не мешать.

Мне всегда нравились его уроки. За исключением тех, которые я проспал. Бывает!

Сергей Сергеевич был таким человеком, о котором можно сказать, что он безгранично добр и знает абсолютно всё.

Я бы многое отдал, чтобы с ним просто поболтать. О разном. Я очень скучаю по его улыбке и его рассказам.»

Да, Ваня, и не ты один! Но он нам оставил роман «Библиотекарь», в котором сумел вместить очень многое из своего мировоззрения. Это, конечно, не бульварное чтиво, извилины, порой, кипят от напряжения и объёма, но и польза чтения несоизмерима...

А пока в утешение его стихотворение:

*Нынче я не человек, а вечер,
Тёплый вечер в замершем саду.
Загляну в окошки, трону ветви,
В комнаты не торопясь войду...*

*И кипенье страсти успокою
В языках каминного огня.
Знайте: я чего-нибудь да стою
После трудной лихорадки дня.*

*И когда приду, не торопитесь
Звать гостей и накрывать на стол.
Что ж Вы встали? Вот сюда садитесь,
Я к Вам тет-а-тет побыть пришёл...*

*Полумрак сиянье дня итожит,
Луч последний в полпути погас.
Я закатом нежным осторожно
Лишь коснусь немного Ваших глаз.*

*Может быть, мой сумрак Вас печалит?
И тоска забытая больней?
Не печальтесь! – завтра утро встанет,
А оно, естественно, мудрей.*

*А пока я в доме гость желанный,
Как души притихшей сладкий сон,
Словно вздох глубокий, покаянный,
Здесь, вокруг, невидим, невесом.*

*И прошу: не заводите речи,
Музыка разлита в тишине...
Нынче тихий, тёплый, летний вечер,
Так побудьте с ним наедине.*

Полина Але ксеева:

«Сергей Сергеевич был для меня больше, чем просто учитель. Это всё из-за его доброты и хорошего отношения к нам.

Он никогда не кричал, даже не припомню, чтобы он злился. Помню, что когда рассказывала родителям о нём, сравнивала с добрым волшебником.

Лично для меня он был, как родной дедушка. (Хотела бы я, чтобы у меня был такой дедушка)...

*Когда начинал говорить строго,
слушали все, но делал он это
очень редко*

Но он нам оставил роман «Библиотекарь», в котором сумел вместить очень многое из своего мировоззрения.

*Всегда вспоминаю его, когда слышу
новогоднюю песню ансамбля
АББА.*

После лица мы немного поддерживали с ним общение в ВК. И вот в начале ноября, спустя 7 лет, я решила спросить, как у него дела. И он написал о себе такие грустные новости...

Он запомнился, как очень разносторонний и интересный человек. Особенно мы с ним подружились, когда он предложил нам с Дёминым Вовой (моим одноклассником) поучаствовать в конференции и рассказать о Гиперборее. Мы тогда заняли, кажется, 2е место.

Я с ним общалась всего один учебный год, но запомнила на всю жизнь. Всегда вспоминаю его, когда слышу новогоднюю песню ансамбля АББА. Чтобы создать новогоднее праздничное настроение он показал нам перед каникулами клип с исполнением этой песни.

Я, Поленька, был старше Серёжи на 4 года, но тоже очень рад, что в моей жизни был такой друг и Учитель! В некоторые моменты рядом с ним я начинал ощущать себя малоразвитым пацаном... Хотя во все другие моменты гордился тем, что поэт, писатель и довольно крутой инженер-электронщик. Вот такие рядом с ним происходили иногда чудеса! Прими в благодарность от нас обоих Серёжино стихотворение о том, к чему летела его душа. И где она сейчас:

*Иногда я выхожу под небо
И, откинув голову назад,
К звёздам, где никто на свете не был,
Поднимаю жадные глаза.*

*Пусть кого-то темнота пугает,
Мрачное безмолвие небес...*

*Для меня Вселенная – живая!
И полна загадочных чудес.*

*Если повезёт и слуха хватит,
То услышу не шутя, всерьёз,
Как на пыльных жерновах галактик
Хрустко лопают крупинки звёзд.*

*Как, рожая новые планеты,
Охает Вселенная в поту.
Как с гуденьем носятся кометы,
Властно разгоняя темноту.*

*Верю, что она любвеобильна -
Много нас: и братьев, и сестёр!
Глупые случайности бессильны
Жизни погасить живой костёр.*

*И от звёзд глаза не отрывая,
Я на небо с нежностью смотрю.
Для меня Вселенная – живая!
С нею до рассвета говорю...*

Роман Хусенов:

«Знакомство с Сергеем Сергеевичем было для меня приятным открытием. Очень отзывчивый, мягкий и снисходительный преподаватель. При знакомстве с новым учителем возникает чувство недоверия, опасения, так как не знаешь, как поведёт себя человек, как оценит твои работы.

С Сергеем Сергеевичем ничего подобного я не испытывал. При знакомстве от него исходило столько света и тепла, что у меня не возникло мысли, что с этим человеком будут недопонимания и проблемы. Так оно и оказалось.

На уроках происходило что-то, в прямом смысле слова, волшебное. На них тянуло, к нему хотелось идти. Помимо рутинных тем по программе, Сергей Сергеевич всегда разбавлял урок вставками о его личных работах и исследованиях.

Самое запоминающееся было про Гиперборею. Прошло уже много лет, и я уже мало что помню про неё, но вряд ли забуду само слово: Гиперборея. И при желании всегда могу обратиться к интернет-ресурсам. Яркое впечатление оставили и песни АББЫ прямо на уроке.

Может сложиться впечатление, что мы только развлекались на его уроках, но это не так. Программу мы изучали и запоминали ничуть не хуже его историй. Очень эффективный метод обучения.

Исходя из скромного опыта личного общения замечу, что и в жизни Сергей Сергеевич был таким же спокойным, внимательным и добродушным, как на уроках... «

Спасибо, Роман. Я пока не ясновидящий, но абсолютно уверен: и от Сергея большое спасибо тебе за тёплые слова. Прими в качестве отклика его стихотворение:

*Он очень долго приручал себя
к тому, что этот мир, увы, реальность.
И трудно было сердцем воспринять
какую-то тупую безысходность,
какую-то слепую безнадежность,
которая незрячими глазами
следит за каждым шагом в этом мире.
Как было бесконечно тяжело
узнать, что здесь над каждым вздохом,
каждым взглядом, каждым жестом,*

*над каждым мигот властвует закон,
немилосердный и неумолимый,
не признающий ни добра, ни зла...
И как порой глядеть невыносимо,
как этот мир сиротствует без чуда!
Как он ничтожен без тепла мечты,
без света счастья, без отрады веры...
Порою в нём безумствуют без меры -
Тупая Сила, Лихо без прикрас...
Он долго жил, сознанием двоясь,
в мечте и в правде, на земле и в небе,
он здесь и был, и в то же время не был.
И привыкал он ползать – не летать,
жизнейскую заучивая мудрость
И скучных правил принимая твердь,
незыблемых, как крепостные стены...
Он занавесил небо потолком,
он зарешетил окна трезвым взглядом.
Тюрьма готова – птичка под замком!
Живи спокойно! Дёргаться не надо!...
И в глухоте ни звука, ни луча
во тьме, ни искорки во мраке...
Лишь иногда с усердием собаки
так хочется завывать в лицо Луне!...*

*Бессмысленность гораздо хуже смерти!
Он это понял в заточеньи тверди -
И вот: долой решётки! Двери прочь!
Пусть за окном ещё слепая ночь -
где оцупью, ползком, где на корячках,
и локти, и колени в кровь разбив,
срывая ногти, искалечив пальцы,
ответив сердцем на святой позыв,
движенье начал, трудное, как жизнь!...*

*На уроках происходило что-то,
в прямом смысле слова, волшебное.*

*Программу мы изучали и запоминали
ничуть не хуже его историй.*

*был таким же спокойным, внимательным
и добродушным, как на уроках... «*

*чувствовала себя рядом с ним
песчинкой в огромной куче песка*

*Длинна, безмерно тяжела дорога,
но он идёт с предощущеньем Бога,
но он идёт с предчувствием Любви!
На светлый путь, Господь, благослови!*

Галина Ивановна Каменева:

«Я достаточно долго думала, что написать о Сергее Сергеевиче. Мыслей много. За десять(!) лет общения с ним и Татьяной Алексеевной было много удивительных моментов, встреч, вместе проведённых мероприятий, просто разговоров...

Первая встреча была мимолётной. Весной 2011 года супруги приехали в Лицей– интернат для одарённых детей. При знакомстве и разговоре с ними я сразу поняла, какие они оба уникальные личности. Я говорю о них вместе потому, что они – единое целое и созданы друг для друга!

Сергей Сергеевич – это кладёзь ума, знаний, талантов и ещё многого замечательного и удивительного в нём.

Как-то я призналась Татьяне Алексеевне (уже после его ухода в мир иной), что чувствовала себя рядом с ним песчинкой в огромной куче песка. Хоть и сама «Заслуженный учитель РФ» по физике и математике. Видимо, Богу угодно забирать несвоевременно таких людей, как Сергей Сергеевич...

У нас, физиков-математиков, была традиция на школьных каникулах встречаться в кафе «Мега-блин». Какие это были встречи! Дискуссии, споры, разговоры... Сергей Сергеевич сбегает за коньячком и... Открытие бозона Хиггса! По его словам – революция в физике. И если он смог

*И если он смог замотивировать
изучением этого открытия меня,
зам. директора Лицея, то что
говорить о учениках!*

замотивировать изучением этого открытия меня, зам. директора Лицея, то что говорить о учениках! Педагогом он был блестящим!»

Спасибо, Галина Ивановна! И земной поклон за активное участие в рождении этой повести о Серёже. И стихотворение в подарок!

*Ты ошиблась, ошиблась!
Нет! Это не слёзы...
Это музыка таёт в моей голове
И стекает, как воск со свечи,
И не может в лунках глаз удержаться
Как осень в листве.*

*Капли падают, падают, падают в сердце,
В чащу, в омут, в соцветье, во тьму, в пустоту...
Тихо плачет соната, улыбается скерцо,
И кантата встаёт, словно страж на посту.*

*И когда пианист, в чёрном фраке волшебник,
Опускает мне пальцы в разверстную грудь,
Боль на кончиках рук, словно жгучую нежность,
Стон и радость несёт нарастающий звук.*

*И пойми, и поверь мне – ну как тут не плакать,
Если струны натянуты в нежный аккорд,
Если дождь на дворе, если осень и слякоть,
И в душе листопад, как у наших ворот.*

Елена Игоревна Луканина

«Я познакомилась с Сергеем Сергеевичем в 2014 году, когда начала работать в Лесниковском лицее. Он был удивительным и бесконечно интересным собеседником по всем интересующим меня

темам. Я не знаю людей, кроме Сергея Сергеевича, которые могли бы, рассуждая о физике или материальном устройстве нашего мира, вплетать в разговор цитаты из Священного писания или из величайших произведений русских писателей.

Когда я организовала дискуссионный клуб для старшеклассников, Сергей Сергеевич стал помогать с подбором тем для обсуждений и с самим проведением занятий клуба. Для ребят его авторитет стал отдельным триггером, привлекающим посещать занятия.

Иметь такого эрудированного, интересующегося новыми знаниями коллегу всегда важно для начинающего педагога. В разговорах с Сергеем Сергеевичем я утвердилась в мысли, что работаю на своём месте и иду по правильному, хоть и сложному пути. Ведь объяснять детям исторический путь нашего государства – задача не простая. Но когда слова молодого учителя подтверждаются позицией зрелого человека, эта задача несколько упрощается.

Каково было моё удивление, когда наводя порядок в книжном шкафу в своём кабинете, я наткнулась на сборник стихов Сергея Сергеевича. Насколько же талантливым был этот человек!

Когда он ушёл из лицея, мы продолжали редкое общение в соцсетях, делясь мыслями по поводу прочитанных книг. Этим летом я получила от него сообщение о тяжёлой болезни...

А ещё он выслал мне черновой вариант своей книги. Она стала для меня окном в то время, когда я могла подойти к нему на перемене и задать любой вопрос о том, что тревожило или вдохновляло. За эту возможность я отдельно благодарна моему коллеге Сергею Сергеевичу Брисюку.»

И он, Лена, очень благодарен за эти тёплые слова признательности! Пока примите это на веру, а Там он сам подтвердит... И Вам маленький поэтический подарок из того самого (найденного в шкафу) сборника:

*Крупинками разбросанный по свету
Себя пытаюсь отыскать везде:
В порыве ветра, в сырости рассвета,
На Солнце и в полуночной звезде.*

*Поэтому любая даль, синяя,
Зовёт и дразнит, за собой маня.
И я готов бежать, бежать за нею -
А нет ли там хоть чуточки меня.*

*Найдя крупинку, бережно лелею,
Но не стремлюсь вернуть её назад,
Нет для меня забавы веселее -
Собою я разбрасываться рад!*

*Но страшно будучи игры во вкусе,
Вдруг с омерзеньем находить в конце
Себя крупинки то в лгуне, то в трусе,
Иль в скареднике, или в подлеце...*

*Спасая их из этого беспутства,
Я повторяю пламенный девиз:
Самим собой быть тоже, брат, искусство!
Ищи себя. Ищи себя всю жизнь!*

Людмила Васильевна Бахмутова:

«С чувством ностальгии вспоминаю то время, когда к нам в Лицей пришёл работать Сергей Сергеевич. Женский коллектив приободрился:

*Для ребят его авторитет стал
отдельным триггером, привлекающим
посещать занятия.*

*объяснять детям исторический
путь нашего государства – задача
не простая.*

*я могла подойти к нему на перемене
и задать любой вопрос
о том, что тревожило или вдохновляло.*

*Зашёл Сергей Сергеевич и сходу
произнёс: «Это Рей Бредбери,
«Вино из одуванчиков».*

стройный, спортивный, улыбчивый, остроумный! А главное – внимательный: то причёску похвалит, то новое платье. Никогда не жалел хороших слов, раздавал комплименты всем женщинам, а у нас после этого «вырастали крылья».

Но больше всего поражала его эрудиция. Както заспорили с ним об одном эпизоде из романа «Война и мир». Я, как преподаватель литературы, вела себя самоуверенно, с превосходством лирика над физиком, но потом убедилась, что имею дело с умным и начитанным человеком.

Помню ещё такой случай: в Лицее проходил конкурс чтецов. Первое место заняла девочка, прочитавшая длинный отрывок, но забывшая озвучить имя автора. Битый час спорили литераторы, откуда этот монолог. Зашёл Сергей Сергеевич и сходу произнёс: «Это Рей Бредбери, «Вино из одуванчиков».

Спасибо, Людмила. Коротко, но как ярко! Смотрю на его портрет, и он мне, улыбаясь, подмигивает! Примите, пожалуйста, его маленький подарок, букетик из слов:

*Небо выцвело до серого.
Снег до черноты растаял.
И деревьев ветки нервные
Ждут налёта птичьей стаи.*

*Далеко ещё до зелени,
В прошлогодней гнили сырость.
Ни один цветок весенний
На проталине не вырос.*

*Но по воздуху... по воздуху
Мчится конница лихая!
Раздувают кони ноздри,
Блажь весеннюю вдыхая!*

*Разметал им ветер гривы,
Вверх поднимет, книзу бросит!
И уже двоих счастливых
На конях безумных носит.*

*Что им радости земные?!
Вы их при себе оставьте!
Ведь на небесах иные
Лошадиных скачек ставки.*

*В их груди стучат копыта,
В их глазах сияет Солнце!
Всё, что было, позабыто,
В том, что будет – разберёмся!*

*Унесёт табун небесный
Их в заоблачные дали
От рассудочности пресной,
От испуганной морали.*

*О! Весенний пьяный воздух!
О! Мятущиеся кони!
Отрезвление будет после,
Но и будет, что припомнить!*

*Не зовите их на землю,
Не тяните их обратно.
Тех, кто дух весенний внемля,
Стал влюблённым и крылатым!*

Александр Владимирович Рухлов:

«Сергей Сергеевич Брисюк даже внешне подходил на знаменитого героя Сервантеса. Высокий, сухопарый, крепкий, с небольшими седеющими усиками – таким запомнился мне этот человек, похожий на Дон Кихота. Учитель из сельской школы, готовый в одиночку выйти навстречу огромному миру.

Как и хитроумный идадьго из Ла-Манчи, он был романтиком, подвижником, неутомимым искателем. И если Дон Кихот шёл на бой с ветряными мельницами, то Сергей Сергеевич выверял по карте угол наклона ацтекских пирамид, сравнивал его с направлением меридианов и параллелей, проводил по карте соединительные линии между Юкатаном и Индокитаем... Он умел быть поэтом вопреки жизненной прозе.

... Сергей Сергеевич видел привычное под непривычным углом. Находил удивительные факты и звал за собой в мир открытий. И ребята шли за ним. А когда он уходил из лица для одарённых детей, спустя всего год работы, дети плакали и просили остаться. Я был тогда молодым педагогом и, наверное, те майские слёзы десятиклассников в лицейских коридорах наглядно подтвердили мне мысли о высших смыслах учительской профессии.

Мне запомнилась встреча с ним на районном фестивале педагогического мастерства, в 2015, кажется, году. Оба мы были там в качестве зрителей, но Сергея Сергеевича молчаливым наблюдателем назвать было нельзя. Он говорил со мной, обсуждая и на ходу выдумывая новые педагогические

идеи. Которые предлагал мне воплотить незамедлительно, на одном из ближайших уроков. Я тогда несколько отстранённо и холодно воспринял этот энтузиазм. А теперь вот думаю: такие, как Сергей Сергеевич, неутомимые и горящие, помогают этому миру возвращаться – как истинные физики – и освещают человечеству путь, как настоящие подвижники.

И обязательно оставляют по себе долгую и светлую память...»

Спасибо, Александр. Примите в благодарность стихотворение из Серёжиного сборника стихов:

*Проверены, настроены страданья,
Взялись аккорд вытачивать смычки.
И разом покачнулось Мирозданье
На волнах сладкозвучнейшей реки.*

*О! Как разлил её весны прекрасен!
Какие тембры в звуках заплелись!
И омут сладкозвучий так опасен:
Затянет, и прощай былая жизнь!*

*Погрузишься, глотнёшь и захлебнёшься.
Завихрит, унесёт под небеса.
В безумии то плачешь, то смеёшься,
И в горле флейт и скрипок голоса...*

*Но вот конец сладчайшей этой муки.
Звук таёт... остаётся мир...
Но если в мире музыка – кумир:
Мир таёт – остаются звуки!*

*Высокий, сухопарый, крепкий,
с небольшими седеющими усиками*

*Как и хитроумный идадьго
из Ла-Манчи, он был романтиком,
подвижником, неутомимым
искателем.*

*такие, как Сергей Сергеевич,
неутомимые и горящие, помогают
этому миру возвращаться*

Реальный человек мысленно помещается в некие предполагаемые обстоятельства, и ты примерно знаешь, как он думает

увлекает своих учеников не только наукой, но и задачей очищения ноосферы от разного непотребства, которое вносят в неё люди мыслями

Сергея увлекло на всю жизнь приложение науки к вопросам религии, эзотерики, метафизики.

Валерий Мирошников:

«Начну с забавного совпадения: мы с Сергеем обменялись «любезностями». Он ввёл в свой роман «Библиотекарь» эпизодического персонажа под именем Валерий Мирошников, который, как и я, учился на физика в Казанском университете. И по пути изучал эзотерические материалы. Прекрасно понимаю Сергея: трудно образ персонажа выдумывать с нуля, и чтобы при этом он был живой, настоящий, вызывал сопереживание и интерес. Поэтому проще, если у действующего лица есть прообраз. Реальный человек мысленно помещается в некие предполагаемые обстоятельства, и ты примерно знаешь, как он думает, будет действовать и что говорить, как будет меняться его мимика. Собственно, многие писатели, в том числе классики, поступали также. Не все оставляли за персонажем имя прообраза.

И вот тут мы с Сергеем совпали. Я в это же время, не стовариваясь, ввёл в свой цикл «2045-й. На пути к Человечности» героя по имени Сергей Брисюк. Конечно же, учителя физики, который увлекает своих учеников не только наукой, но и задачей очищения ноосферы от разного непотребства, которое вносят в неё люди мыслями, эмоциями и желаниями. Для этого мой герой создаёт Ноосферный патруль.

По типу советского БКД – боевой комсомольской дружины, которая дежурила на улицах и следила за порядком. Разумеется, я сделал это из тех же соображений, что сказал выше. Сергей отнёсся к своему литературному отражению философски.

Мы, действительно, были с Сергеем на одной волне. Оба физики, только он закончил Челябинский университет в 1982 году, в котором я поступил в Казанский университет. Поэтому Сергей мог со мной обсуждать и теорию Калуцы, которая объединяла на основании представлений о многомерности пространства гравитацию, электромагнетизм и квантовую теорию поля. Физика – это, безусловно, основа и его, и моего представления о мире. И дело даже не в фактологии, а в методологии. Для физика мир закономерен и познаваем, научный метод и инженерный подход могут быть приложены ко всему: и к дружеским отношениям, и к копке картошки, и к познанию миров невидимых. Даже вероятностные процессы, хоть в мире микрочастиц, хоть в социологии – это объект, вполне доступный науке.

Сергея увлекло на всю жизнь приложение науки к вопросам религии, эзотерики, метафизики. Разумеется, он подошёл к теме обстоятельно. И если рассматривал устройство Шаданакара по Даниилу Андрееву, то ему необходимо было понять, как это объект существует во множестве временных и пространственных измерений? Как это связано с современными научными представлениями о мире? И он находил эти связи и умел свои находки донести до широкой аудитории.

Помню одно из его выступлений во Дворце машиностроителей, где он в 90-х годах читал большой системный курс лекций. Последнее десятилетие 20-го века было не только «лихое», но и было временем духовных поисков народа. В нашу страну не только вернулись традиционные религии и учения,

малозаметные при Советской власти, но и хлынул из-за рубежа мутный поток сект и «духовных» учений, от обилия которых у обывателя сносило голову. На этом фоне курс Сергея Брисюка был, наоборот, вправляющим мозги. Установлено психиатрической наукой, что занятие точными науками снижает вероятность психических заболеваний. А Сергей продемонстрировал серьёзный научный подход во всех направлениях исследований. И умел увлечь им. На одном из выступлений Сергея с циклом лекций мне запомнилась реплика одного из участников. Он огляделся по рядам слушателей, которые напряжённо внимали докладчику, и поразился: «Они, вообще, дышат?» Так что фразеологизм: «слушать, затаив дыхание» точно описывает мастерство Сергея в захвате внимания аудитории.

В отличие от многих сегодняшних гуру и «просветлённых», Сергей отдавал свои находки людям даром. На жизнь зарабатывал обычным трудом. Прежде всего – учителя. Это было его призвание. Он горел стремлением передать детям физическую (и метафизическую, добавлю от себя! НБ) картину мира и романтику научного поиска. И это ему удавалось. (А вот с метафизикой, уввы, не очень. Со всех сторон «били по рукам». Постматериальное мышление ещё доминирует и в головах, и в преподавании. НБ)

Времена были непростые. На зарплату учителя прожить было сложно. И как-то они с женой Татьяной попросили у меня на даче пару грядок посадить морковь. При этом укроп решили не полоть – тоже съедобный. Так что смотрелись грядки забавно: морковку в укропе приходилось отыскивать. Но это к слову. Мелкая деталь.

На семью надо было зарабатывать. И здесь нас дороги свели в ВНПФ «ЭКСИ». Занимались производством абразивных отрезных и шлифовальных кругов. Собственно, Сергей меня на эту фирму и вывел. У него были знакомые в руководстве. Он два или три раза из школы уходил и устраивался туда, чтобы поправить материальное положение. Его в фирме ценили. Он внедрил новый вид производства галтовочных цилиндров на силикатной связке (мы называли их «колобашки»). Нужно было запустить полуавтомат, подобрать рецептуру изделия, наладить обжиг в высокотемпературной печи. Сергей с этим справился. Но когда заказов на колобашки не было, Сергей работал с нами. Изготавливал на мощных прессах отрезные круги.

На производственном участке сформировалась уникальная атмосфера. Почти половина работников была с высшим образованием и с широким кругозором. Так что производство отрезных кругов скоро стало только фоном для непрекращающихся интеллектуальных и духовных поисков. Это было славное время! Мы усовершенствовали технологию и организацию производства. Так, что первая смена выполняла план и второй. А вторая могла отметитья и идти по своим делам. Сергей использовал это время для своих исследований и общественных дел.

Будучи профессиональным юмористом (вёл рубрику юмора в журнале «Лидер Татарстан»), отмечу один занимательный момент. У Сергея сформировалась своеобразная манера задавать вопросы на встречах и конференциях. Когда он поднимал руку, я уже заранее посмеивался внутри, глядя на выступающего. Сергей по задаваемому вопросу уже имел

Установлено психиатрической наукой, что занятие точными науками снижает вероятность психических заболеваний.

Почти половина работников была с высшим образованием и с широким кругозором.

Лицо докладчика напрягалось в усилии вместить весь объём информации,

Стихи у него были глубокие, содержательные, при этом образные и поэтичные.

своё мнение, так что вкратце (минут пять) излагал суть какой-нибудь главы из своей монографии. Лицо докладчика напрягалось в усилии вместить весь объём информации, потом расслаблялось, когда он ухватывал 1 – 2 знакомых тезиса и решал ответить именно на них. И, наконец, закончив излагать свою точку зрения по теме, Сергей задавал вопрос (приготовьтесь, как говорил Задорнов): «Вы с этим согласны?» Я искренне наслаждался зрелищем. Сам так задавать вопросы не умею. Чтобы избежать необходимости анализировать в режиме реального времени весь прозвучавший текст, выступающему проще всего было ответить: «Да, согласен.» Что многие и делали. Возражали реже – тут надо было иметь большую уверенность в себе.

Отмечу ещё одно общее для нас явление – искусство. Сергей писал стихи, я тоже. Стихи у него были глубокие, содержательные, при этом образные и поэтичные. Я сделал на его стихи несколько песен...

Образ свечи – один из глубинных для Сергея. Когда я искал изображение на обложку электронной версии его романа, я поставил на неё свечу. И когда друзья сделали пост, сообщавший об уходе Сергея, они тоже поставили изображение свечи. **Да, он таким и был: свечой во мраке, несущей свет знания.**

И ещё я сделал несколько песен на стихи столь любимого им Даниила Андреева...

... А теперь лиричное воспоминание. Про Татьяну, жену Сергея. Меня всё время удивляло, насколько они подходили друг к другу. Они смо-

трелись и ощущались парой, единством. Дополняли друг друга и резонировали. Жесты, походка, мимика, интонация – всё гармонировало. Также как кисть – продолжение предплечья, так Татьяна казалась продолжением Сергея. И наоборот. Основной совпадения была огромная внутренняя интеллигентность, которая включает в себя и уважение к собеседнику, и искренний интерес к устройству мироздания, и верность своему служению. Если есть образ настоящего учителя, то они оба – отражение его...

Да, Валерий, ты прав, Серёжа был ещё и замечательным лириком:

*Как тревожно, вы слышите,
Время гудит?
Как возможно всё то,
Что пока ещё спит!*

*Как нам крылья расправить
И утром в полёт?!
Свет нам души расплавит,
Когда Он придёт.*

*Как нам хочется очень
Творить и дерзать.
Как нам хочется... Впрочем,
Кому бы понять!...*

*Не для дрёмы душа,
А для песен и слов -
Говорить не спеша
И любить без оков.*

*Танцевать, зажигать,
И блистать, и светить.
Вдохновенье призвать
И над миром парить.*

*Мы для мира кулис,
Для ролей и стихов
На земле родились
Уже много веков.*

*Мы актёры, солисты,
Певцы, трубачи,
Выразители мыслей
Горящих в ночи.*

*Менестрели, ваганты
Грядущих веков.
Мы душою богаты,
Хоть путь наш суров.*

*И призванье своё
Променять не хотим,
Мы танцуем, поём
И над миром летим.*

*Но кончается пьеса
И прерван полёт.
В жизни нету нам места?
Кто это поймёт?*

***Воспоминания о Серёже Натальи Брисюк
(жены старшего брата Василия):***

Вспоминая Сергея, никак не удаётся создать академический, глянцевого портрет.

В моей душе он остался добрым, земным и невероятно эрудированным человеком. Мне раньше казалось, что он создал себя сам и всего достиг не благодаря, а вопреки обстоятельствам жизни.

В родительском доме не было большого материального достатка. Мама, Вера Алексеевна, была вынуждена работать на вредном производстве. Отец, Сергей Иванович, пошёл учиться сначала в вечернюю школу, потом в вечерний техникум, пропадал на производстве. Все бытовые вопросы лежали на маме. И не только бытовые.

Теперь я понимаю, что именно она смогла сформировать души своих сыновей. Это не был какой-то осмысленный педагогический процесс. Она просто жила честно, открыто, заботилась обо всех не жалея себя.

Мой муж вспоминал, как мама с ними ходила на рыбалку, на лыжные прогулки. Как им купили велосипеды, когда денег не хватало на многие необходимые вещи. Как мама могла скатиться с ними со снежной горки. Как разрешала приводить в дом ватагу друзей. Как их ни разу не наказали за испорченные кастрюли, сковородки, переведённый сахар, когда они с Сергеем учились делать леденцы. Бытовым мелочам и условностям в семье уделялось мало внимания.

Помню, как меня поразило, когда Сергей с семьёй и мы гостили в Кургане. Все собрались в парк. Обед не был приготовлен. Когда я предло-

В родительском доме не было большого материального достатка.

Она просто жила честно, открыто, заботилась обо всех не жалея себя.

Как их ни разу не наказали за испорченные кастрюли, сковородки, переведённый сахар, когда они с Сергеем учились делать леденцы.

Он часто рассказывал, какой творческий дух царил на лекциях, какие научные споры могли возникнуть между студентами и преподавателями

Сказалось, что в студенческие годы он посещал художественную студию.

«Не здоровые нуждаются во врачах, но больные».

жила остаться и приготовить еду, пока все гуляют, Вера Алексеевна сказала, что потом вернёмся и всё сделаем. Обед задержался по времени, но как потом весело было всей гурьбой лепить пельмени. Сергей таким и остался. Он мог с маленькой Алёнкой увлечься рассматриванием жука и вернуться домой, забыв в песочнице совок и формочки. Дома ждал выговор, но они с дочкой были счастливы.

Думаю, что тот потенциал, что был сформирован в Сергее в детские и школьные годы, получил толчок и развился в университете. Мой муж после службы в армии и учёбы на рабфаке учился на курсе младше, чем Сергей, в ЧелГУ тоже на физическом факультете. Он часто рассказывал, какой творческий дух царил на лекциях, какие научные споры могли возникнуть между студентами и преподавателями, которые были немногим старше своих учеников. Какое братство было в студенческом общежитии. Какие книги читались и обсуждались, какие семинары посещались. Оставалось время и на творческое развитие. Вот случай, который произошёл во время нашей с Васей свадьбы на берегу Тургояка.

Во время шуточного конкурса надо было команде противника задать вопрос без слов. Сергей так талантливо показывал пантомиму, что скоро его выступления превратились в сольный концерт. Сказалось, что в студенческие годы он посещал художественную студию.

Иногда, при нечастых встречах у нас в Миассе, Сергей рассказывал о своих философских семинарах в Кургане. Я недоумевала: «Зачем тратить время и силы на экзальтированных дамочек, порхающих, как бабочки от одного учителя к друго-

му, часто даже не вникая в суть рассматриваемых вопросов. Не лучше ли это время посвятить семье или общению с единомышленниками».

А Сергей видел в этом свою миссию, надеясь, что какое-нибудь зерно прорастёт и даст плод. «Не здоровые нуждаются во врачах, но больные». Но иногда в его словах звучала явная горечь.

Помню, как мои сыновья, вернувшись из Кургана, рассказывали, что дядя Серёжа подтягивается на турнике и отжимается больше, чем они. Во время той их поездки Сергей инициировал крещение наших сыновей и стал их крёстным отцом, хотя мы, родители, были не крещёными людьми.

Сергей словно «заразил» теорией фракталов брата Василия, а он наших сыновей. В доме появились статьи и книги на эту тему. Василий с мальчиками выращивали кристаллы соли и меди. Алёшка написал реферат и выступил с ним на областной геологической конференции. Сейчас он, профессиональный геолог, с улыбкой вспоминает свою теорию формирования земной коры и поиска полезных ископаемых. А тогда это казалось ему бесспорным.

Сергей и Василий, оба физики по образованию, часто обменивались научными статьями, отправляли друг другу на проверку свои гипотезы и расчёты. В этой области между братьями был хороший контакт. Чего не скажешь о Серёжиных поисках в вопросах метафизики и религии. На этом пути Сергей был в своей первой семье и среди родных одинок.

Только с появлением в его жизни Татьяны он обрёл настоящего друга, чуткого и заинтересованного слушателя. Появились домашний уют и условия для творчества.

Пути Господни неисповедимы. Горько сознавать, что Сергей ушёл так рано, достигнув уровня Мастера. Сколько осталось нереализованных планов! Как опустел мир для близких и друзей. Но надо находить силы жить дальше. И каждому пройти свой Путь до конца. Светлая память Сергею Сергеевичу.

Спасибо, Наташа. На мой взгляд, в уходе таких явных миссионеров, как Серёжа, есть неведомая нам пока закономерность и не только грустная, но и светлая сторона. Особенно, конечно, для верующих. Он выполнил всё, что от него пока требовалось, очистил страданием душу и вернулся на Небеса. И у нас есть теперь перед Отцом личный представитель, который будет молиться за нас, конечно, не менее горячо, чем мы за него...

По традиции этой главы – поэтический подарок от Серёжи:

*Я где-то услышал, что за горами,
За семь морей, за тридцать земель...
Судьба вознаграждает всех дарами:
Все, что угодно – лишь раскрой кошель.*

*Узнав про то, я взял суму и посох,
Собрал пожитки, помолился вслух.
Без всяких там сомнений и вопросов
К Судьбе пустился в гости во весь дух.*

*Как одолел дорогу? – Сам не знаю!
Бежал... шел... полз... без отдыха и сна...*

*И, наконец, добрался я до края,
Где всем, по слухам, раздают сполна.*

*Но тут закралось в душу подозренье:
Я ожидал увидеть здесь толпу...
Я опоздал, но все же, к сожаленью,
Я встретил свою горькую Судьбу!*

*Я опоздал – все роздано Судьбой!
Другим – любовь и счастье, труд и почесть...
А мне, увы, осталась только боль.
Зато, какой угодно, сколько хочешь!*

*Но от Судьбы, известно, не уйти.
С пустой сумою, без даров – тем боле
И я взял боли – сколько мог снести
И взял еще чуть-чуть несносной боли.*

*И вот до ныне с этой ношей маюсь,
Но привыкаю, перестал скулить...
Чем далее – тем больше понимаю,
Что мне без этой боли не прожить.*

*Она от равнодушия спасает,
Она прощать умеет и любить.
Она от скверны душу очищает
И не дает мой дух поработить.*

*И хоть мне неуютно с этой болью.
Хоть каждый день у нас идет борьба,
Судьба! Я не в обиде. Бог с тобою!
Благодарю за все тебя, Судьба!*

*И каждому пройти свой Путь
до конца.*

*Сергей Сергеевич молча слушал,
иногда улыбался в усы.*

Сергей Сарана:

«Окончив школу, ребята из нашего математического класса поступили в вузы, часть из нас разъехалась по разным городам. Начался новый этап в жизни, но иногда, по возможности, мы заходили в гости к нашей учительнице, которая привила нам всем любовь к математике. Да и вообще научила думать головой.

Однажды, в один из визитов, мы познакомились с мужем Татьяны Алексеевны учителем физики Сергеем Сергеевичем. Его появление и желание пообщаться с нами было несколько неожиданным.

Познакомились. Выше среднего роста жилистый брюнет с гусарскими усами. Впрочем, напоминал он не гусара, а, скорее, бравого солдата из русских сказок.

Сели пить чай. Татьяна Алексеевна расспрашивала, как мы учимся, кого из наших видели. Рассказывала про своих новых учеников. Мы вспоминали школьные годы, весёлые истории из нашей насыщенной не только математикой жизни. Сергей Сергеевич молча слушал, иногда улыбался в усы.

Затем и он рассказывал о своих учениках. Завязалась дискуссия о том, как они с Татьяной Алексеевной ведут уроки в школе.

Сергей Сергеевич оказался очень образованным человеком и интересным собеседником. Рассказывал о разделах физики, выходящих за школьный курс, с доступными примерами и аналогиями. Тогда подумалось: как повезло ребятам, у которых он преподаёт.

Позже мы много раз встречались и общались. Общаться с Сергеем Сергеевичем было очень интересно. Помню один из вечеров.

*В тот раз он нам рассказал,
как устроены классические
сонеты.*

А он записывал мысли и распечатывал их с помощью цифровой техники.

В тот раз он нам рассказал, как устроены классические сонеты. Что они имеют определённую логическую структуру и выстроены как по математической формуле. Затем для примера прочитал собственный сонет, посвящённый Татьяне Алексеевне. Это не просто зарифмованные слова, это очень красивые строки, пронизанные любовью и нежностью. И композиция, и слог стихотворения при этом были по всем канонам классического сонета. Он читал, а я глянул на любимую учительницу. Она немного смущалась, но в глазах её светились спокойствие и счастье.

Позже Сергей Сергеевич приходил ко мне на работу. Тогда компьютеры были дома ещё не у всех. А он записывал мысли и распечатывал их с помощью цифровой техники. Спустя много лет эти мысли вылились в строки романа «Библиотекарь».

«Нам не дано предугадать...» «Но мы обязаны стремиться...» Федор Иванович прав: надо смелее делать своё дело. Страх показаться смешными разгоняет нас по углам и делает интровертами. Другая крайность ещё менее приятна: чрезмерное изобилие бездарных, полуграмотных блогеров и блогерш иногда смешит, а иногда удручает. Но в нашем случае мы не могли промолчать. Сергей Брисюк должен выйти из тени, а его литературные и философские труды должны стать достоянием не только российской, но и мировой культуры. А для начала доступными для чтения в виртуальном пространстве. Пишу это с благодарностью тебе, зная твоё участие в помощи Татьяне Алексеевне в работе с архивом. Спасибо, Серёжа!

И тоже прими поэтический подарок от твоего замечательного земляка и тёзки:

*Гворенье истекает вязью,
Мыслями на паузы дробясь...
Жить теперь обязан без боязни,
Кто с Землёю образует связь.*

*Гроздьями нанизаны узоры,
И уходит в небыль неприязнь.
Переплёты разграфили шторы,
Дождь косой невзгод смывает грязь.*

*И не заползает за фасады
Дум и дрём ленивых забытьё,
Звёзды уж не мёрзнут за оградой,
А заря опять поёт своё.*

*Зацветёт зелёное, хмельное,
Спозаранку раскатилась трель,
Золотом нектара мир напоит
Звонкая знакомая свирель.*

*Солнечные плещутся зигзаги
На знамёнах крон, вонзённых ввысь.
Ожили полотнища и стяги,
И звенит напором эта жизнь!*

Глава 4 Ты равен тому, кого понимаешь

(Сергей БРИСЮК,
«Ещё не осень...»)

Серёжа и его дед

*Я грешный, непутёвый сын Земли
Ищу тебя глазами в поднебесье,
Хочу, чтоб Ты увидел: вот он, здесь я.
Прошу Тебя: внемли, Господь, внемли.*

*Моя молитва – слабый огонёк
И тьму она, конечно, не развеет,
Но мне резоны эти невдомёк,
И я молюсь неистовей, сильнее.*

*Не буду для себя чудес просить,
Я, непутёвый, жажду много боле:
Я жажду для Тебя, Господь, служить
И этой жаждой я, о Боже, болен.*

*Прости меня, безумного, прости!
Что я дерзнул к Тебе с такою просьбой.
Земного счастья я, оковы сбросив,
Хочу свой крест, Твой крест с Тобой нести.*

Внесенные в заголовок слова Даниила Гранина из его повести о Тимофееве-Ресовском «Зубр» – благое пожелание, которым, всё же надеюсь, дорога будет вымощена в рай, а не в ад. Тем более, что вслед за Даниилом должен для очистки совести признаться: понимал Сергея далеко не всегда. Особенно там, где речь заходила о его любимых ядерной и астрофизике.

За 30 лет нашей дружбы после его переезда в Курган была поначалу обычная почтовая переписка, были встречи и жаркие беседы-споры иногда ночи напролёт.

Когда появилась и вошла в обиход сотовая связь, все самые интересные для нас обоих события мы начали обсуждать по телефону.

А когда властелином коммуникации стал Интернет, Сергей долго заседал на меня, требуя завести у себя электронную почту. Я же, чувствуя помеху творческой сосредоточенности и уединению, вяло сопротивлялся. Но когда дело дошло до романа и почти соавторства и потребовалось оперативное его обсуждение, почту я завёл без разговоров.

Оставаясь самыми близкими друзьями, братьями по духу и Розе Мира, мы всё же иногда чуть расходились в творческих и мировоззренческих предпочтениях и приоритетах. Из необъятного круга Серёжиных интересов в науке, в философии, в метафизике, в художественном творчестве он всё больше сосредотачивался на трёх краеугольных для Розы Мира темах: роль науки в формировании религиозного мировоззрения, философия Троицы и кристаллизация Русской идеи.

А меня всё больше увлекала и завораживала эсхатология. Но на Русской идее и идеологии христианского социализма мы нашли общий язык и планировали большую совместную философскую статью. Увы...

Сергей писал и переписывал философские статьи непрерывно. Даже целые книги! Почти все их так или иначе переправлял мне на отзыв. То, что мог осилить и осмыслить, я читал. И отзывался. То, в чём «плавал и тонул», обходил молчанием.

Поначалу Серёжа на моё молчание, принимая его за равнодушие и лень, обижался. Но всегда ненадолго. Мы быстро пришли к общему выводу: обижаться друг на друга – недопустимая роскошь для нас. Нет на это ни лишних духовных сил, ни времени.

Чтобы проиллюстрировать уровень нашего взаимодополнения, симметричной необходимости друг другу, приведу выдержки одного из Серёжиных писем:

«...Понимаешь, мы всё-таки с тобой причастились к Такой Божией Тайне, мимо которой (по разным причинам) проходят многие и многие – к Розе Мира. И мы стали жить тем миром, что открыл нам Бог через Даниила Андреева, мыслим этими категориями и иначе не можем...» «...Потому нам понять проблемы друг друга проще.»

«... Знаешь, когда я закончил книгу (хоть я всё ещё дорабатываю её) – для меня мир стал немного скучней – этот мир. В нём многое потеряло интригу – ибо сняты маски – многое пошло и заранее известно. Не прими это за гордыню, но помнишь: «Много мудрости – много печали...»

«Я последние 10 лет пёр к истине «буром». Шёл по крутизне подъёма, глотая пачками книги, жадно впитывал духовный опыт людей на клубах и вне их (благо, жизнь подкидывала мне массу встреч с людьми, имеющими уникальный опыт). Я жил напряжённой жизнью на этом пути, без передышки, без расслабления – «Только вперёд!» – было моим девизом.

И вот я пришёл. Пришёл, считаю, не зря – в этом разочарования нет. Но мне казалось, что теперь это сказано так очевидно, что стоит махнуть рукой: «Эй, все сюда!» – и люди гуртом побегут к моему свету...»

Чтобы показать, какие сложные ментальные задачи ставил перед собой и слушателями мой друг, приведу план его лекций в эзотерическом клубе Кургана:

Мы быстро пришли к общему выводу: обижаться друг на друга – недопустимая роскошь для нас.

«Много мудрости – много печали...»

Я жил напряжённой жизнью на этом пути, без передышки, без расслабления – «Только вперёд!» – было моим девизом.

«ЛЕКЦИИ ПО ФИЛОСОФИИ ТРОИЦЫ.»

1. Введение. Критический разбор философских учений прошлого.

- 1) *Однобокий характер учений (основа – статья Вл. Соловьёва «Кризис западной философии»)*
- 2) *Схоластический характер учений (впервые радикально пересмотрел этот вопрос К. Маркс).*
- 3) *Бессистемность философий 20го века.*
- 4) *Новый подход к диалектике и метафизике (критика законов Гегеля).*

2. Систематические основы нового философского учения.

- 1) *Достижения современной физики как существенная база новой философии.*
- 2) *Опора на традиции и их развитие. Принципы преемственности, открытости и системности.*
- 3) *Философский подход к поиску смысла жизни человека.*
- 4) *Самоподобие и фракталы. Понятия «свобода» и «воля».*

3. Гносеологические основы новой философии.

- 1) *Что такое «познание»? Основное свойство разума. Самопознание и триединство.*
- 2) *Физиология мозга и триединство как основа познавательной способности человека.*

- 3) *Логические операции и их триединство. Основные научные понятия и их триединство.*
- 4) *Законы органической логики.*

4. Смысл любви (основа – статья Вл. Соловьёва).

- 1) *Три доминанты в познании и три пути познания. Отождествление.*
- 2) *Идеализм в любви.*
- 3) *Триединство в любви.*
- 4) *Понятия «природа – персона», «индивидуальность», «личность».*

5. Научный подход к понятиям: «дух», «материя», «структура». Выявление триединства вне личности.

- 1) *Основное свойство материи.*
- 2) *Категория «дух» и её совместимость с наукой.*
- 3) *Категории «структура» и «Логос».*
- 4) *Возможность и необходимость единства науки, богословия и философии.*

6. Метафизическая картина (мироздания).

- 1) *Основы систематического богословия.*
- 2) *Троица и творение.*
- 3) *Научная картина эволюции вселенной и её сопоставление с религиозным учением.*
- 4) *Взаимное обогащение научной и религиозной картин мира.*

7. Русская идея.

- 1) К метаистории России.
- 2) Русский язык и русское сознание.
- 3) Перспективы мирового развития и Роза Мира.

8. Заключение. «

И это были не благие намерения! Наоборот, он шёл от необходимости озвучить и посмотреть на реакцию слушателей на уже написанные им статьи. Бог даст, все они будут оцифрованы и тоже появятся в свободном доступе.

По его словам в письмах узкопедагогические вопросы его утомляли и отвлекали от любимой метафизики бытия, но и к ним он относился предельно собранно:

РЕФЕРАТ ДЛЯ ЗАЩИТЫ НА ВЫСШУЮ КАТЕГОРИЮ.

ТЕМА: «Связь слова, мышления и некоторых личностно-ориентированных подходов в обучении при преподавании физики».

Содержание:

1. Роль ассоциативно-языкового аспекта в обучении: постановка проблемы (Личностно-ориентированное обучение. Развивающее обучение. Их связь с развитием языка и мышления).

1.1 Связи языка и мыслительных процессов (обзоры проблемы в литературе).

1.2 Полезные и негативные аспекты устойчивых языковых ассоциаций и работа по их оптимизации.

1.3 Проблема расширения языковых ассоциаций и межпредметные связи физики.

2. Проблемы сближения научности и доступности в обучении.

2.1 Необходимый научный уровень знаний в школьных курсах изучения различных наук.

2.2 Способы повышения доступности при изучении физики без понижения степени научности передаваемых знаний.

2.3 Применение разноуровневости научности на школьных уроках.

3. Роль расширения постановки задач в развитии самостоятельности и творческих аспектов мышления.

3.1 Задачи «перевёртыши». Развитие умения самостоятельно их формулировать.

3.2 Развитие способностей к самостоятельному теоретическому анализу решений.

3.3 Способы развития способности к разработке задач на аналогичные ситуации в рамках изучаемого явления.

3.4 Постановка творческих проблем и изобретательских задач.

3.5 Актуализация проблемы при проведении лабораторных работ.

и красиво-глубокомысленное слово «философ» заменил на просто красивое «поэт»

3.6 Творческий подход к лабораторным работам.

4. Общие выводы по формированию умения работать с информацией в её различных формах при изучении школьного курса физики.»

Помню, с какой гордостью я цитировал Серёжу при подходящем случае в Фонде культуры, в Челябинском союзе писателей, в других аудиториях, с особой гордостью уточняя в конце: «Так сказал мой друг философ Сергей Брисюк!» Потом сообразил, что со стороны это выглядит немного по-детски хвастливо и красиво-глубокомысленное слово «философ» заменил на просто красивое «поэт». Но цитировать не перестал до сих пор.

В этой биографической повести о нём я оказался перед сложной дилеммой: с одной стороны как можно глубже и полнее раскрыть и показать его огромный внутренний мир, а с другой стороны не утопить повествование в объёмных цитатах его философских работ. Но совсем без цитат, естественно, не обойтись. Его философские работы – главная часть души Сергея и его земной миссии. А Роман – красивый и мощный завершающий аккорд философской симфонии. Итак, расслабьтесь, друзья мои и погрузитесь в мир мудрости:

«...Перейдём к апориям Зенона и разгадке их с помощью современных научных подходов... Одна из апорий называется «Стрела». В ней Зенон рассматривает полёт стрелы и утверждает, что она никогда не долетит до цели. Утверждение это он основывает

Так как стрела должна побывать в каждой точке траектории полёта, а их бесконечно много, то и процесс полёта должен длиться бесконечно.

Неопределённость, порождаемая бесконечностью, преодолевается. Это уже логически доказано современной теорией математического анализа.

на бесконечной делимости пространства... Так как стрела должна побывать в каждой точке траектории полёта, а их бесконечно много, то и процесс полёта должен длиться бесконечно.

Но в реальности мы видим, что полёт длится конечное время – вот вам и парадокс в логическом мышлении: в реальности одно, в рассуждении другое – противоречие. Здесь налицо непоследовательность мышления, ведь и временные промежутки, за которые стрела пролетает всё меньшее и меньшее расстояние, также (пропорционально) нужно уменьшать, чего в апориях Зенона не делается.

Нужны и другие логические ходы: отношение пространственных промежутков к временным (третий логический шаг), как бесконечно малого к бесконечно малому. А такое отношение остаётся постоянной величиной (при равномерном движении). Неопределённость, порождаемая бесконечностью, преодолевается. Это уже логически доказано современной теорией математического анализа. Т.е. относительность познания полезна тем, что позволяет достичь определённости. Здесь определён только отношение бесконечно малых величин, а не они сами... То же можно сказать и о другой известной апории Зенона «Ахиллес и черепаха»...

... В современной теории пределов определение предела (т.е. определённость данного понятия) тоже достигается использованием «компенсации» двух бесконечностей, каждая из которых по отдельности приводила бы к неопределённости.

Рассмотрим это на примере. Допустим, нужно ответить на вопрос: что больше, бесконечный ряд суммы чисел геометрической прогрессии

0,333333...= 0,3+0,03+0,003+0,0003+... или число 1/3 ? На первый взгляд ответ ясен: 1/3 больше суммы, так как последняя только бесконечно стремится к 1/3. Но математика – наука точная. И нужно ответить на вопрос: а на сколько именно число 1/3 больше суммы геометрической прогрессии?

И вот тут возникает логическая конструкция, где сочетание двух бесконечностей: бесконечно большого числа членов и бесконечно маленькой разницы между числом 1/3 и суммой прогрессии даёт определённый ответ: они равны!...

... В современной физике проблема утери определённости из-за бесконечности, как проблема возникновения расходящихся сумм бесконечных рядов или интегралов, встала остро на заре создания теории квантовых полей. При квантовании полей из-за существования принципа неопределённости и бесконечной возможности делимости пространства, т.е. принципиальной возможности существования точек локальности теории, возникали бесконечные ряды возможных (виртуальных) промежуточных взаимодействий объектов с вакуумом, с виртуальными фотонами и частицами (Вот вам и связь с апориями Зенона и их неопределённостью!)

...Учёные, проанализировав ситуацию, пришли к выводу, что бесконечности можно устранить взаимной компенсацией. Т.е. они представили некоторые физические величины, которые до того считались конечными, в виде бесконечных рядов (например, электрический заряд электрона и его массу), и сочетание бесконечностей

позволило уйти от неопределённости и прийти к конечным, определённым результатам в вычислениях...

... Вообще один из самых главных критериев истинности в современной науке как раз таков, чтобы избежать парадоксов типа апорий Зенона, чтобы уйти от неопределённости, порождаемой бесконечностями. Т.е. *истинным считается то, что воспроизводится во всей бесконечности пространства и времени. Если результаты эксперимента повторяются при заданных условиях в любом месте в любой момент времени, его можно считать научной истиной, строгим научным фактом...*»

* * *

... Однажды нам почти одновременно начали сниться очень похожие сны: о Дуггуре, о Воглеа и о наших попытках посылно бороться внутри себя и снаружи в реале и во снах с этими слоями бытия и их персонажами.

Художественно обработанная в виде рассказов запись моих снов, а их в то время была целая серия, была потом сознательно мной уничтожена по советам друзей. Их возмутила слишком низко опущенная моральная планка в описании эротических сцен. Но, возможно, кто-то из прочитавших ещё помнит «Регину» и «Предводителя дворянства». Запоздало, но искренне благодарю вас, друзья, за то, что этот груз не висит сейчас на моей совести!

Серёжины сны были гораздо целомудреннее моих, поэтому приведу два из них:

И вот тут возникает логическая конструкция, где сочетание двух бесконечностей: бесконечно большого числа членов и бесконечно маленькой разницы между числом 1/3 и суммой прогрессии даёт определённый ответ: они равны!...

... и сочетание бесконечностей позволило уйти от неопределённости и прийти к конечным, определённым результатам в вычислениях...

... истинным считается то, что воспроизводится во всей бесконечности пространства и времени.

И тут я вдруг обнаруживаю, что люди-то реальные!

«Прости, что давно уже не писал тебе. По последнему твоему письму понял, как тяжело тебе сейчас и как ты нуждаешься в духовной поддержке. Я, по-видимому, зря пренебрегаю перепиской, ведь весточка от близкого человека – всегда маленькая радость...

... По поводу сильной болезни и прочих неприятностей: мне был сон-предупреждение. А сон вот какой: сначала я в толпе людей в каком-то огромнейшем грязном бараке. В одном углу иконостас, и там поют молебны. Потом приходят «пионеры», всё ломают и устраивают «красный уголок». Я с частью людей недовольно ропщу по поводу этой переделки и ухожу по какому-то узкому проходу из этого барака.

Перехожу в другое помещение, похожее на музей в бывшем храме. В нём множество экспонатов, изображающих людей. И тут я вдруг обнаруживаю, что люди-то реальные! Только какие-то «замороженные». Помнишь, как во сне про «фотографа»? (Об этом сне подробно расскажу ниже. НБ).

Я начинаю быстро читать молитвы и крестить этих людей. Они оживают и начинают уходить. Я прошу их: «Теперь креститесь сами.» Кто-то крестится, а одна дама, с недоверием пожимая плечами, говорит: «Я сама как-то не умею, но вы же всегда меня перекрестите?» Я пытаюсь ей и другим объяснить: «Я не всегда буду с вами и если вы сами не будете креститься, моя помощь может быстро рассеяться...»

Тут произошло оживление, маленькая суматоха и даже паника. Главная дверь широко распахнулась, и вошла хозяйка данного заведения. (У меня в Кургане есть реальный прообраз этой Дамы. Но не думаю, что она имеет прямое отношение:

А глаза холодные – прямо снежная королева!

И я пытался выгадать так, чтобы нам на разных автобусах возвращаться.

т.е. во сне я ощущал и видел эту женщину, но в реале она не осознаёт своего потустороннего статуса).

Я спрятался за колонну храма, и когда хозяйка, возмущённая произведённым в её хозяйстве погромом, приблизилась, я «налетел» на неё и принялся крестить. Не тут-то было!

На неё это не произвело никакого эффекта, только скептическая улыбка появилась на бледном, как мрамор, лице. А глаза холодные – прямо снежная королева!

Она поняла, что причиной беспорядка в её епархии являюсь я. И я внутренне приготовился к самообороне. Но она обошлась со мной странно – почти равнодушно. Сопроводила до выхода и на пороге спросила:

«– А ты знаешь, что тебе жестоко и беспощадно будет мстить хозяйка Луны?»

Я кивнул головой и ответил, что у меня одна надёжная защита – мой Господь Бог на Небесах.

Потом, я помню, стоял на остановке, ждал своего транспорта. (Кстати, очень часто перед окончательным просыпанием этот сюжет: жду транспорта, чтобы ехать домой, или уже еду). Она тоже оказалась рядом. И я пытался выгадать так, чтобы нам на разных автобусах возвращаться. А нам было доезжать до одного перекрёстка, а потом в разные стороны.

Я проснулся со странным ощущением, что месть (о которой была речь во сне) не за горами, но что если есть за что мне мстить, так только за то, что я посылно служу Богу. «Хозяйка Луны» – это, наверное, Воглеа?! Будем молиться Богу. Он один – наша защита и упование.

... Держись! Жму руку! Сергей.»

Что я ответил Серёже на это письмо, не помню. Скорее всего, тоже подробно описывал свои сны о Дуггуре. И один похожий до оторопи на его сон! Тоже молитва в «храме» хозяйки Луны, красивой именно жуткой красотой снежной королевы, только ещё и неотразимо сексуальной. И тоже насмешка над моими религиозными потугами. И тоже необъяснимо мягкая реакция на бунт: просто пошёл вон... Но в глазах у своей героини снов я всё же увидел мгновенно промелькнувшие испуг и ненависть!

Мы пытались анализировать, что с нами происходит на тонких планах бытия. Ибо мы оба с Серёжей к этому времени уже твёрдо верили, что сны – это не только аберрации переживаний дневного сознания, а и полноценная по насыщенности делами и событиями жизнь души (астральных, ментальных и прочих наших тел в другой терминологии).

Душа, в отличие от физического тела, не нуждается в длительном отдыхе и потому ночью имеет возможность покидать тело и отправляться по своим делам. А сон – это своеобразный отчёт о «проделанной работе». Но так как душа наша иерархически выше тела, она решает, какую информацию переписывать в дневное со-знание, а какую не целесообразно. И тогда мы говорим: а мне сегодня ничего не приснилось. Это, кстати, и ответило нам на мучавший нас вопрос: каким сознанием мы живём в этом теле – сознанием физического тела! Но сознание души тонко сливается с ним и контролирует его. Потому после смерти тела душа и получает в наследство весь букет кармы.

Все эти рассуждения приобретали такую стройность и ясность в наших многочасовых беседах при личных встречах. Не помню, чтобы мы хоть раз уснули раньше 2х часов ночи. Зато помню, как замолкали в 5-ом часу. А ведь часто или ему, или мне утром надо было идти на работу!

Эту серию снов мы обсуждали и в переписке, чему я сейчас очень рад. Есть возможность не напрягать память, а просто дать слово Серёже. Для тех, кто его знал и любил (хотя, почему любил? Любит!), его прямая речь в этой повести – на вес золота!

«Здравствуй, Коля!

Спасибо за письмо! Я рад, что во время весенних каникул ты сможешь приехать к нам, мы тебя очень ждём. Нам действительно, нужно поговорить об очень многом!

У меня, сам видишь, изменилось настроение в лучшую сторону. Хочу поменять стиль жизни, снова начать активно проповедовать идеи «Розы Мира» и свою «Философию цельного знания». Решил для этого уйти из школы. Работа в школе меня слишком «засосала». Это как трясина – чем больше барахтаешься, тем сильнее затягивает. В школе же проповедовать то, что я хочу, нет никакой возможности.

Почему? Подробно расскажу по твоему приезду.

Насчёт нашего приезда в Челябинск – это, пожалуй, проблемнее. Так что лучше ты к нам.

У меня появились проекты по созданию «Общества свободных философских исследований». О них тоже расскажу при встрече. Вообще, планов и мечтаний много, и за это – слава Богу! А то я тут

сны – это не только аберрации переживаний дневного сознания, а и полноценная по насыщенности делами и событиями жизнь души

Но так как душа наша иерархически выше тела, она решает, какую информацию переписывать в дневное со-знание, а какую не целесообразно.

И тогда мы говорим: а мне сегодня ничего не приснилось.

Можем съездить к Сатье Саи Бабе в Индию.

Он в письме прислал мне художественный рассказ, написанный под впечатлением яркого и интересного сна.

Хорошо, хоть в печку не попал,

«Я не знаю, может ли считать себя ясновидящим тот, у кого это происходит спонтанно

одно время вообще скис. Была не просто депрессия, а тоска смертная. Ох, и навалились на меня «тёмные»! Они – крутые специалисты наводить страшную тоску. Ох, и попили они моей кровушки.

Возможно, что это и была месть «хозяйки» Луны. (Не богини, а как мне сказали во сне, именно «хозяйки»). Болезнь и тоска – это, скорее всего, её работа. Но я и сам виноват: более 3х месяцев не исповедовался и не причащался...

Вот сегодня причастился, слава Богу! Настроение начинает меняться. Снова дышу надеждами, снова хочу напрячь силы, чтобы полностью служить Богу...

... Если моим надеждам суждено осуществиться, то мы с тобой развернём серьёзное дело: литературную и издательскую деятельность, клубную и проповедническую работу. Можем съездить к Сатье Саи Бабе в Индию. А ещё в Брянск на «Андреевские чтения». Создадим с ними устойчивую связь. Сбудется ли? Поглядим...»

С вышеупомянутым Серёжиным сном о «фотографе» история получилась такая. Он в письме прислал мне художественный рассказ, написанный под впечатлением яркого и интересного сна. Попросил этот рассказ доработать и опубликовать где-нибудь как совместный. То его письмо у меня, к сожалению, не сохранилось. Зато в черновиках нашёл набросок уже совместного рассказа. Помню, что выставлял его на обсуждение в литературной мастерской Челябинского союза писателей, но оценку он получил очень низкую и так и остался «в столе». (Хорошо, хоть в печку не попал, как десятки других его собратьев по несчастью).

Итак, «ФОТОГРАФ»

(С. Брисюк, Н. Бондарев):

«Я не знаю, может ли считать себя ясновидящим тот, у кого это происходит спонтанно, помимо воли и желания. Впрочем, одну закономерность я подметил: в голове для этого должна стоять полная мысленная тишина.

Совершенно пусто было в ней и на этот раз. Казалось, лёгкий, солоноватый бриз свободно гуляет не только снаружи, но и внутри головы.

Дома делать было особо нечего, тётя жалела переутомлённого занятиями студента на каникулах и заданиями почти не грузила. Поэтому я медленно и бесцельно брёл по берегу, наслаждаясь свежим ещё в начале июня дыханием моря.

У местного фотографа появилась новая шикарная декорация: за настоящим столиком сидели и выпивали картонные «горячие кавказские парни», но в тоже настоящих бурках и папахах. Правда чуть карикатурно громадного размера. Всё это было гораздо интереснее головы в фанерной про-рези, чем-то напоминало съёмки фильма, поэтому скопилась небольшая очередь из желающих сняться в компании джигитов.

Когда я проходил мимо и притормозил, зачарованный действием, за стол к картонным мачо фотограф усаживал довольно красивую девушку. На ней и так был очень лёгкий и короткий бело-розовый сарафан, а фотограф ловко, но бесцеремонно придал ей позу девушки лёгкого поведения. Почему она безропотно позволила это, было загадкой, ибо ещё за минуту до этой бесстыдной сценки девушка производила вполне пристойное впечатление.

А в момент съёмки картина была недвусмысленной: трое жгучих красавцев подпоили девицу и откровенно едят уже глазами аппетитное бело-розовое тело под бело-розовым сарафаном. Померещилось, что даже двигают жгуче чёрными бровями и усами.

Фотограф окончил съёмку и пригласил за столик следующую модель. Девушка поднялась и какой-то странной, деревянной походкой медленно, как сомнамбула, пошла с пляжа в сторону центра. Я вдруг увидел такое, что дыхание перехватило.

Девушка и удалялась, и продолжала сидеть за столиком! Я протёр глаза, но невероятное видение стало только ещё отчётливее. Девушка раздвоилась!

Фотограф подал кому-то быстрый, незаметный знак, и тут я увидел большой автофургон. Как я его не заметил до этого, необъяснимо. От фургона отделились двое в чёрном, забрали сидевшую за столом жертву зловещего фотографа и затолкали в фургон. Так как не встретили ни малейшего сопротивления, проделали всё это быстро и бесшумно. А за столик садилась следующая потенциальная жертва странного манипулятора. И всё действие повторялось по точно тому же сценарию. Придание вызывающе развязной позы, щелчок фотоаппарата, раздвоение и неотличимую от оригинала копию в фургон...

Я оглянулся на небольшую толпу таких же зевак. И пришёл к выводу, что кроме меня никто таинственных фокусов фотографа не видит.

Сделав небольшой крюк, я подошёл к фургону с другой стороны. Потрогал нагревшееся на солнце железо. На галлюцинацию фургон явно не походил: металл был твёрдый и горячий.

Интуитивно я почувствовал, что сейчас не только не смогу помочь тем, в кузове, но и сам могу запросто попасть в него с наверняка мало приятными последствиями. А навстречу уже шёл один из чёрных, и его ненавидящий взгляд не сулил ничего хорошего. Я повернулся и тоже пошёл к центру, чувствуя спиной этот давящий взгляд.

Шёл и мучился сомнениями. Обратиться в полицию? Но ведь этого фокуса с раздвоением почему-то не видел никто, кроме меня. Значит, и таинственный фургон будет или пуст, или вообще невидим для нормальных людей. А где найти для разоблачения фотографа «ненормальных» полицейских?

Промелькнула мысль о храме и помощи батюшек. В происходящем явно чувствовалась смесь магии, фокуса и бесовщины. Но здравый смысл остановил. Выезд «на дело бригады» священников ещё менее реален, чем наряда ДПС. Потом тот же здравый смысл внушил, что всё мною увиденное – плод ещё не прошедшего переутомления экзаменационной сессией. Элементарная галлюцинация впечатлительного юноши, пересидевшего немного за учебниками.

Решил махнуть на всё рукой и забыть. Но тут вдруг догнал и обогнал медленно идущую девушку. Ту, красивую, которая стала первой жертвой фотографа на моих глазах.

Я оглянулся. И оторопел. Так как опять наткнулся на знакомый уже полный ненависти взгляд. Правда, не такой лютой, как у чёрного. Господи, что я такого плохого ей сделал? Оглянулся полюбоваться? Так мало бы кто из мужчин этого не сделал...

Девушка поднялась и какой-то странной, деревянной походкой

А за столик садилась следующая потенциальная жертва странного манипулятора.

В происходящем явно чувствовалась смесь магии, фокуса и бесовщины.

Тогда придётся здесь подождать, пока кончится репетиция.

несмотря на сияющее за окном во всю мощь южное солнце, стало вдруг как-то сумрачно

Остановившись и отвернувшись к витрине, я увидел, как она вошла в здание оперного театра. Помедлив несколько минут, я тоже вошёл в приятную прохладу огромного здания.

– Вы куда, молодой человек? – окликнула меня вахтёрша. – Кассы Вы прошли. Они там, направо от входа.

Я, импровизируя, достал из кармана записную книжку:

– Сейчас сюда девушка зашла. Я видел на улице, как она обронила её.

– Это Ирочка Ситникова. Виолончелистка. Давайте, я ей передам.

– Я хотел бы сам, если можно...

– Хм, – понимающе хмыкнула женщина и доброжелательно посоветовала: -- Тогда придётся здесь подождать, пока кончится репетиция. А это может часа на два затянуться...

– Ничего, я никуда не спешу. Спасибо, – я послушно отошёл к громадному окну.

Что же, всё таки, происходит? И происходит ли вообще, или только в моём воспалённом воображении? Нет, происходит-то что-то наверняка, вспомнил я ненавидящий взгляд Ирины. В голове был полный сумбур. Мысли были от научно-фантастических (придумана и опробуется аппаратура для мгновенного создания клонов человека) до религиозных (с помощью гипноза и магии происходит похищение душ сознательными слугами дьявола). А на фоне этих взаимоисключающих, но одинаково зловещих версий здравый смысл убедительно доказывал:

– Зачем тебе всё это надо? Летят драгоценные дни каникул у моря, а ты лезешь не в своё и очень опасное дело! И что бы там, на пляже, не происхо-

дило, чем ты можешь помочь пострадавшим? Тем, что сам попадёшь в этот фургон?

– Ну, не знаю! А ты что предлагаешь? Плюнуть и всё забыть? Умыть руки? Нет! Пусть я всего лишь слабо верующий студент второго, нет, уже третьего курса... Но я не страус!

«Вот, дожил!» – пришла ещё одна мысль. Мало было глюков, так ещё и сам с собой спорить начинаю.

Возникло неприятное ощущение, что несмотря на сияющее за окном во всю мощь южное солнце, стало вдруг как-то сумрачно. И начало знобить. Заболеваю? Этого не хватало. Я потрогал лоб. Нет, вроде, всё в порядке: прохладный.

– Молодой человек. Я вижу: вам понравилась наша Ирочка. И это не удивительно. Это чудесная девушка! Только сегодня почему-то не в себе. Дайте слово, что будете сидеть тише мыши, и я пропущу Вас в зал. Это интереснее, чем два часа стоять у окна!

Мне вдруг стало неловко за обман с записной книжкой. Мы познакомились, и я рассказал Татьяне Вадимовне обо всём, что привело меня сюда.

– Свят, Свят, Свят, – сразу во всё поверила и начала креститься она, – Олег, это же явная бесовщина!

Я догадываюсь, что это – не научный эксперимент. Иначе клонов видели бы все! Но что же мне делать? Надо бы Ирину как-нибудь в храм заманить, да освящённой водой напоить. Но как её туда заманить?

– Репетиции у них сейчас не очень длинные. Часть оркестра уже в отпуске и приходят по личной просьбе дирижёра. Ты посиди пока тихонько

в зале, музыку послушай, а я позвоню нашему настоятелю. Как удачно, что он дал мне свой телефон!

Я проскользнул в приоткрытую Татьяной Вадимовной дверь и присел в дальнем затемнённом уголке. Так как я оказался не единственным зрителем, то быстро осмелел и пересел поближе, но, всё же, за их спинами. И жадно впился глазами в происходящее на сцене. Не так часто доводилось бывать на репетициях симфонического оркестра.

Высокий и худой мужчина лет пятидесяти не махал палочкой и не стучал ею строго по пюпитру, а ходил вдоль рампы и нервно покусывал согнутый указательный палец.

Сразу же увидел я и Ирину. И стало очень неловко за её позу. Она являла собой яркий пример того, как этически несовместимы симфонический оркестр, виолончель и лёгкий летний сарафан.

– Стоп! Ситникова! Какая муха Вас сегодня укусила? Соберитесь, Ирина Сергеевна. Нельзя так откровенно отбывать номер! И что за пляжный вид? Я не педант, понимаю, лето, жара, но есть же нормы приличия...

– Я, Игорь Аркадьевич, вообще-то, уже в отпуске! Саша передала Вашу просьбу, и я пришла. И играю так, как здесь написано!

Она изменила позу и чуть одёрнула полы сарафана.

– Извините. Хорошо, продолжим. Да, что-то сегодня особенно душно... Серёжа, пожалей завхоза и литавры. Где ты тут нашёл фортиссимо? Играй приглушённое форте. И!...

Он взмахнул рукой, и чудесная музыка неведомого мне композитора снова заполнила всё пространство. Я старательно прислушался именно к

игре Ирины. И мне показалось, что, действительно, её виолончель, не нарушая ритма и не фальшивя, всё же выделяется на фоне остальных инструментов какой-то сухой резкостью звуков.

Дирижёр снова отрицательно замотал головой и болезненно вскрикнул:

– Стоп! Это невыносимо!

– Опять я?

– Ирина, что с Вами? Вы сегодня явно встали не с той ноги.

– Вам мои ноги покоя не дают? Так в чём проблема? Ты же не маленький, знаешь, как это делается. Угости ужином и пригласи в номер!

– Ирина! – потрясённо ахнула её соседка с альтом и, видимо, близкая подруга.

– Вон, – тихо, надтреснутым голосом сказал дирижёр в напряжённо звенящей тишине. – Вам, Ситникова, действительно, пора отдохнуть. А возможно, и психиатру показаться.

– Козёл, – как бы не вслух, но так, что отчётливо услышали все, заключила разговор Ирина, встала, резко сунула смычок под струны и со стуком прислонила виолончель к стулу. Бедный инструмент отозвался жалобным стоном.

А Игорь Аркадьевич взялся за сердце, опустил голову и вялой, больной походкой пошёл за сцену.

Не оборачиваясь, махнул рукой другим музыкантам:

– Перерыв десять минут...

Ирина решительно растолкала пытавшихся образумить её товарищей и вышла из зала. Я выскользнул за ней. Следом двинулись возбуждённые её дикой выходкой музыканты.

У входа в вестибюль с улицы стоял, загораживая его, священник с большим крестом на груди.

Так как я оказался не единственным зрителем, то быстро осмелел и пересел поближе

Её виолончель, не нарушая ритма и не фальшивя, всё же выделяется на фоне остальных инструментов какой-то сухой резкостью звуков.

– Козёл, – как бы не вслух, но так, что отчётливо услышали все, заключила разговор Ирина,

Он с лютой злобой погрозил мне кулаком

– Неофитам для укрепления в вере Господь иногда даёт духовный аванс.

Но у появившейся было умное и сосредоточенно-радостное выражение лица.

– Ирина, познакомься. Это отец Борис, – сказала подошедшей девушке стоявшая рядом Татьяна Вадимовна.

Я тоже подскочил, и мы вдвоём донесли и положили её на широкую лавку возле зеркала. Отец Борис достал из-под рясы бутылочку и влил пару глотков медленно приходящей в себя Ирине. И тут я увидел такое, что стало плохо мне самому.

Из Ирины, как из скафандра, вдруг вышел один из тёмных подручных фотографа. И опять его видел почему-то один я. Он с лютой злобой погрозил мне кулаком и ушёл на улицу не через дверь, а прямо сквозь стену. По моему, видимо, искажённому потрясением лицу отец Борис догадался, что происходит:

– Он ушёл?

– Да. А Вы его разве не видите?

– Господь милует пока! Согласись, приятного мало.

– Да уж, – с жаром согласился я, пытаюсь унять неприятную внутреннюю дрожь.

– Причащаешься?

– Редко, – честно признался я. – Стараюсь раз в месяц, но не всегда получается. А почему именно мне всё это показывают?

– Неофитам для укрепления в вере Господь иногда даёт духовный аванс. Только не думай, что в этом есть какая-либо твоя особая заслуга перед Господом.

– Я не думаю.

– Ну и молодец. Вот, дорогие мои, какие ещё вам доказательства нужны? – громко обратился отец Борис к музыкантам, указывая на уже рас-

терянно и как-то бессмысленно улыбающуюся Ирину. По вестибюлю побежал одобрительный гул голосов.

К Ирине подошли и заставили всех посторо- ниться врачи вызванной кем-то скорой помощи. Поставили укол. И тут я поразился, насколько слова «человек приходит в себя» имеют прямой, букваль- ный смысл. Откуда-то незаметно появилась та, вто- рая, которую посадили в фургон. Впрочем, разли- чить рядом их было невозможно. Но у появившейся было умное и сосредоточенно-радостное выражение лица. Она вдруг подмигнула мне и как-то ловко скользнула в нашу Ирину. У той сошла улыбка, но взгляд стал гораздо более осмысленным.

– Что со мной? – спросила она.

– Ничего страшного, – заверила женщина-врач, – Обычный тепловой обморок. В жару надо больше пить жидкости. Как себя чувствуете?

– Хорошо. Голова немного кружится. – Ирина попробовала встать, но снова опустилась на лавку:

– И ноги что-то плохо держат.

– Тогда придётся Вас забрать с собой. Дима, помоги девушке дойти до машины, – приказала врач медбрату.

– Я помогу! Я подошёл и помог Ирине подняться. Она благодарно улыбнулась и вдруг пристально посмотрела мне в глаза, будто пытаюсь вспомнить, кто я такой. Но не вспомнила, естественно, вежливо отстранилась и от меня, и от Димы и сама вышла за врачом из театра.

Мы с отцом Борисом и Татьяной Вадимовной отошли чуть в сторонку.

– Вот видите, дорогие мои, какую они власть имеют над некрещёными. Крестика-то на Ирине

нет. Навести её, познакомься, всё объясни и уговори креститься, – дал мне задание священник.

– Храни вас Господь! – отец Борис перекрестил и нас. Татьяна Вадимовна благословила у него и поцеловала руку.

Я, чуть смутившись артистов, тоже подошёл под благословение. Отец Борис понимающе улыбнулся и благословил. С удивлением я увидел, что за мной на благословение выстроилась небольшая очередь из музыкантов. С волной тепла в сердце я простился со всеми и вышел на улицу.

Как славно всё получилось! И Ирина спасена, и есть повод для знакомства. Настроение было великолепное. Чувство голода направило домой.

– Молодой человек, можно Вас на минутку задержать? – услышал я вдруг за спиной, обернулся и похолодел: фотограф!

А в нескольких метрах позади него стоял у бордюра и знакомый зловещий фургон.

Воодушевлённый примером экзорцизма отца Бориса я тоже собрался с духом и широко перекрестил фотографа. Но тот лишь насмешливо улыбнулся и покачал головой:

– Заклинание забыл сказать: «Именем Господа изыди, Сатана!»

Потом фотограф стал серьёзным и заговорил ледяным, угрожающим тоном:

– Ты не представляешь, с кем связался. С Борисом и старой душой говорить бесполезно – фанатики. А ведь у тебя могла быть хорошая и долгая жизнь впереди! Но ты, вижу, тоже уже сделал выбор. И предпочтёшь умереть во имя Христа. Так? Ну, так и умри. Прислушайся: чувствуешь, сердце остановилось?

Я прижал палец к запястью и с ужасом не нащупал пульса. Его не было! А в глазах начинало темнеть. Увидел, как фотограф сделал водителю фургона знак рукой подъехать ближе и сполз по стене на тротуар. Сидя, правда, стало вдруг чуть полегче. Хватило сил перекреститься и начать читать «Отче наш».

Вдруг из-за поворота выехала машина ДПС, проехала прямо сквозь фургон и остановилась возле нас. Подошли два сержанта.

– Что с ним, пьяный? – спросил один из полицейских у фотографа.

– Задержите его! Это гипнотизёр. Хочет убить меня!!!

– Врёт, – смущённо улыбнулся фотограф, – Я просто шёл мимо, а ему вдруг стало плохо. Жара...

– Давайте-ка оба в машину. В отделении разберёмся.

– Некогда мне с вами кататься, – зло бросил фотограф и сделал какой-то сложный пассаж в воздухе рукой. И спокойно прошёл мимо застывших, как в детской игре сержантов, к фургону. Садясь в кабину, обернулся ко мне и угрюмо процедил:

– Сегодня повезло тебе, щенок. Я тебя чуть недооценил. Но имей в виду, ты дорогу перешёл не мне, а самой хозяйке Луны, чьё имя назвать я не смею! У неё были на Ирину особые виды. А ты всё испортил! Честно скажу, что со мной редко бывает, не хотел бы я оказаться на твоём месте. Прощай, двоечник!

– Я не двоечник! – успел выкрикнуть в ответ на самое обидное, и фургон укатил.

С удивлением я увидел, что за мной на благословение выстроилась небольшая очередь из музыкантов.

И спокойно прошёл мимо застывших, как в детской игре, сержантов к фургону.

Калымит фотографом на Городском пляже.

Сержанты медленно приходили в себя и смущённо переглядывались.

– Ты чего замер, как чурбан?

– А ты? Зря парня не послушали. И правда гипнотизёр. В цирк не ходи!

– Да уж. Но я его знаю. Калымит фотографом на Городском пляже. И, по слухам, завязан с Фомой Сивым. Дурочек на фотосессиях вербует и Фоме поставляет.

– А чё его не «закроют»?

– Да фиг его знает. Прямых улик, наверное, нет. Но теперь будут! Нападение на патруль! И свидетель есть!

– Пострадавший! Заявление напишешь?

– С удовольствием! – улыбнулся я ребятам и с удовольствием пожал им руки».

Вот такой совместный рассказ получился у нас из Серёжиного сна. А уж сколько я потом на основании своих снов рассказов написал! Но речь в этой повести, напомню, не обо мне...

Я не верю в правоту утверждения: «Истина рождается в споре». Истина существует в Природе безотносительно к спорящим. И возможны разные варианты: истину знает один из спорящих, знают оба, или не знают оба. Потому и результатов спора может быть много. А рождается она для обоих в том редком случае, когда каждый знает по её половинке, и в ходе дискуссии им удаётся эти половинки соединить в целое.

Были и у нас вопросы, по которым мы с Серёжей дискутировали жёстко, даже с повышением голоса. Слава Богу, до ссоры ни разу у нас дело

Истина существует в Природе безотносительно к спорящим.

А сверхважной для нас была и все тридцать лет дружбы оставалась Роза Мира.

А между «рыжим» и «бледным» – сто, двести лет воцарения и господства идеологии Розы Мира на Земле.

не дошло. А вот помочь друг другу найти новые убедительные аргументы даже против своей версии, или помочь взглянуть на спорный вопрос под иным, новым углом зрения и согласиться с противоположным мнением – это не часто, но случалось. Ещё реже (но тоже пару раз случалось) в ходе жаркой дискуссии прийти к чуду рождения нового общего убеждения в очень важном для нас обоих.

А сверхважной для нас была и все тридцать лет дружбы оставалась Роза Мира. Потому и самые горячие дискуссии, вплоть до обвинений в отходе от её духа, были тоже по поводу утверждений Даниила Андреева.

Сергей поначалу очень горячо настаивал на том, что всадники Апокалипсиса чередуются именно так, как написано в «Розе Мира»: всадник на белом коне – раннее христианство (до раскола) и православие (после раскола); всадник на вороном коне – католическая инквизиция; всадник на красном коне – материализм и социальные революции и всадник на бледном коне – предтеча Антихриста, американский космополитизм с гегемонией над всей планетой. А между «рыжим» и «бледным» – сто, двести лет воцарения и господства идеологии Розы Мира на Земле.

Я, по какой-то внутренней потребности, глубоко погрузившись в эсхатологию, пришёл к твёрдому убеждению, что всадники-идеологии-эпохи земной истории чередуются именно так, как описал Иоанн Богослов в Откровении. И американский космополитизм на основе рыночного демократизма идеально подходит под девиз, данный ему в «Книге за семью печатями»: «...хиникс пшеницы за динарий и три хиникса ячменя за динарий; елея же и вина не повреждай».

В результате многочасового спора, пройдя в нём стадии горечи, сарказма и патетики, начали вслушиваться и вдумываться в аргументы. А потом вдруг улыбнулись друг другу, и Серёжа сказал:

– Да, в эсхатологии ты поднаторел! Твоя гипотеза развития исторических событий, похоже, очень близка к истине.

– Не моя, – скромно уточнил я, – и даже не Иоанна Богослова. И даже не Иисуса Христа! Почитай внимательно начало: «Откровение Иисуса Христа, которое дал Ему Бог, чтобы показать рабам своим, чему надлежит быть вскоре...» Этот Сценарий был прописан в «Книге за семью печатями», которую Иисус Христос оказался достоин открыть и прочесть. Собственно, с открытия Книги книг христианские метаистория и история и начались!

– Хорошо. Я подумаю над этим. Почти убедил! Но ты в своих работах всё–таки не забывай указывать, что так ясно и убедительно всадников к центральным идеологемам исторических эпох впервые привязал именно Даниил Андреев в «Розе Мира».

– Это само собой. Ты зря считаешь, что мне «Роза Мира» стала менее дорога, чем тебе!

– Ладно, Коля-Николай, мировую наливай! Кстати, всадников не четыре, а пять.

Всадник на белом коне второго пришествия Христа – это новый Дух-народоводитель, которого суждено родить «Жене, пламенем объятай», Звенте-Светане.

Сергей же меня, в свою очередь, убедил на основании доказанного мной хода истории в утопичности попыток создания идеологии христианского

социализма и тем более христианского коммунизма. Человечество не изжило и в обозримом будущем не изживёт пороков личного и государственного эгоизма. Именно поэтому благие намерения Руссо и Робеспьера, Маркса и Энгельса, Ленина и РКП(б) закономерно привели к появлению узурпаторов и тиранов Наполеона, Сталина и Гитлера.

Я возразил, что опыт Китая показывает, что коммунистический социальный опыт может оказаться и удачным!

На что Серёжа ответил: «Не только Китай, но и Индия – это самобытные не христианские и вне русла христианской метаистории великие цивилизации, к которым наши «измы» притянуты за уши из сиюминутных соображений руководителями или колонизаторами. И нужны, по сути, как корове седло! А развиваются они, внося выгодные коррективы, по своим многотысячелетним традициям».

– А Россия, взяв в наследство у Византии груз самой чистой и плодоносящей ветви христианства – Православие – приняла на себя и основной удар мечом всадника на рыжем коне, воинствующего атеизма. Беда РПЦ была ещё и в том, что она намертво срослась с обречённым историей домом Романовых. Удар за ударом: позорная русско-японская, Первая мировая, гражданская, Вторая мировая, жуткие репрессии священников РПЦ. И всё-таки Россия сохранила Православие! И потому сейчас является лидером зарождающегося и растущего противостояния построения царства Антихриста – царства Великой Блудницы и её слуг. И наша с тобой прямая задача – отчётливо видеть это и смело говорить об этом со всех доступных трибун.

И американский космополитизм на основе рыночного демократизма идеально подходит под девиз, данный ему в «Книге за семью печатями»

Сценарий был прописан в «Книге за семью печатями», которую Иисус Христос оказался достоин открыть и прочесть.

Человечество не изжило и в обозримом будущем не изживёт пороков личного и государственного эгоизма.

– Тут и спорить не о чем. Да, Серёжа, при любом раскладе мы стоим сейчас на пороге эпохи всадника на бледном коне!...

Сейчас, по моим ощущениям, мы порог этот уже перешагнули. Войны и моры уже идут. О голоде тоже уже пошли тревожные разговоры. Все признаки всадника Смерть налицо. И Блудница на Европу возлегла. К приходу Антихриста всё готово...

* * *

И потому сейчас является лидером зарождающегося и растущего противостояния построения царства Антихриста

Глава 5 В гостях у Библиотекаря

*Я не знаю, какие долины
Приютят мой случайный привал:
Кликнул вдаль меня клин журавлиный,
По родимым дорогам позвал.*

*Нет за мной ни грозы, ни погони;
Где ж вечернюю встречу звезду,
К чьим плечам прикоснутся ладони
Завтра в тёмном, бесшумном саду.*

*Мук и боли ничьей не хочу я,
Но луной залиты вечера,
И таинственно сердце кочует
По излучинам зла и добра...*

(Даниил Андреев)

«... **О** задаче этой, поскольку она постижима и выразима на языке наших понятий, я уже говорил, но повторю ещё раз. Метаисторически эта задача-цель заключается в рождении Звенты-Светаны демиургом и идеальной Соборной Душой сверхнарода Российского; исторически – в явлении Розы Мира, то есть та-

кой религиозно-нравственной инстанции, которая, показуя собой образ незапятнанной чистоты, эстетического богатства и широкого культурного всепонимания, обрела бы наивысший авторитет в глазах народов мира, через всемирный референдум приняла бы этический контроль над деятельностью всех государств – членов Всемирной федерации и, постепенно формируя многообразную системой культурных средств поколения людей облагороженного образа, создала бы предпосылку – не к смягчению уже, но к полному преобразованию самой сущности государства во всечеловеческое братство...»

(Даниил Андреев «Роза Мира»)

Мы с Серёжей об этом помнили и наши сердца горели этим постоянно.

За тридцать лет нашей дружбы и сотрудничества мы определились с собственными творческими приоритетами. Серёже органичнее были научная, философская и публицистическая манеры изложения мыслей, мне – публицистическая и художественная.

Особенно явно и неприятно продемонстрировал это любимый нами обоими журнал «Наука и религия»

Было полное ощущение, что главного редактора, как в худшие советские времена, вызвали в «органы»

Но постепенно обоими уяснялось, что дело в духовной аллергии постматериалистического и догматического «общественного мнения»

Но остался верен себе и написал не классический художественный, а философско-художественный роман с элементами мистики и физики.

Но, независимо от манеры и меры таланта, вложенных в наши труды, работали мы оба все эти годы, за редким исключением, «в стол».

Мы столкнулись с никем не объявленной, но явно просматривающейся в центральных СМИ завесой молчания над «Розой Мира». Особенно явно и неприятно продемонстрировал это любимый нами обоими журнал «Наука и религия». Задуманный когда-то как воинственно атеистический, он после 1991 года стал сначала плюралистическим, а затем и откровенно религиозным журналом, рупором верующих писателей и журналистов всех религиозных конфессий России. Не помню, в каком году главный редактор журнала в последнем номере анонсировал, что следующий год будет уделён внимательному изучению литературного и философского наследия Даниила Андреева в целом и «Розы Мира» в особенности. Мы с Серёжей возликовали! Но вышел первый номер, второй, третий,... двенадцатый – полная тишина! Ни словечка ни о Данииле, ни о «Розе Мира». Было полное ощущение, что главного редактора, как в худшие советские времена, вызвали в «органы» и доходчиво объяснили политику «партии и правительства». Так это было, или иначе, но публиковаться мы с Серёжей могли только в местных и частных СМИ.

Вот характерный пример нашего настроения в то время из письма Серёжи:

«... Отчётливо ощущаю другое: я обложен, как медведь в берлоге. За всё лето только и сделал, что перекроил статью «Тайна земной миссии» и отослал её в «Науку и религию». Ответа сначала ждал, теперь не жду. Понял: пока (сколько это «пока»?)

ничего не дождусь. Я пошлю тебе этот вариант статьи. Он, конечно, не идеал, но напечатать вполне было бы можно... Ощущение безысходности, но пока без уныния...»

Я в то же время с тем же «успехом» рассылал свои художественные рассказы, в том числе и в «Науку и религию». В лучшем случае приходили вежливые дежурные отписки. В худшем – та же равнодушная тишина.

Мы, конечно, оба работали над бесконечным саморедактированием и взаимным редактированием, полагая, что дело в качестве работ. Но постепенно обоими уяснялось, что дело в духовной аллергии постматериалистического и догматического «общественного мнения» на наше мировоззрение и нашу идеологию.

Из другого Серёжиного письма:

«...Насчёт редактирования и убирания тяжеловесности я с тобой согласен, хотя читаю в журналах статьи куда более «тяжеловесные», чем мои. Да и саму «Розу Мира» многие считают слишком тяжеловесной. Что делать? Не все истины можно выразить простецкими формулами. Что ж, буду работать над популяризацией!»

Вот так и вызревало постепенно у Сергея желание написать роман. И он написал его! Но остался верен себе и написал не классический художественный, а **философско-художественный роман с элементами мистики и физики.**

Удалось ли Сергею решить в романе сверхзадачу – убедить читателя в истинности идей Даниила

Андреева? А также сказать что-то своё, новое, расширяющее горизонты Розы Мира? Читателю и судить...

А пока слово тем друзьям и родным Серёжи, кто уже прочитал роман и составил о нём своё мнение. С удовольствием возвращаю слово прерванному в третьей главе Валерию Мирошникову (из очерка «Два физика и лирика»):

«... В 2004 году я уехал из Кургана и наше общение с Сергеем стало эпизодическим. В июне 2021 года он мне написал:

«Подумал я, что неизвестно, сколько Господь ещё мне отпустил, срочно начал писать роман, где изложил в более-менее удобоваримом виде моё мировоззрение. Называется роман «Библиотекарь». Высылаю ссылку на него. Там в одном эпизоде я использовал и твоё имя, так просто, как говорит молодёжь, по приколу. Если тебе это будет неприятно, я уберу. Почитай!».

Моё первое впечатление от книги можно выразить словами «душа отдыхает». Это был глоток чистого воздуха с небес в чадающей атмосфере современной культуры, причём я имею ввиду не только популярную культуру, но и то, что принято называть «высокой». Здесь важен, конечно, стиль и язык романа, любовно выписанная мелкая фактура, которая создаёт эффект присутствия, включения в действие. Но главное – герои в романе Сергея не прозябают в бессмысленности, но и не гонятся за миражами. Они увлечены чем-то по-настоящему человеческим: познанием мира, себя, Бога. Но при этом это настоящие

живые люди, а не ходячие модули для изречения мыслей автора. За их духовными поисками и человеческими драмами следишь и сопереживаешь.

Сергей мастерски показал, как накапливается напряжение между разными мировоззрениями по мере их развития. Элегантно, без нажима введены и физика многих измерений, и «Роза Мира». Фигура хранителя библиотеки Михеича постепенно материализуется из слухов, догадок, рассказов, встреч и бесед, и постепенно обретает не только плоть и кровь, но и всепланетный размах.

Отдельно хочу отметить подачу физических тем в романе. Это восхитительно дерзко – вводить в художественное повествование гамильтониан и эрмитовы операторы. Сергей по-хорошему безжалостен к читателю: тема важна для повествования, для картины мира, для образа будущего – поэтому придётся напрячь интеллект и вникать! Для облегчения задачи самые тонкие места подаются в диалоге матёрых физиков и школьников. Это даёт автору возможность сложные идеи подать доступно, а читателю даёт время просто привыкнуть к терминологии, свыкнуться с мыслью, что теперь изложение пойдёт вот так – и иначе нельзя, если хочешь взять планку на заявленной высоте познания. Людям это тоже необходимо.

Мне приятно, что мои мысли и пожелания тоже были полезны и учтены Сергеем при работе над романом:

«Спасибо, Валера, что ты это всё анализируешь. Я думаю, что придётся ввести временный персонаж – второго физика, с которым они бы всё обсуждали. Он придет на время, навестить Николая. Допустим, это будет зав. кафедрой физики Казанского

Это был глоток чистого воздуха с небес в чадающей атмосфере современной культуры,

Но главное – герои в романе Сергея не прозябают в бессмысленности, но и не гонятся за миражами. Они увлечены чем-то по-настоящему человеческим: познанием мира, себя, Бога.

Сергей по-хорошему безжалостен к читателю: тема важна для повествования, для картины мира, для образа будущего – поэтому придётся напрячь интеллект и вникать!

Конец романа – это боевик и в прямом смысле слова, и в смысле столкновения мировоззрений

«Да будет воля Твоя!»

Вот видишь, как «стремительно и грозно», лучше не скажешь, становятся легендой наши судьбы.

университета, с которым они вместе когда-то учились. Но их диалог придётся расширить. Я почитал твои замечания и хочу предложить тебе файл из своих соображений и моделей, которые изложены просто и популярно, но художественно пока никак не обработаны. Ты у меня будешь за этого воображаемого зав. кафедрой, а монолог Николая направлен пока к тебе. Когда он придет, Николай предложит ему статью, которую он хотел бы для начала опубликовать в университетском сборнике. Они будут её обсуждать. А Глафира невольно окажется рядом и будет задавать иногда «глупые» вопросы, чтобы были пояснения для читателя».

А вот мой ответ уже после преодоления этих трудностей и появления новой главы:

«Это было великолепно! Мне по-настоящему понравилось. Ещё раз повторю: у тебя истинный художественный талант. Чем сложнее перед тобой задача, тем убедительней и живей её решение. Ты реально живёшь в своих героях. Всё уместно, всё воспринимается. И даже если кто-то не поймёт всех терминов, он ассоциирует себя со школьниками и уверенно продвинется по тексту, добираясь до идей Николая. Это здорово! Жду продолжения».

Продолжение последовало. Конец романа – это боевик и в прямом смысле слова, и в смысле столкновения мировоззрений : все напряжённости, накопившиеся в процессе жизни героев, разрешаются стремительно и грозно, выходя на общепланетарный уровень. Читатель, добравшийся до финала, не пожалеет о затраченном труде.

Когда я представлял роман Сергея Брисюка «Библиотекарь» своим читателям и друзьям в соцсетях, я обращался к творческим личностям с предложением:

«Почитай и наслаждайтесь, но и учитесь, как можно подавать для неподготовленного читателя сложнейшие темы. И это значение романа – учебника для писателей – тоже важно.»

И в завершение то, что составляло, видимо, основу мировоззрения и личности Сергея Брисюка. Как-то он отвечал на психологический тест из трёх вопросов. Меня тоже просил ответить, но своих ответов я уже не помню. Как и вопросов. **Запомнились его ответы. На все три вопроса он ответил одинаково:**

«Да будет воля Твоя!»

Спасибо, Валерий, сложно переоценить твой очерк во всех аспектах! Вот видишь, как «стремительно и грозно», лучше не скажешь, становятся легендой наши судьбы. А пока не стали, надо успеть увековечить память о Серёже и его трудах...

Валерий Мирошников:
«Диалог о романе Сергея Брисюка «Библиотекарь».

«Одна голова хорошо, а две лучше», – гласит народная мудрость. Мы вдвоём с Татьяной, спутницей жизни Сергея, постарались понять такое явление, как роман «Библиотекарь». И многое нам открылось. Некоторые детали я дополню в своих комментариях.

Татьяна: Когда Серёжа был уже в очень тяжёлом состоянии, ему оставалось жить недели полторы-две, я предложила: «Давай я тебе буду что-то читать вслух». Чтобы отвлечь его от страданий, чтобы не просто сидеть рядом. Он сказал: «Почитай».

тай мой роман». Объяснил, как его открыть на компьютере. Он его буквально только закончил, кому-то уже послал из друзей, а я читала первый раз роман вслух. Читать надо было, разумеется, с хорошей дикцией, выразительно. Читала в день по одной, две главы, а заканчивала чтение уже одна, после похорон.

Я узнала многое из того, что он мне рассказывал в течение нашей совместной жизни. Что-то 25 лет назад, что-то в последние годы, что-то я прочитала по его рекомендации в журналах и книгах. В девятые годы я и «Розу Мира» пыталась прочесть, но многое мне было трудно понять. Я ещё успела сказать ему восторженно: «Как же тебе всё это удалось соединить вместе – и так гармонично!»

В моей голове все эти факты составляли лоскутное одеяло: про звуки, про цифры, про Агасфера, про Бога, про поцелуй Иуды, про многомерность. А он всё собрал воедино, да ещё в художественном произведении, да так замечательно!

Валерий: Как вам удалось издать книгу?

Татьяна: Книгу мы издали благодаря моей ученице Татьяне Игоревне Исаковой. Она преподаёт математику в Курганском государственном университете. В разговоре Сережа как-то упомянул, что есть книга. Таня ухватила за эту мысль, попросила переслать электронную версию книги её маме – журналисту Ираиде Андреевне Меньшиковой. Ираида Андреевна восхитилась, как хорошо написано, как интересно. И Таня задалась целью издать её. Спасибо ей огромное и всем ребятам этого класса, которые мне здорово помогали и помогают

до сих пор. Она хлопотала, хотела ещё при жизни Серёжи успеть, но привезли мне готовые экземпляры уже только к Новому году. Так что я дочитывала уже бумажную версию. Книга у меня вся в закладках и карандашных подчёркиваниях. Я поражаюсь, как можно сложнейшие вещи донести простым языком. Я читаю и как будто с ним разговариваю. Это меня спасает, становится легче.

Вспоминаю фрагмент из романа. На стр.255 Глафира объясняет дочке, почему браки заключаются на Небесах. Как ещё до рождения в иных мирах душа одного человека должна проникнуть в душу другого. В результате именно такого взаимопроникновения люди смогут здесь жить «душа в душу». Наверное поэтому мне сейчас так тяжело. Было одно целое, которое разделили, вырвали с кровью, с мясом. Есть раны, которые время не лечит... Я держусь только благодаря людям, друзьям, которых вокруг меня так много и которые за меня переживают.

Валерий: Говоря о романе, что тебя в нём особенно впечатлило? Какие события, герои?

Татьяна: Мне с самого начала показалось, что главный герой, Николай, – это сам Серёжа. Все описанные события с ним реально происходили в жизни. Полтергейст был на самом деле. И про оперотряд он много рассказывал, как они защищали студентов от местных хулиганов. А однажды им пришлось охранять Крестный ход на Пасху – они просто стояли цепью и защищали. Все эти события из Серёжиной жизни, но есть в этом герое и другая составляющая. На год старше Сергея на физ-

«Как же тебе всё это удалось соединить вместе – и так гармонично!»

Я поражаюсь, как можно сложнейшие вещи донести простым языком.

А однажды им пришлось охранять Крестный ход на Пасху – они просто стояли цепью и защищали.

В романе подробно освещены многие темы астрофизики и квантовой механики.

наша Вселенная – это трёхмерный фронт волны, который распространяется в многомерном пространстве и расширение – это следствие движения волны во все стороны.

факе Челябинского университета учился очень талантливый студент Николай Горькавый, который действительно работал у академика Фридмана, а потом уехал в Америку.

Валерий: Это тот астрофизик Горькавый, который предсказал целую серию спутников Урана и получил за это государственную премию СССР?

Татьяна: Да.

Валерий: И который написал серию романов про Астравитянку?

Татьяна: Да, он.

Валерий: Конечно, это не случайное совпадение. Сергей сознательно придал своему герою черты характера и этапы биографии своего товарища. И, возможно даже, проложил своим романом ему дорожку на Родину. Как вернулся в Россию герой его романа, так может вернуться и прототип, увлечённый созданным потоком мысли. Но что меня ещё удивляет: почему действие романа происходит в Казани и её окрестностях, а не в Челябинске, где Сергей учился и жил. Почему Казань?

Татьяна: Может, по каким-то эзотерическим соображениям? Волга – это символ России. А село Колмогорское в Татарстане есть?

Валерий: Села такого нет, село выдуманное. А вот Казань он описал географически точно, я же живу в Казани, и у меня ощущение физиче-

ского присутствия на месте действия романа. Конечно, Казань – эти старейший в стране университет (старше только Московский и Тарту). Это научные школы на любой вкус, возможность междисциплинарного диалога, который очень важен для романа. И, всё-таки, возможно, главной причины мы не знаем.

Татьяна: Может, из-за Ленина? Ленин учился в Казани. А первая глава романа называется: «Ошибка Ленина».

Валерий: Интересно. Возможно, Сергей хотел оказать какое-то воздействие на это место, на исторические процессы, с ним связанные.

Татьяна: Я хочу поговорить о физике. В романе подробно освещены многие темы астрофизики и квантовой механики. В частности, диспут на глазах старшеклассников Николая и Александра Михайловича Дюрягина (это Шурик Дюрягин, который с Сергеем жил в одной комнате общжития). В романе он сделал его зав. кафедрой. Ему задают вопрос: если Вселенная расширяется, то в чём она расширяется? Дюрягин пожимает плечами: «Просто расширяется». А Николай развивает мысль, что наша Вселенная – это трёхмерный фронт волны, который распространяется в многомерном пространстве и расширение – это следствие движения волны во все стороны. И мне интересно: это представление о нашей Вселенной, как волне, Серёжа сам выдумал или это научный факт?

Валерий: Эта модель известна в науке, но считается, что реален только наш трёхмерный мир, а многомерность – это такой математический приём подсчёта физических величин, чисто формальный. Новизна подхода Сергея в том, что он считает реальной и ту среду, где распространяется волна-Вселенная. А значит, в этой среде возможны и другие волны различных размерностей, которые образуют свои Вселенные. И с этой точки зрения становится возможной та совокупность параллельных миров, которую описывает Даниил Андреев в «Розе Мира». В целом можно сказать: та физическая картина мира, которую изобразил Сергей в романе, имеет корни в научной теории. Это не фантастика, это передовой край науки.

Татьяна: Центральное место в романе занимает фигура Михеича – казалось бы, простого библиотекаря в селе Колмогорском. Но при этом духовидца, мудреца и наставника, а также защитника на тонком плане Земли Русской. Я так скажу: чудесник. У него появляется таинственным образом дневничок Николая, который он уже давно потерял. И аварию он предвидел. Моя знакомая, психолог, считает, что Михеич – это сам Сергей. Он всё знает, всё предвидит. Я спорить не стала. Меня и Серёжа спрашивал: «А как ты поняла, кто такой Михеич?» Тогда я не смогла ответить...

Валерий: Есть такое наблюдение, что кого бы ни рисовал художник – он рисует свой автопортрет. Конечно, все герои произведения – это в какой-то мере разные грани личности

самого автора. У того же Достоевского есть роман «Игрок». Кто этот игрок? Достоевский. И «Идиот» тоже он. Поэтому, конечно, Сергей отразился как в фигуре Николая, так и Михеича. Михеич, в терминах Сергея и «Розы Мира» – это представитель синклита России, духовного совета, братства. Михеич же практически мобилизацию объявляет всем светлым силам, когда Николай подвергается нападению Дракона. Я так скажу: Николай и Михеич образуют то же единство, что Руслан и Финн у Пушкина в «Руслане и Людмиле». Именно вместе они реализуют стратегию спасения Людмилы и в целом Руси, человечества от власти Черномора. Даже эпизод воскрешения Руслана находит отражение в реанимации Николая после аварии. Так в ком же из них больше отразился Сергей и его идеи? В обоих. Но если Николай – это Сергей в настоящем, в миру, в Яви, то Михеич – это Сергей в развитии, в будущем, в потенциале, в Мечте. Именно это он мечтал делать для России.

Татьяна: Это точно. Он всё время в последний год показывал мне разные предвидения и пророчества о России. Он и в книгу их включил: там и Кейси, и Ванга, и многие другие. И всё сходилось к тому, что у России должен быть православный царь, который придёт и поведёт её истинным путём. И та молитва Богородице, длинная-длинная, которая приведена у Серёжи в конце романа, была его любимой. Он знал её наизусть и каждое утро зажигал свечу и читал её. Я спрашивала: «Где этот царь? Откуда возьмётся?» А Серёжа говорил: «Он живёт среди нас, но пока не проявлен».

Центральное место в романе занимает фигура Михеича – казалось бы, простого библиотекаря в селе Колмогорском.

Николай и Михеич образуют то же единство, что Руслан и Финн у Пушкина в «Руслане и Людмиле».

всё время в последний год показывал мне разные предвидения и пророчества о России.

Приходит выполнить миссию. Это духовный лидер, на котором сходятся чаяния народа и благословение Всевышнего.

В круге все равны, каждый голос равноценен и важен, решение принимается не большинством голосов, а общим согласием.

Собственно, и кризис цивилизации возникает потому, что человек не выполняет возложенной на него миссии.

Валерий: Расскажу, как я это воспринял. Мы все росли в советское время, для нас идея о приходе Царя выглядит странно. У нас в душе даже не Западная демократия, как власть богатых, а представление о том, что каждый человек должен принимать участие в управлении, как у Ефремова в «Туманности Андромеды». Как это представление совместить с идеей Царя? Как Сергей к этому пришёл? По мере того, как я над этим размышляю, я вижу, что на самом деле здесь речь идёт не о реставрации монархии, не о династии. По большому счёту Царь – это человек, который приходит в критический момент, чтобы вытаскивать страну из кризиса, а может быть, и всё человечество. Приходит выполнить миссию. Это духовный лидер, на котором сходятся чаяния народа и благословение Всевышнего. В этом смысле Николай Второй – никакой не царь, а обитатель дворца, который не справился с управлением народом и государством.

Татьяна: В понимании Серёжи представление о царе восходит к библейским патриархам, которых он считал царями-священниками, объединявшими в себе мирскую и духовную власть.

Валерий: Я приведу ещё пример: управление в казачьем войске издавна устроено на принципах круга. В круге все равны, каждый голос равноценен и важен, решение принимается не большинством голосов, а общим согласием. Но начинается война, и казаки единогласно выбирают атамана, которому подчиняются беспрекословно, потому что в

бою некогда совещаться, а должен быть один человек, который примет на себя всю ответственность. Которому Всевышний говорит: делай так-то и так-то. Так же и Царь возникает потому, что нет времени на общий совет и квалификации у людей не хватает на решение проблем. Но после победы верховная власть возвращается у казаков к кругу. И Царь после преодоления кризиса, выхода цивилизации на истинный путь, складывает свои полномочия. И приходит то, о чём сказано и в Коране, и в Евангелии: человеку предназначено быть наместником Бога на Земле. Собственно, и кризис цивилизации возникает потому, что человек не выполняет возложенной на него миссии. И забота Царя – именно проблему разрешить. И не просто предложить какие-либо решения, а подать пример исполнения миссии наместника Божьего на Земле. И кризис разрешится именно потому, что люди примут роль царя каждый на своём месте, примут ответственность за свой фрагмент Вселенной. Не может один человек решить все проблемы в каждом городе, на каждом предприятии, в каждой семье – сделать это можно только всем миром. Поэтому считаю, что все люди должны проявить инициативу, взять на себя свою часть функций управления.

Татьяна: Царь является камертоном, по которому настраивается весь оркестр.

Валерий: В романе власть царскую Сергей предрекает Николаю. А вот власть духовную, жреческую несёт Михеич. И здесь очень характерно, что жреческую власть Сергей помещает

в библиотеку. Есть разные представления о высоких сущностях, которые приглядывают за Россией и способствуют её развитию: Пушкин Финна помещает в лес, в чащобу, Рерих махатм – в горную Шамбалу. Сергей волхва и кудесника Михеича помещает в библиотеку. Библиотека – это тишина и уединение, но одновременно прикосновение ко всем богатствам культуры, накопленной человечеством. Это уединение не отрицает взаимодействия с людьми. Но с людьми, а не с массами. Читатели приходят поодиночке. Читатель и библиотекарь – это всегда личный контакт. И, конечно, Сергей сам был таким библиотекарем. Даже в ипостаси учителя физики он оставался хранителем знаний о всех сферах Мироздания и наставником для учеников.

Татьяна: При этом важно, что библиотека Михеича ещё и храм. Реальное здание с куполами, да ещё и с садом – то есть включает в себя и уголок природы.

Валерий: Да, в этой библиотеке появляются знания не только книжные, но и те, что записаны в ноосфере. Именно оттуда берутся пропавшие рукописи и разные чудеса.

Татьяна: Из женских образов, конечно, впечатление произвела Глафира. Совершенно необыкновенная женщина, которую Серёжа представил выросшей в семье старообрядцев. Это, прежде всего, требование женской чистоты, которая должна быть в женщине, и такую вот он её выдумал. Когда они расстались с Николаем, я спрашивала Серёжу:

«Зачем ты их разлучил?» Он мне говорил: «Они потом встретятся». Я не успокаивалась: «Зачем ты её замуж за тракториста выдал?» Я читала и переживала: почему Николай уехал в Америку, почему они поссорились из-за какой-то дурочки Милены?

Валерий: Не всегда автор может сказать, почему герои ведут себя так-то и так-то. Творческий процесс идёт не на сознательном уровне, а в подсознании. А порой и вовсе вне автора – мы называем это вдохновением, нисхождением духа. Но в любом случае у героев есть характер, есть цели, есть мечты – и они ведут их. Если девушка мечтала стать балериной, только чрезвычайные обстоятельства могут её сделать прапорщиком в армии. Не всё автор делает с героями, как ему вздумается, но только то, что укладывается в логику характера. Кстати, точно так же происходит и в жизни. Как гласит народная поговорка: «Посеешь характер – пожнёшь судьбу». Писатель только отражает этот процесс. Николаю судьба была войти в науку – ему нужно научное мышление, судьба поехать в Америку, изучить эту страну – это ему, как царю, пригодится. Так что, возможно, не дурочка Милена испортила жизнь влюблённым, а судьба привела Милену, чтобы обеспечить дальнейшие планы Провидения. Не всегда мужчина и женщина встречаются, чтобы жить вместе, быть счастливыми, растить детей. Иногда у них другие задачи.

Татьяна: У Пахмутовой и Добронравова тоже детей не было, у них были песни.

Библиотека – это тишина и уединение, но одновременно прикосновение ко всем богатствам культуры, накопленной человечеством.

Это, прежде всего, требование женской чистоты, которая должна быть в женщине, и такую вот он её выдумал.

Творческий процесс идёт не на сознательном уровне, а в подсознании. А порой и вовсе вне автора – мы называем это вдохновением, нисхождением духа.

Сергею нельзя было упустить интерес читателя потому, что он реально сложные темы растолковывал на страницах романа.

Да, в нём есть любовные коллизии, но они вполне умеренные. Не так, как в иных сериалах, где люди патологически не умеют наладить отношения.

Валерий: Но есть ещё один аспект. И Сергей его, конечно же, учитывал. Я его тоже всегда учитываю. Писатель зависит от читателя. Если в романе нет любовной линии, то читательский интерес угасает. Сергею нельзя было упустить интерес читателя потому, что он реально сложные темы растолковывал на страницах романа. Что такое любовная линия? Это препятствия, которые не дают влюблённым соединиться, и их преодоление. К сожалению, пока не получится писать романы, в которых любовная линия обойдётся без драм: встретились, выбрали друг друга и жили душа в душу.

Татьяна: Как мы с Серёжей.

Валерий: Да, но на такой истории, как у вас, сегодня роман не сделаешь. Он пройдёт мимо читателя. Хотя в будущем читатель будет другой: более чуткий к душевным переживаниям героев, их творческим поискам, научным дерзаниям. Когда-нибудь это само по себе будет содержанием романа. И «Библиотекарь» – шаг в этом направлении. Да, в нём есть любовные коллизии, но они вполне умеренные. Не так, как в иных сериалах, где люди патологически не умеют наладить отношения. Нет, здесь Николай и Глафира стремятся к взаимопониманию и находят его. И начинают вместе решать задачи большего масштаба. Планетного масштаба.

Татьяна: Про масштаб вопрос интересный. У Сергея в романе все положительные герои не то, чтобы выпадают из среды, но перерастают её. У

них меняется масштаб восприятия и мышления. Время изменилось, и по-прежнему жить уже не получится. Точно так же Николай перерастает сегодняшнюю физику, в прямом смысле слова выходя на просторы метафизики. И Юрий уже не совсем философ благодаря общению с Николаем и Михеичем. Вот и отец Пахомий – весьма интересная фигура.

Валерий: Когда появился отец Пахомий, я почувствовал, что вплетается ещё одна нить в повествование, как сюжетная, так и мировоззренческая. Так симфония развивается: одна мелодия, вторая, вариации. То, как Сергей вплетает в действие романа и в диалоги новые мировоззрения, наводит на мысль о музыке.

Татьяна: Отец Пахомий далеко не просто соглашается с Михеичем, он всё время сомневается. Но в то же время читает рекомендованное, делает закладки, задаёт вопросы. Он не противостоит, а находится в диалоге.

Валерий: Это очень важная тема, я хочу её развернуть. То, что в романе изложен большой объём знаний – от квантовой механики до эзотерических представлений о стихиях – это у всех на виду. Но есть и другой пласт: Сергей показал необычные отношения людей. Людей, живущих идеями, совместным поиском, диалогом, которые не противопоставляют себя друг другу, а ищут и находят взаимопонимание. Отец Пахомий по должности мог бы вступить в противостояние с новыми идеями, но он ищет для себя и для церк-

ви возможность включить новые идеи в своё мировоззрение. И также делает в романе каждый: так от Михеича разрастаются корни в разные сферы жизни: в науку, в бизнес, в образование, в религию. И они объединяют собой прежде разобщённые сферы: находя взаимопонимание между собой, команда Михеича даёт пример и возможность взаимопонимания всем, кто с ним связан. Подобного рода отношения встречаются у очень немногих авторов. У И. А. Ефремова и в некоторых произведениях соцреализма. И показать, что можно жить вот так, без конфликтов, поддерживая поиск и развитие друг друга – это большое достижение. Может быть, не менее важное, чем объяснение читателю сложных физических теорий и мистических учений. Эти образцы поведения закрепляются в подсознании, формируют новую культурную норму. И это не фантастика, а то взаимодействие с людьми, которое было свойственно Сергею. Он вокруг себя всегда создавал такую атмосферу: оживленную, конструктивную, созидательную. Именно её он и показал в романе. Именно поэтому его книга вызывает у меня ощущение радости, полёта, вдохновения. Продираться сквозь сложность информации – это большой труд. А отношения героев – это отдохновение души.

Татьяна: Вот мы говорили о выходе героев из рамок среды. Мне кажется, что вставные истории из евангельских времён придают роману большую масштабность. Читатель начинает смотреть на происходящее сегодня с позиции тысячелетий. И события обретают совсем другой смысл.

Валерий: И ещё стоит упомянуть такую вещь, как стиль. У Сергея было чувство стиля. Иногда по моим предложениям он быстро набрасывал куски текста и даже целые главы. И этот свежеиспечённый текст не требовал правки. Я сам по роду деятельности занимаюсь редактурой, но у меня при чтении текста Сергея не было никакого желания его править. И в этом смысле Сергей тоже библиотекарь. Только он не хранитель книг, а хранитель самой книжности, хранитель стиля книгописания.

Впечатление о романе Наташи Брисюк:

«При чтении книги «Библиотекарь» меня охватило чувство радости и даже какого-то азарта, словно отдельные пазлы моего представления о мире стали волшебным образом складываться в волшебную картину. Многие теоретические знания, которые существовали разрозненно, а частью, что лукавить, были для меня за семью печатями, вдруг получили доступное толкование. От этого просто захватывало дух.

Сразу вспомнились девяностые годы, когда на нас хлынула свобода печати. Можно по-разному относиться к этому факту, но одно бесспорно: обилие информации из всевозможных источников пробудило нас. Заставило сначала с упоением поглощать всё, что предлагалось, затем пускаться в ход анализ. Много принималось, что-то отрицалось. Интуитивно, в соответствии со своим знанием, мироощущением и внутренним кодексом появился нечёткий набросок картины мира, но чего-то в нём не хватало.

н вокруг себя всегда создавал такую атмосферу: оживленную, конструктивную, созидательную. Именно её он и показал в романе.

И в этом смысле Сергей тоже библиотекарь. Только он не хранитель книг, а хранитель самой книжности, хранитель стиля книгописания.

Многие теоретические знания, которые существовали разрозненно, а частью, что лукавить, были для меня за семью печатями, вдруг получили доступное толкование.

Серёжин роман «Библиотекарь» – словно тихий голос из прошлого, наконец-то долетел не только до моих ушей, но и дошёл до сердца. Много бы я сейчас задала ему вопросов.

Физику я никогда особо хорошо не понимала. И с каким удивлением открывала для себя серьёзные вещи, описанные в романе так просто и ясно.

Какую красоту и гармонию во всём видел он и показал читателю!

Сейчас понимаю, что тогда в этом эскизе мироздания не было первопричины и объединяющей силы – не было Бога. Да и откуда этому было взяться? Первым соприкосновением со словом Божьим стал роман «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова. «Роза Мира» Даниила Андреева только ворвалась в душу чувством тревоги и незащищённости перед жизнью.

В то же время состоялось несколько встреч с Сергеем, младшим братом моего мужа. Мы были молоды, жили в разных городах, каждый ощущал и пытался реализовать свой творческий и профессиональный потенциал. Жизнь кипела. Во время коротких встреч Сережа что-то пытался до нас донести по вопросам религии. Я практически не участвовала в разговорах, так как большую часть времени проводила на кухне, стараясь как-то организовать стол при скудном бюджете.

Сергей как-то, улыбаясь, сказал мне: «Марфо, Марфо, не о том печёшься.» Слова немного царапнули душу, запомнились, но ничего не изменили. Видно, время тогда ещё не пришло. Уезжая, случайно или нет, он оставил у нас икону Троицы. Так в нашем доме появилась первая икона.

Жизнь многообразием и проблемами заставила искать ответы на многие вопросы. Появились книги по психологии, истории религий (христианства, буддизма, ислама). Но до веры было ещё очень далеко. Горе, болезни, смерть мамы перемололи моё сознание, разобрали мою душу на частички. И когда показалось, что уже нет спасения, моя душа раскрылась навстречу Богу. Всё стало ясным, спокойным и радостным.

Серёжин роман «Библиотекарь» – словно тихий голос из прошлого, наконец-то долетел не только до моих ушей, но и дошёл до сердца. Много бы я сейчас задала ему вопросов. Но жизнь не оставила такой возможности. Теперь искать ответы на все вопросы придётся самой. Но мысли, которые Сергей пытался донести до нас в романе, его стройная картина Мира, будут освещать путь. Как маячок для всех, кто ищет дорогу к Богу.»

Спасибо, Наташа. Некоторые мысли и чувства так созвучны, что еле удержался от комментариев! А теперь вижу: хорошо, что удержался. Это было бы, как встретить непрошеному третьему в душевную беседу двоих. Поверь, он всё слышит и очень благодарен за каждое тёплое слово.

Отзыв Татьяны Игоревны Исаковой:

«Судьба свела меня с Сергеем Сергеевичем, когда я была уже взрослым человеком. И как же мне жаль, что он не был моим учителем в детстве. Читая его книгу, я заранее боялась тех мест, где описываются физические законы. Физику я никогда особо хорошо не понимала. И с каким удивлением открывала для себя серьёзные вещи, описанные в романе так просто и ясно.

Какую красоту и гармонию во всём видел он и показал читателю! Такие образы подбирал, что многое станет ясно даже ребёнку. Как же я понимаю теперь учеников, с восторгом отзывающихся о Сергее Сергеевиче.

И ещё раз: как жаль, что и мне не посчастливилось быть его ученицей. Читая его книгу, ломаешь многие устоявшиеся представления о мироустрой-

стве, законах Вселенной, понятиях добра и зла.

По-новому видишь жизнь и смерть, честь и предательство, предназначение человека и смысл жизни.

И всё время как будто беседуешь с автором, слышишь его голос, ощущаешь рядом с собой. И так многое ясно и понятно становится! И в то же время возникают вопросы. Множество вопросов! Которые уже не задать...»

Спасибо, Таня. А вот с последним утверждением, как православный оптимист, позволю себе не согласиться! Невозможность задавать вопросы Серёже напрямую – временное затруднение в общении с ним. Стадиальное в духовном развитии. Поверь пожилому человеку: ещё пообщаешься с Сергеем и получишь исчерпывающие ответы на все вопросы. Так что смотрим вперёд, как он и завещал, с упованием, чаяньем, надеждой!

Профессиональные философы обратят внимание на классическое именно для философских работ начало романа. Он начинается с критики. С критики всё ещё всесильной в мировой философии идеологии материализма. С критики его разбитого и сошедшего с исторической сцены воинствующего авангарда – марксизма-ленинизма.

Назвав первую главу «Ошибка Ленина» и научно обосновав это утверждение, Сергей с «порога» дистанцируется от материалистического мировоззрения. Есть ли в этом громком названии желание эпатировать и захватить внимание читателя? Нет. Если это и получилось, то попутно и непреднамеренно. Будь у Сергея такое желание, уж он бы нашёл «громкое» название и для всего романа.

Да и в первой главе-завязке, просто обязанной по законам жанра создать интригу и напряжённость, дискуссия героев с доцентом Одиноким завязывается не столько вокруг ошибочности утверждения Ленина о бесконечности движения в познании микромира в глубину, сколько вокруг спора о проблеме истинной элементарности. С большим риском того, что тоже с «порога» отсеется та значительная часть читателей, кто, оторвав глаза от строк, не сможет сформулировать, о чём и зачем идёт речь.

А этот вопрос только на первый и поверхностный взгляд может показаться малосущественным научным и философским казусом на фоне огромного ряда идеологических и мировоззренческих вопросов. На самом деле он один из краеугольных в идеалистическом мировоззрении. По мнению материалистов, вселенная бесконечна в пространстве и во времени в любых направлениях. В том числе и в углублении в микромир. А затруднения в этом движении – вопрос времени и техники.

А если вдруг выяснится, что есть первокирпичик вселенной, то тут же возникает вопрос: а откуда он взялся? А затем ещё ряд вопросов: как появился и зачем? Вплоть до того главного уже для идеализма: а нет ли здесь доказательства наличия Творца?

Эти вопросы на протяжении всего повествования Сергей развивает, обосновывает и дополняет в мировоззрении главного героя Николая Горькова до стройной непротиворечивой с научной точки зрения метафизической картины расширяющейся многомерной Вселенной. Попутно ненавязчиво пропагандирует он тактически правильный научный подход к сложным мировоззренческим вопросам: поиск критериев истинности.

И всё время как будто беседуешь с автором, слышишь его голос, ощущаешь рядом с собой. И так многое ясно и понятно становится!

Невозможность задавать вопросы Серёже напрямую – временное затруднение в общении с ним.

По мнению материалистов, вселенная бесконечна в пространстве и во времени в любых направлениях.

В случае с элементарностью частиц таким критерием в науке общепризнанно считается упругое рассеяние и закон сохранения импульса.

Сергей сознательно с первых слов противостоит материалистическому мировоззрению

В случае с элементарностью частиц таким критерием в науке общепризнанно считается упругое рассеяние и закон сохранения импульса. Помня, что это не научная статья, а художественное произведение, Сергей эти сложные для далёкого от физики читателя объясняет, что называется «на пальцах». На примере удара кулаком по боксёрской груше.

В четвёртой главе критика основ марксизма-ленинизма в лице Гегеля продолжается не по инерции, в силу необходимости сюжета, а потому, что Сергей видел и хотел показать слабости и недочёты в трудах философов, ставших опорой научного коммунизма – диалектического материализма. (Как забавно звучат в наше время эти казавшиеся железобетонно убедительными словосочетания)...

Впрочем, первые главы неплохо выполняют и роль завязки интриги в фабуле романа. Дело в том, что заниматься критикой марксизма-ленинизма в начале восьмидесятых годов двадцатого века, во времена ещё всесилья КПСС и её идеологических и репрессивных доктрин и институтов было делом опасным.

Естественно, критика Ленина, мессии коммунизма, не могла пройти мимо внимания куратора университета от «компетентных органов». Так в романе появляется зловещая тень майора Овсиенко. Несмотря на все демократические веяния, вполне в его власти было не только с треском выставить ребят за стены университета, но даже и сфабриковать политическое уголовное дело с наказанием в виде лишения свободы. То есть сломать и исковеркать их судьбу в той системе почти неисправимо. Времена Андропова в этом смысле были ренессансом времён Сталина. Разве что высшую меру

практиковать уже стеснялись. Зато была придумана и безотказно работала на верхушку КПСС система «лечения» диссидентов от «психических расстройств»...

И вот тут на сцене действия появляется ещё одна и, пожалуй, центральная линия романа – мистическая. Многие со мной не согласятся, да и сам Серёжа характеризует свой роман, как «философско-художественный с элементами физики и мистики». Но я попробую обосновать, что в сложной полифонии романа мистическая мелодия является доминантой.

Для этого вернёмся ещё раз к названию романа. «Библиотекарь». У многих читателей наверняка возникнет вопрос: зачем Сергею, популяризирующему с помощью титанического и, как судьба распорядилась, итогового романа свои находки в философии, метафизике и физике понадобилось вводить в такой серьёзный труд элементы мистические, почти сказочные?

Возвращаемся к началу: Сергей сознательно с первых слов противостоит материалистическому мировоззрению и неуклонно ведёт сюжет романа и его героев по мистически-провиденческому руслу развития событий.

Вот как Юра впервые заочно знакомит Николая с Библиотекарем и какую даёт ему характеристику:

«Докопался я до Михеича: расскажи мне про Соловьёва. И тут меня Михеич снова удивил. Он говорит: «Вижу, что тебя поразила ясность и логичность его философских работ, но для меня главное в нём то, что он был мистик!» «Это как, – спрашиваю, – он что, совмещал шарлатанство с философией?» Помню, как Михеич на меня посмотрел, ну,

бы это сказать? Как на щенка!... Вот он маленький, хорошенький, но глупенький!... «

Фигура самого Степана Михеевича, Библиотекаря, мистична от начала романа и до конца. Причём, по нарастающей, со всё более «сказочными» подробностями. И потому противостояние Михеич – КГБ Сергей сразу и без предисловий выводит на уровень противостояния тёмных и светлых сил Святой Руси. Для себя в вопросе их существования и непримиримой борьбы Сергей определился бесповоротно и бескомпромиссно задолго до написания романа. Поэтому в романе нет и намёка на попытку понравиться всем читателям. Вход, что называется, свободный, но выход для материалистов ещё свободнее. Им читать этот роман противопоказано: может поколебаться догматика материалистических убеждений!

Но и с Русской Православной церковью, на первый взгляд, у Библиотекаря отношения не простые и не однозначные. Михеич (как и сам автор всю сознательную жизнь) исповедует и всеми доступными способами пропагандирует идеологию Розы Мира, изложенную в одноимённой книге Даниила Андреева. Вот мы дошли и до сверхзадачи романа: показать и доказать, что все противоречия между учением Андреева и РПЦ – это внутрисемейные стадийные и мнимые недоразумения, разрешимые при взаимном желании и терпении. Что Сергей и показал на примере всё более миролюбивых и взаимодополняющих дискуссий иерарха РПЦ отца Пахомия и миссионера Руси Небесной Библиотекаря.

Открою секрет наших личных с Серёжей бесед: он ставил перед собой ещё одну сверхзадачу. Он хотел в лице отца Пахомия показать пути движения

идеологии РПЦ в направлении с требованиями времени и долга. В направлении духовного лидерства в деле просветления и объединения в лоне Вселенской Христианской Церкви всей планеты. Сергей хорошо понимал, что вопрос этот суперсложный. И потому коснулся его в романе (в отличие от его полемических философских статей) очень осторожно и деликатно. Но в то же время без компромисса в ключевом разногласии Православия и Розы Мира – в вопросе сущности Троицы. В этом вопросе он был непоколебим и нетерпим даже в устных наших дискуссиях.

Фигура отца Пахомия, трагическая в период жизни до знакомства с Михеичем, одна из наиболее динамичных в развитии и изменении мировоззрения. Врач-психиатр, сам временно потерявший рассудок, приходит к твёрдой вере в Бога, выздоравливает и становится православным священником. Но мало этого, общаясь с Библиотекарем, он продолжает расширять кругозор и проходит путь от полного неприятия «Розы Мира», книги, написанной «впавшим в прелесть» философом, до критического осмысления и частичного принятия истин, пропагандируемых Даниилом Андреевым.

Параллельно этому идут дискуссии двух мистиков-богословов о загадках земной миссии Христа. В Сергее-писателе опять прорывается проповедник и неукротимое желание проповеди учения Розы Мира, визионером которой он был и остался до последнего дыхания!

Роман очень автобиографичен. Настолько, что некоторые герои носят подлинные имена своих прототипов. А их судьбы в произведении – сложное переплетение реальных судеб и событий, при-

Для себя в вопросе их существования и непримиримой борьбы Сергей определился бесповоротно и бескомпромиссно задолго до написания романа.

Но и с Русской Православной церковью, на первый взгляд, у Библиотекаря отношения не простые и не однозначные.

Вот мы дошли и до сверхзадачи романа: показать и доказать, что все противоречия между учением Андреева и РПЦ – это внутрисемейные стадийные и мнимые недоразумения

Он хотел в лице отца Пахомия показать пути движения идеологии РПЦ в направлении с требованиями времени и долга. В направлении духовного лидерства в деле просветления и объединения в лоне Вселенской Христианской Церкви всей планеты.

Моя версия – это мысленная проекция в будущее собственной судьбы.

Многомерность пространства и времени! Область плотного соприкосновения и пересечения интересов современных науки и религии.

В конце романа Николай на семинаре рисует стройную картину расширения нашей трёхмерной вселенной в четырёхмерной с объяснением этим многих физических законов.

думанных Сергеем под давлением фабулы романа. А она, в свою очередь, сознательно и подсознательно, была художественной компиляцией его огромного багажа предыдущего философского и научного творчества.

Но если роман автобиографичен и биографичен, встаёт интересный вопрос: а кто в реальной жизни является прототипом Степана Михеевича, Библиотекаря? В окружении Сергея, это я знаю точно, такой фигуры не было. Хотя бы и потому, что такой фигуры нет в современном мире. «Шила в мешке не утаишь», и появишься праведник такой силы, его бы знала вся Россия.

Моя версия – это мысленная проекция в будущее собственной судьбы. Сергей чувствовал свой необыкновенный потенциал и постепенно шёл к реализации и его мистической составляющей. Пример великого Тёзки всегда был перед его мысленным взором...

Среди многочисленных линий романа невозможно не заинтересоваться, а то и полюбить за стройность и продуманность линию вызревания в сознании Николая убеждения в наличии иерархической лестницы миров во Вселенной. Многомерность пространства и времени! Область плотного соприкосновения и пересечения интересов современных науки и религии. И пусть в реальности до идиллии в их отношениях ещё очень далеко, внутри Серёжиного сознания и внутри сознания его Литературного Героя научное видение и понимание многомерности Вселенной органично превращается в религиозное представление о том же. Вернее так: о Том же! В конце романа Николай на семинаре рисует

стройную картину расширения нашей трёхмерной вселенной в четырёхмерной с объяснением этим многих физических законов.

Особое место в романе занимает образ главной героини – Глаши. Не скрою, что первая моя реакция даже на это имя была негативной. Ну кто в наше время назовёт своё дитя Глафирой? Почему некоторые слова, и имена в том числе, становятся старославянизмами и выходят из употребления? «Тайна сия велика есть!» Но сколько мы ни спорили, Сергей настоял на своём, и Глаша осталась Глашей.

Нам обоим был бесконечно дорог образ Татьяны Лариной. Как пойманный Александром Сергеевичем и зафиксированный Даниилом Андреевым отблеск в живом человеке Мировой Женственности. И наша Глаша, естественно, должна была явить собой Татьяну Ларину нашего времени. И Серёжа нашёл достоверный ход в создании такого образа. Обычная девочка из староверческой семьи. Скромная, симпатичная, доверчивая и любознательная, каких много и в обычных семьях. Но при этом «старомодная» и твёрдая, как и всё наше староверчество, в вопросах веры в Бога и морали.

Но при всём том Глаша – не одна из сестёр Лыковых. На её воспитание, как и большинства детей Колмогорова, активное и решающее влияние оказал таинственный Библиотекарь. Вплоть до того, что хорошо развил и поставил её замечательный от природы голос.

У Николая взгляды на мир и допустимое в лёгком флирте гораздо «современнее». Влюбившись в Глашу и даже твёрдо решив связать с нею жизнь, он позволил Милане сесть ему на колени и начать

целоваться «взасос». Сергей пытается немного реабилитировать своего героя тем, что он пытался оторвать от себя Милану, но она оказалась «неожиданно сильной». Бывает только, скорее так: при таком поцелуе сам оказываешься неожиданно слабым.

Результатом этой слабости стала разлука, отъезд Николая в Америку, выход Глаши замуж за нелюбимого человека по староверческим обычаям, рождение и воспитание двоих детей. И второй шанс, даруемый судьбой (или автором?) на слияние уже не только и не столько телами, сколько душами. Собственно, логичная и заслуженная награда за праведный образ жизни главной героини и её нерастраченную любовь. Но и повзрослевший Николай – уже не тот самолюбивый до доли нарциссизма гений, а зрелый духом и достойный её любви мужчина.

И именно перу Глаши, любимой героине, Сергей доверил своё горячо любимое творение: «Сказки равви Гелеба». Серёжино видение трагедии в Палестине двухтысячелетней давности. А по логике строения романа – развязка дискуссий о тайнах Миссии.

И эта линия романа, без преувеличения, ставит его в один ряд с лучшими произведениями христианской литературы и литературы о Христе.

Сила Сергея и его романа в том, что он не только верил в то, что пытается внушить читателю, но и сам жил по этому убеждению. Кому-то после прочтения станет досадно, что уже нельзя дискутировать с автором. Можно! Но для этого надо длинной праведною жизнью открыть у себя органы духовного общения. Удачи в этом и приятного чтения!

И эта линия романа, без преувеличения, ставит его в один ряд с лучшими произведениями христианской литературы и литературы о Христе.

В этом приложении я решил собрать все доступные мне поэтические отклики на произведения и посвящения Сергею. Их не очень много, увы. Но, возможно, эта поэтическая часть повести разбудит поэтов и ещё вырастет! Очень надеюсь на это.

Поэтическое приложение к повести

РЕКВИЕМ

Светлой памяти Сергея Брисюка.

Ушёл в Мир Иной очень хороший человек! Так как ушёл поэт, остальное стихами...

Юрий Бычков-Закирзянов:

*Зима остужает горячие души.
Она подрезает широкие крылья,
Мечты и надежды в сознании рушит,
И зря пропадают все наши усилья.*

*Мелькают из жизни былые сюжеты,
Она быстротечна и срок её мал.
Он тьму ненавидел и пел гимны свету,
И вечную Истину в Боге искал.*

*Но кто-то там свыше отмерил иное,
По небу кометою путь оборвал.
Кому-то здесь будет безмерное горе,
Ему за порогом – начало начал!*

*Ушёл незаметно... Остались нам строки
Написанных сердцем стихов и поэм.
О, как же бывают порою жестоки
Минуты восторга с забвеньем затем...*

*И вот он уходит в Небесное Царство,
Закончив земные благие дела,
Прощая нам глупость, неверье, коварство.
Прощает с любовью, что в сердце жила...*

Илья Цейтлин:

УТЕШЕНИЕ

*Я бьюсь в распахнутую дверь,
Как обезумевшая муха.
Неизлечим недуг потерь,
Безжалостно крадёт у духа
Опору, целостность и свет
Сосуд разбит, а что же дальше?
В глазах вопрос, ответа нет,
ведь дух не допускает фальши.*

Слукавить можно на виду,
Ночь наизнанку с потрохами.
Не сочинили на беду
Лекарства. Память со стихами
подставит плечи тихих слёз,
порой слеза не прегрешенье.
Почти что наповал, вразнос,
но утешенье, утешенье...

Николай Бондарев:

«Ещё не Осень»? А зимы не будет:
Не захотел ты с нами зимовать...
Сутулые, спешат извечно люди.
Ты не спешишь. Открыв твою тетрадь

Слов сочетания перебираю:
Вся жизнь в трёх сотнях искренних стихов.
Приходишь, улыбаясь, житель рая,
И говоришь: “Ты тоже будь готов!»...

Андрей Куликов (Дрюнь Куул):
Уходят в осень, чуть прикрыв калитку,
Свечу оставив на своём столе,
Что плещет воском в пламенном избытке.
Пыль чудных слов витает в ноябре!...

Разносят ветры вести по дорогам,
Несут в котомках наши дневники,
Где откровений строки не для Бога,
А просто так, обычные стихи...

Когда в чернильных пятнах наши руки

Обнимут мир, и выдохнет душа,
На волю отпустив страданий муки...
Она и без страданий хороша!

Улыбчива, легка, но эфемерна,
Немного не от сущего всего,
И тишина распластана по венам!
И мимоходом времечко прошло...

Следы на первом и не первом снеге
Ведут туда, где милостив закат,
Где думы наши бредят о ночлеге.
Куда идёт мой друг, сосед и брат...

Каких бы слов сейчас не написали,
Каких бы чувств не выплеснули мы,
Нам пережить придётся все печали,
Чтоб не завяли в сырости умы.

Я от души все души отпускаю!
Когда-нибудь настанет мой черёд
Снежинкой серебристой в ночи таинств
Открыть калитку и шагнуть в полёт...

Николай Бодров:

Откровений строки не для Бога -
Просто так, обычные стихи.
Кто-то даже после некролога
Оставляет в памяти штрихи.

И не столько даже смыслом строчек.
Вспоминая – противостоим.

Припорхнул за рифмой ангелочек
Бывший рядом. Или бывший им...

Вера Балясная:

На ПМЖ в просторы Неба ушёл Поэт,
Стихи остались, и в каждом сердце
оставил след...
Без подготовки душа взлетела
и вознеслась.
Теперь глазами средь звёзд мы будем
его искать...

Свечу зажгите и помяните
его со мной,
Запечатлите, чтоб жило ИМЯ,
даря покой...

Дмитрий Мальяни:

Как это всё неправильно, нелепо.
И в тишине со звоном рвётся нить.
Уходим мы, а вслед смеётся небо,
Отняв надежду что-то изменить.

Юрий Бычков-Закирзянов

Он был нам больше, чем товарищ,
Он был учитель нам с тобой.
А мы в пылу былых ристалищ,
С ним часто спорили порой.

А он был прав во всём и всюду.
Он был умней нас во сто крат.
Он мог простить даже Иуду,
И был нам словно старший брат.

Мы это не всегда ценили.
И в повседневной суете
На встречи реже приходили,
Предпочитая жизнь мечте.

А он был сам мечтой отрадной,
Подарком истинным Небес.
И как же мне порой досадно,
Что я не видел тех чудес.

Николай Бодров (Памяти Сергея Брисюка)

Небо выцвело до серого
Было ж чуть не инфракрасное.
И меня остолбенелого
Учит впитывать прекрасное.
Наверху своя эстетика,
Столь богатая оттенками.
Спишь... Пижамная синтетика
Упирается коленками.
Снятся кони не по графику.
Ветер. Сбитое дыхание.
Но тому, кто любит графику
Ни к чему соревнование.
В твердь подножную не веруя,
Видишь хляби, что колышутся.
Небо выцвело до Серого.
И знакомый голос слышится.

ПИСЬМО

*Николай Бондарев.
Судьба свела и вроде развела,
Но чувствую: я просто чуть отстал.
Нужнее Там высокие дела,
И Там должны вещать твои уста.*

*Здесь очень узок круг таких друзей,
Кто может до конца тебя понять.
А экспонатом в собственный музей
Ты встать не мог, таким нельзя стоять.*

*И ты ушёл, чтоб вечно рядом быть,
Подсказывать искомое во сне
И помогать к Руси Небесной плыть
По мощно набегающей волне*

*Твоих учений, писем и стихов.
Уже не страшно, что вдруг утону:
Ты, Друг, вошёл в созвездие богов!
И я с самим собой веду войну*

*За то, чтобы достойным рядом встать.
С волнением беру твою тетрадь...*

Вот пока и всё. Но почему-то почти уверен, что
здесь ключевое слово: пока!))

* * *

Бондарев Николай
Сергей
Посвящение
лучшему другу

Я сидел с бойцами у костра и снимал про-бу предстоящего обеда. Повар, терпеливо переминавшийся с ноги на ногу рядом, перевёл взгляд на кого-то за моей спиной, и его озабоченная, но лукавая физиономия вдруг неуместно расплылась в широкой радушной улыбке.

– Ты чего лыбышься, Матвеев? Кто тебя учил рис так разваривать? И соли мало.

– «Недосол на столе», товарищ полковник, – дерзко ответил мой кашевар, но тут же оправдался: – Вы сами приказали соль экономить. Кому-то недосол, а кому-то и нормально. Здравствуйте, Сергей Сергеевич!

Сергей, видимо, материализовался за ближайшими от нашей поляны деревьями, поэтому ни электроника, ни часовые его не засекли. Он подошёл к костру, и мы обнялись. Я сначала осторожно, но он стиснул меня до хруста костей, и я ответил тем же.

– Привет, партизаны! Вам поклон и огромная благодарность за мужество и смекалку от руководства! А ты, Николай, мне очень нужен для дела.

– Пообедаешь с нами? Или тебе это не требуется?

– Требуется. Это почти обычное физическое тело. И кушать тоже хочет!

– Слыхал, Матвеев? Порцию гостю. Бегом!

– Есть! Эй, братва, подходи по одному. Руки помыть не забудьте! В грязные не выдаём.

– Зачем я тебе, – тихонько спросил я Сергея, пока вокруг царило какое-то празднично-обеденное оживление.

Почти все мои хорошо знали, кто к нам пожаловал и Откуда. И это, действительно, был праздник!

– Мне надо в Город. Там есть дело, с завершением которого я без тебя не справлюсь. Такая вот, брат, задачка.

– В Город?!? Тебе-то не страшно, а для меня это же, Серёжа, равносильно самоубийству. Три линии обороны и внутри патрули на каждом шагу. Или ты сделаешь и меня невидимкой?

– Не бойся, Коля, всё будет хорошо. Ты мне веришь?

– Верю, конечно. Но, всё-равно, страшно. Ночью пойдём?

– Нет, сейчас. Вот поедим и отправимся.

Ел Сергей с аппетитом, но съел, как я заметил, чуть больше котёнка. «Повара обижать не хотел» – понял я.

Сергей улыбнулся и подмигнул. Ещё и мысли читает...

– Сергей Сергеевич, а расскажите, пожалуйста, про Новый Иерусалим! – попросил один из молодых сталкеров.

Наша перевалочная база была расположена в глухом лесу примерно посередине между Миасом и Верхотурьем. Новости с Севера нас, конечно, тоже достигали, но в скупых пересказах побывавших там ребят. А те, кто работал на западном, смертельно опасном направлении, иногда не в курсе последних событий были месяцами.

А тут такая встреча! Информация не от слышавших слухи, а из самых первых рук! Я заметил, что ребята как бы нечаянно пытаются прикоснуться к Сергею. И хорошо их понимал. Не каждый день пока приходится встречаться с тем, чьё обычное физическое тело лежит на кладбище под его родным Курганом.

Я сейчас не из Иерусалима, а из Аримойи. Но про Иерусалим тоже могу рассказать. Чтобы не читать лекцию, вы задавайте мне вопросы, а я отвечу.

– Почему он впускает только праведников? И почему снаряды и ракеты, даже с таймером, возвращаются туда, откуда прилетели?

– Тут, Виктор, физически разные вещи. Давай по порядку. Насчёт прохода. Мы говорим просто: «Грехи не пускают». И так оно и есть! Иерусалим,

как и все другие «Зоны», это сопряжение на входе трёхмерного пространства с четырёхмерным. В духовном плане четырёхмерный мир иерархически выше трёхмерного. Есть так называемая предельная частота осцилляции материальных частиц. У четырёхмерного мира она выше. И это, так уж получилось, для душ с низкими, греховными вибрациями является непреодолимым препятствием. И излишне настойчивая попытка преодолеть или обмануть этот барьер смертельно опасна. Понятно?

– Да! Спасибо большое! А как даже пули обратно в ствол Там возвращаются?

– Тут физика чуть сложнее и магичнее. Работает маркер агрессией принявшего решение и специальные поля. И даже фокусы со временем иногда производятся. В особо сложных случаях. В Иерусалиме есть, конечно, тоже своя Служба безопасности и Диспетчерский центр. И они отслеживают акт агрессии с момента зарождения его в какой-нибудь отпето-тёмной голове. Ну и дальше, как говорится, дело техники! «Кто к нам с мечом придёт...» – Сергей улыбнулся, а ребята оживлённо начали обсуждать услышанное.

– Сергей Сергеевич, а ещё вопрос: когда Второе пришествие будет?

– Скоро, дорогие мои. Потерпите до зимы. Открою секрет: её в этом году не будет! Точнее, увы, вам не скажет никто.

– Супер! А мы-то валенки подшиваем!

– Подшивайте. Они и в ноябре могут пригодиться. Но зимовать уже не придётся никому и никогда! На всей Земле, как в Зонах, будет вечное лето.

– Здорово!

– Ладно, разойтись по постам! Политзанятие и обед окончены.

Я встал и потянулся. Сергей тоже встал. Вернул повару стакан с недопитым компотом. Ребята пропустили мимо ушей мой приказ и обступили его. Я кивнул ему и ушёл в свою землянку собираться. Вывел из укрытия и завёл большой боевой роллер.

Позвал Серёжу.

Он подошёл и отрицательно покачал головой:

– Так не пойдёт. Обвешался оружием, как ёлка игрушками.

– Так ведь прорываться придётся! А в таком снаряжении меня только армия остановит! Уж каннибалов-то точно сотню покрошу в винегрет.

– Возьмёшь только роллер и «Сороку». Да и ту только для разведки.

– Серёжа, это же, как голым задом на ежа! Я не трус, но и не самоубийца.

– Доверься мне. Всё будет хорошо. А своей пальбой ты, наоборот, только всё мне испортишь. Поехали!

– Ладно, поехали. Но, если убьют, на рагу меня не отдавай. Лучше дематериализуй как-нибудь.

Сергей с улыбкой укоризненно покачал головой и сел на заднее сидение оператора. Сноровисто подключил пульт «Сороки» к бортовому компьютеру роллера, поднял птицу и послал её вперёд и вверх. На высоту, недоступную для прицельного огня стрелкового оружия.

В нашем лесу всё было спокойно, дорога сухая и относительно ровная, и мы семь километров до трассы одолели за десять минут.

* * *

Приключения начались сразу же за нашей зоной контроля. По трассе спокойно проехать не удалось и трёхсот метров. На её полотне, чуть дальше того места, где мы уже пару раз ликвидировали засаду, снова был сделан завал. «Сорока» крупным планом показала непреодолимую баррикаду из брёвен и камней. Объехать её по обочинам тоже не было никакой возможности. Трасса в этом месте была прорублена в скале, и её крутые края уходили почти отвесно высоко вверх. Каннибалов на экране видно не было, но их пещера наверняка была где-нибудь неподалёку.

– Есть объезд, – сказал я Серёже, – Но крюк большой и дорога ужасная.

– Подъезжай вплотную. Только медленно и бесшумно.

Я переключил роллер на питание от батареи и подкатил ближе к баррикаде. Слез и хотел уже проделывать проход, но увидел растяжку.

– Это ловушка, – остановил меня за локоть и Сергей, – Смотри!

Он показал на верх правой скалы. Там брёвна и камни были сложены так, чтобы при малейшем сотрясении рухнуть на дорогу.

– Толково задумано. У Прокурора явно появились мины и грамотный подрывник. Это плохо. Придётся опять делать воспитательный рейд. И что ему неймётся никак?

– Хочет и вам, и своим показать, что он тут полный хозяин. А чем больше убьёте, тем ему меньше заботы с едой для остальных.

– Это понятно. Придётся ликвидировать эту шайку под корень. Но это будет непросто. На широкую облаву у нас сил не хватит, а при узком охвате из дальних пещер разбегутся они по всей тайге.

– Не надо никаких рейдов. Это уже не имеет большого значения.

– А сейчас что будем делать? Я с минами давненько дела не имел. Попробуем левую обочину расчистить?

– Запросто! – улыбнулся Сергей и сделал поднимающий жест руками.

Камни и брёвна не заминированной левой обочины дороги поднялись в воздух и уплыли направо за завал. Проход получился более чем достаточный. Мы сели и поехали по нему. Когда проехали, Сергей вернул на место часть камней и брёвен. Но расположил их так, чтобы можно было легко раздвинуть руками.

– Ничего, проедешь, – удовлетворённо сказал он сам себе и улыбнулся. – Вперёд! На обратном пути подорвать эту гадость не забудь, когда проедешь. Шнур в Городе найдём.

– Серёж, а чего мы тащимся по дороге? – осенило меня, очень впечатлённого его фокусом

с антигравитацией. – Подними нас в воздух и телепортируй в Город!

– Умный, да?

– А чё, слабо?

– Ты меня на «слабо» не бери, хитрец. Не слабо! Но мы должны посмотреть и продумать путь твоего отхода из Города без меня.

– А что же ты мне оружие-то запретил взять?

– Коля, тебе пора прекращать воевать. Тебе пора в Иерусалим! Разве не хочешь?

– Очень хочу! Но кто будет базой командовать? Паломников в Верхотурье переправлять? Да и вообще. Ты же сказал, что к зиме всё кончится...

– Друг мой, не обманывай сам себя. Алёна тебя держит, а не база. С базой почти любой из твоих орлов управится. Я не осуждаю. Я понимаю, какой это почти непреодолимый соблазн. И знаю, что ты из санчасти каждый раз идёшь в храм и горячо молишься. Но вот если бы сразу в храм... Но для этого тебе надо оставить девушку в покое и перебраться в Верхотурье, в монастырь.

– Надо, Серёжа?

– Надо, Коля! И для спасения её души тоже. Иначе она погибнет. И я не смогу помочь. А губить такую необыкновенную, небесную и физическую красоту очень жаль. Думай, полковник!

– А чего тут думать. Надо, значит надо! Спасибо, что предупредил.

– Спасибо, что услышал! Эти разговоры – самое тяжёлое для нас...

За этим сложным, нервным разговором я не заметил, как разогнал роллер почти до ста пятидесяти километров в час. А когда глянул на спидометр, поразился тому, как плавно идёт машина по разбитой дороге, а свист рассекаемого лобовым стеклом воздуха не мешает говорить. Но только я подумал об этом, как ветер засвистел и нас стало заметно потряхивать на выбоинах. Сергей улыбнулся. Я понял, что это был опять один из его фокусов.

На пульте запищал сигнал разрядки батареи бедной «Сороки», вынужденной лететь впереди нас с предельной для себя скоростью. Я остановился, и Сергей посадил её. Подключил к подзарядке, и мы тихонько поехали дальше.

Навстречу показался небольшой караван из пикапов, грузовиков и запряжённых лошаадьми повозок. С переднего пикапа тут же ударила над головой предупредительная короткая пулемётная очередь. Пришлось притормозить и скатиться в придорожную канаву.

– Эй, крестьяне! Кончайте зря патроны тратить! Мы – сталкеры! – крикнул я во всё горло в сторону остановившейся колонны.

– Подойдите с поднятыми руками! – гаркнул мне мощный бас в ответ.

Было немного досадно сдаваться крестьянам, но Сергей уже поднял руки и ушёл вперёд. Я свои не стал поднимать из принципа, завёл роллер и тихонько поехал за ним. Остановился возле оживлённо беседовавших сельских тружеников, увешанных самым разнообразным оружием: от мелкашек и дробовиков до новейших карабинов.

На пикапе гордо красовался на турели «Печенег». Да, удивителен русский человек. Жутко изменилась обстановка, но он не скис, а приспособился к ней. И вот живет, трудится, торгует уже с иноземцами, и даже с фашистами. А от мародёров научился обороняться не многим хуже профессиональных военных.

Быстро перезнакомились с мужиками, и завязался разговор за жизнь. Верховодил у мужиков здоровенный, относительно молодой двухметровый детина с классической кудрявой русой бородой. Ещё и представился Алексеем.

– Как там в Городе обстановка? – спросил я, с удовольствием затягиваясь их деревенским самосадом.

– Так кто же нас в Город-то пустит! Да и чё мы в нём забыли? Нас дальше ЭКСПО не пускают. А нам и не надо. Они туда натащили всё, что могут нам предложить.

– А не боитесь, что могут просто всё конфисковать? А то и убить?

– Да не... Они дурни, конечно, шпана обкуренная, но жрать-то все хотят. А их Мессия своих ставленников последнее время поставками не очень балует. Оружием заваливает, а жратвой не очень. Так что интерес с их стороны даже больший, чем с нашей.

– А вам-то зачем рисковать?

– Смотри, – Алексей откинул брезент на ближайшей телеге. Она была завалена инструментом и электронной техникой.

– Понятно. А как вы азиатские кордоны проходите?

– Да так же! Мешок картохи, ржи или пшеницы с хозяина, и они разовый пропуск выдают. И тоже бартер предлагают. Часы, бинокли, аппаратуру, велосипеды, самокаты. Если офицеров рядом нет, то и оружие! А вам продукты нужны?

– Пока нет. Ладно, труженики полей, бывайте. Удачи вам.

– И вам! Имейте ввиду, открытые и безлюдные с виду места густо заминированы и всё простреливается роботами.

– Спасибо, – кисло поблагодарил я мужиков и крепко пожал протянутые для прощания руки.

* * *

Защитная безлесая полоса вокруг Города, с моего последнего его посещения два года назад, значительно расширилась. До войны деревья подходили почти вплотную к крайним частным домам. А сейчас до их обгорелых руин было километра три. Метрах в пятистах справа от шоссе зияла гигантская воронка с зеркально-чёрными стенами. Понятно от чего. Счётчик Гейгера здесь сейчас бы зашкалило. Огромная площадь вокруг воронки была покрыта слоем пепла. Лишь у самого леса с этой стороны дороги робко пробивались к свету трава и чахлые кусты.

– Роллер придётся оставить здесь, – к чему-то прислушавшись минуты две, сказал Сергей и по-

казал рукой на кучу валежника на опушке. – Место приметное, на обратном пути легко его найдёшь.

– Ох, что-то беспокойно, Серёжа, у меня на душе. Печёнкой неприятности чую!

– Спокойно. Ты же убедился уже, что со мной тебе ничего не грозит. Ну, или почти ничего. Если что, не стесняйся и держись за моей спиной. В данной ситуации это нисколько не зазорно. Вот сейчас, например...

Как я и ожидал, в двухстах метрах от леса нас ждала засада мародёров. Они вышли на дорогу и перед нами, и позади нас. У одного был автомат, ещё у одного пистолет, у других холодное оружие. Я последовал совету Сергея и без стеснения встал за его спиной на одной линии с автоматчиком. На добрых (в кавычках) рожах работников ножа и топора играли плотоядные улыбки. Они видели, что мы без оружия, и оценивали нас уже с чисто кулинарной точки зрения. И моя выше средней масса их явно приятно волновала. Эх, всего-то одной гранаты и верного «Кедра» хватило бы мне на эту шайку за глаза! Я чуть не застонал от бессилия и досады.

Автоматчик тем временем передёрнул затвор и направил ствол Сергею в живот. И вдруг начал растерянно озираться:

– А где?... Куда делись?

Сергей крепко, как маленького, взял меня за руку и быстро повёл вперёд. Когда мы обходили автоматчика, я не удержался и чувствительно щёлкнул его по носу. Нервы у того, видимо, были на пределе, и он полоснул длинной очередью по тому

месту, где мы только что стояли. И срезал двоих своих. Двое успели упасть и откатиться в канаву, и оттуда понёлся отборнейший многоэтажный мат.

Сергей укоризненно покачал головой и выпустил мою руку. До окопов азиатов дошли без приключений. Я был уверен, что мы всё ещё невидимы и шагал вперёд с беззаботностью дачника на прогулке. И вдруг нас остановил весёлый окрик:

– Эй, самоубийцы! Стойте-ка на месте!

Откуда-то из под земли выскочил и подошёл к нам широколицый и узкоглазый, как и положено азиату, боец, но говорящий по-русски без малейшего акцента.

– Он из наших бурят, – тихонько сказал мне Сергей и громко обратился к нему:

– Привет, Баатар! Как служится?

– Спасибо, хорошо! А как Вы узнали моё имя? От Игоря? Вы тоже сталкеры?

Сергей ответил парню длинной речью на его родном языке. Наблюдать за лицом Баатара при этом было одно удовольствие! Изумление на нём сменилось радостью, потом восхищением, потом благоговением. И кончилось тем, что парень вдруг бухнулся перед Серёжей на колени и ткнулся крепким лбом в землю. Сергей тут же обхватил и поднял его.

– Не надо, Баатар. Я этого не люблю. Веди-ка ты нас лучше к своему генералу.

Баатар ещё раз поклонился и повёл. Метрах в ста в сторону Города от его окопчика, в глубоком овраге оказалась под неприметным сверху бетонным

козырьком массивная бронированная дверь. Баатар что-то доложил, глядя в глазок камеры слева вверху над входом, ему ответили, запели электромоторы, и чудовищная дверь приоткрыла проход. Баатар ещё раз поклонился Сергею, дружелюбно улыбнулся мне и быстрым шагом удалился к своему посту.

Мы вошли, и моторы снова запели, наглухо отрезав нас от внешнего мира. К нам уже ехал солдат на электрокаре, но ещё довольно далеко, и мы пошли ему навстречу. Шагать под небольшой уклон было легко и приятно. Приятно потому, что это подземелье гораздо больше напоминало коридор шикарного отеля, чем военный объект. Правда, бесконечно длинный коридор. Хорошо обустроились. Маленькая электрическая машинка была симметричной. Водитель просто пересел назад, и он стал передом. Жестом он пригласил нас занять места за его спиной.

Хорошо азиаты обустроились! Невольно стало немного завидно.

А когда мы проехали развилку с огромным холлом, в котором стояли пальмы в кадках и огромный аквариум, я не удержался и присвистнул. Водитель оглянулся и, видимо, польщённый моим восхищением, улыбнулся мне.

– Ты откуда знаешь Баатара? – задал я Сергею мучивший меня вопрос.

– Я его не знал, пока не увидел. В тот момент, когда мне это надо, я узнаю о человеке всё, что требуется. Вплоть до девичьих секретов его прабабушки. Ты же читал Шри Ауробиндо. И про Ноосферу Вернадского слышал. Что-то похожее, действитель-

но, имеет место быть. Когда научишься подклю- чаться к этому своего рода банку данных, и для тебя не будет секретов в чужой душе.

– Здорово! А о том, чего ещё не было, как узнаете?

– Это другой канал информации. Духовно вертикальный. Планы важнейших событий зарождаются в высоких мирах и спускаются к нам. Но все они, в сущности, детализация и вариации событий, описанных в Откровении.

Я хотел ещё спросить Сергея о печатях, трубах и чашах гнева Господня, но не успел. Мы остановились в ещё одном громадном холле, водитель нас высадил, попрощался и укатил. К нам подошёл безукоризненно, с иголочки одетый в красивый мундир офицер и тоже поклонился Сергею:

– Генерал уже ждёт Вас, Сергей-сан. Проходите, пожалуйста!

Офицер тоже неплохо говорил по-русски, но его заметный акцент сразу выдавал иностранца. Сергей поблагодарил адъютанта, легонько, ободряюще хлопнул меня по плечу и ушёл в кабинет генерала.

– А Вам, господин полковник, придётся немного поскучать в моём обществе. Акио, – он вежливо снял с правой руки перчатку и протянул её для знакомства.

– Николай, – ответил я и осторожно пожал нежную, аристократическую руку адъютанта.

– Чай, кофе, коньяк, sake, ваша водка, сигареты, шахматы? – перечислил он, видимо, весь ассортимент доступного.

– Кофе и шахматы, – выбрал я. – А сигареты у меня свои. Американские!

– Не очень патриотично, – поддел Акио.

– Из старых запасов, – уточнил я и с огромным удовольствием развалился в кресле под пальмой у шахматного столика.

Тут же солдат прикатил и оставил рядом со мной сервированный поднос на колёсиках. «Вот, блин, красиво жить не запретишь», – снова кольнула лёгкая зависть. Акио загадал цвет фигур, и мне выпали белые. Он надеялся, что я не замечу, но я успел увидеть краем глаза, что и в другом его кулаке была белая пешка. Азиатское гостеприимство приятно сквозило даже в таких мелочах. Я сделал ход и отхлебнул из игрушечной чашечки почти половину кофе. Прислушался к его вкусу. Натуральный кофе присутствовал, но на фоне букета ароматных примесей.

– Война, – понял задумчивое выражение моего лица и коротко ответил на незаданный вопрос Акио.

– Да ладно, он отличный! А мы его уже и вкус забыли. Чаше брусничник с душицей пьём.

– Я дам Вам, господин полковник, на обратном пути пакет зёрен. Назад тоже, наверное, через нас пойдёте?

– Наверное, – смутился я тому, что он знал наши планы лучше меня. – А ты откуда знаешь, что я полковник? И давай, Акио, на «ты» и без господ! Хорошо?

– Хорошо! Помнишь стариков из «Белого солнца пустыни»? «Давно сидим». Вот и мы давно сидим. И разведка у нас неплохо работает. Изучили

уже не только врагов, но и вас, союзников. Кстати, если вдруг станет жарко, или радиация повысится, идите к нам без раздумий. Места тут более, чем достаточно!

– Спасибо, Акио. Да, обжились вы тут замечательно. Слушай, объясни-ка мне: зачем вам те руины наверху? Всё разворовано, разрушено, жители почти вымерли. Или это дело принципа?

– Сложный вопрос. Понимаешь, мы навели относительный порядок от Владивостока до Уфы, во всех бывших ваших азиатских странах, а этот Город, как чирей на здоровом теле Новой России, добровольно вошедшей в Великое Ханство. Это, как червь в яблоке!

– Понятно. А чего же так долго с ними возитесь?

– Сам знаешь, как они вооружены. До зубов. В числе прочего и тактическими ядерными боезарядами для гаубиц. Как бы медленно мы не продвигались, время работает на нас. Соотношение сил и пространства постоянно меняется в нашу пользу. Почти каждое боестолкновение – это несколько освобождённых от фашистов кварталов. Но они уже нанесли четыре ядерных удара. Два из них – прямо по жилым кварталам. Даже своих солдат на передовой не пожалели!

– Изверги!

– Это, Коля, агония. “Верхушка” отлично знает, что их ждёт виселица. Вот и лютуют. Наш Командующий глубоко задумался: как покончить со всем разом и с минимальными потерями. Выдам, в знак

доверия, военную тайну, которая тебе кое-что объяснит. К нам начали массово прибывать спецназовцы. А ещё...

Из кабинета вышли Сергей и генерал. Легендарный Китаец молча, но вежливо пожал мне руку и что-то коротко приказал Акио. Тот нажал кнопку на пульте. Негромко, но по всему подземному городу прерывисто зазвенел звонок. Как у нас на переездах до войны. Подземелье почти мгновенно ожило. Я в очередной раз поразился тому, что все солдаты и офицеры из дверей своих помещений выезжали на электросамокатах и в полном боевом снаряжении. Такую армию врасплох не застанешь!

Офицеры собрались в холле, и Акио нажал ещё одну кнопку на пульте. Ярко осветилась одна из стен, оказавшаяся подробным, до сарая, планом города. Генерал достал лазерную указку и стал, видимо, ставить боевые задачи командирам подразделений. Те козыряли и уезжали.

– Что он затевает? – тихонько спросил я Акио.

– Имитацию крупной вылазки. Чтобы расчистить вам проход и отвлечь внимание на себя. Видимо, миссия у Сергей-сана в Городе очень важная! Не знаешь какая?

– Не обижайся, Акио, честно не знаю! Взял с собой, а зачем – не сказал. Знаю только, что назад мне без него выбираться.

– Ничего, всё будет хорошо!

– Вот и он мне всё время это внушает...

* * *

Генерал ещё что-то уточнил с Сергеем, дал указания Акио, пожал нам руки и ушёл. Акио извинился и тоже ушёл. Но вернулся буквально через пять минут уже переодетым в полевую форму и с оружием. У меня глаза загорелись, когда он протянул мне новейший кибер-карабин. Но Сергей улыбнулся и отрицательно покачал головой. Я с большим сожалением вернул замечательную смертоносную игрушку новому другу.

Акио аккуратно поставил карабин за тумбочку у окна.

– Он твой, – шепнул он мне на ухо. – Заберёшь на обратном пути.

– Спасибо, брат! – крепко в этот раз я пожал японцу руку, и он болезненно поморщился, но улыбнулся в ответ.

– А не зря вас все медведями называют! Идите, пожалуйста, за мной.

Акио открыл небольшую, но очень крепкую на вид стальную дверь в двадцати метрах от холла, и мы оказались в узкой, грязноватой, но сухой штольне, идущей с небольшим уклоном вверх. Прошли по ней метров двести, Акио открыл ещё одну стальную дверь, и мы оказались в обычном канализационном тоннеле. Прошли по нему ещё метров пятьдесят под явную канонаду нешуточно-го боя над головой. Прошли мимо серьёзной стычки и здесь, под землёй. Лежали несколько трупов в чёрных плащах и пара искорёженных взрывами гранат кибер-пулемётов. Акио подвёл нас к металлической лесенке, указал на открытый люк над головой и пожал на прощание руки:

– Удачи! Берегите себя. Я безмерно счастлив, Сергей-сан, что Провидение пересекло мой скромный жизненный путь с Вашим! А с тобой, Коля, надеюсь, скоро ещё встретимся. Я подготовлю небольшие, но полезные подарки и твоим ребятам.

– Спасибо, брат. И тебе удачи во всём!

Мы поднялись с Серёжей на поверхность. Метрах в пятидесяти от нас в сторону центра шёл такой бой, что пули и осколки густо свистели и рикошетили от стен. Сопrotивлялись горожане яростно, и далеко от люка отодвинуть их не удалось. Но и на этом большое спасибо! Странное всё-таки было ощущение. Мои соотечественники дрались с моими союзниками. И симпатия, и сочувствие были, конечно, на стороне азиатов. Но горько и гадко было на душе...

Мы пробежали немного бегом и нырнули, спасаясь от пуль, в ближайший подъезд с выбитой взрывом входной дверью. Перебравшись через немыслимую мешанину из рухнувших пролётных маршей и перекрытий, мы вошли через отсутствующую стену в одну из квартир и вылезли через засыпанный битым стеклом оконный проём во двор. Там лениво дымили разбитые миной или снарядом сараи. Миной, понял я, бросаясь на землю, ибо засвистела ещё одна. Оглушительно грохнула буквально метрах в двадцати.

– Серёж, нас явно видит откуда-то корректировщик. Надо бежать дальше!

– Так вставай и побежали!

Мы пробежали по дворам несколько кварталов, удаляясь от быстро стихающего боя, и Сергей

вдруг втащил меня в очередной разбитый подъезд ближайшей пятиэтажки.

– Ты чего?

– Тихо. Патруль, – приложил палец к губам мой ничего и никого не боявшийся до того друг.

– А ты разве не можешь отвести им глаза, как тем, в поле?

– Увы. Во главе этого патруля сильный тёмный маг. А за ним стоит сущность ещё бесконечно сильнее! И эта сущность люто ненавидит мне подобных. И уже почуяла меня. И тебя. Мне навредить она бессильна, а вот тебя убить попробует.

– И может? – невольно стало тревожно и мурно на душе.

– Не сможет, – успокоил Сергей, – но бой принять, увы, мне придётся. Стой спокойно за моей спиной и ничего не бойся!

Мы поднялись на второй этаж и вошли в одну из квартир. В ней был относительный порядок и даже чисто. Судя по этому, обезлюдела она совсем недавно. Я услышал шум мотора въезжающей во двор машины и подошёл к окну. Это был тяжёлый американский армейский грузовик.

Из кабины неторопливо вышел очень крепкий на вид лысый мужчина среднего роста и средних лет в копии эсесовского плаща времён второй мировой. Это было бы забавно, если бы не было так тревожно. Удивительно, но лоб у этого офицера-сатаниста был без их обязательной татуировки – зловещих шестёрок.

– У него особый чип вшит под кожу. А напыляются чипы в виде шестёрок более мелким слугам «Мессии», – опять прочитал мои мысли и пояснил Сергей.

Его слова подтвердили четверо спрыгнувших на землю из крытого кузова солдат. На их лбах шестёрки отчётливо видны были издалека.

Из подъезда противоположного дома к ним бегом бросился какой-то мужчина, крича и показывая на наш подъезд. Один из сатанистов, видимо, не понял благих намерений добровольного стукача, сдёрнул с плеча автомат и срезал бедолагу короткой очередью в упор. На лице убитого я успел разглядеть удивление.

Командир патруля что-то зло выговорил торопыге. Тот побледнел и вытянулся в струнку. Но лысый сменил, видимо, гнев на милость и махнул рукой в сторону кузова. Труп тут же схватили и забросили под брезент.

– Тоже человечинной не брезгуют, – понял я.

– И давно, – уточнил Сергей.

Лысый поднял вдруг голову и взглянул мне прямо в глаза. И такая волчья, беспросветная, лютая и необъяснимо непримиримая ненависть была в его взгляде, что меня невольно передёрнуло. Нет, это уже не люди. И ни о каком компромиссе не может быть и речи!

Сергей решительно оттеснил меня в угол и загородил собой. Две минуты спустя в комнату вошли двое. Остальные, видимо, перекрыли нам пути возможного бегства.

– Документы, – коротко и спокойно сказал лысый Сергею и протянул правую руку, сунув пистолет под мышку.

– Пожалуйста, – с насмешливой улыбкой Сергей подал офицеру большое красивое удостоверение, которого ещё секунду назад не было в его руке.

Лысый заглянул в него, усмехнулся и передал помощнику. Снова взял пистолет в правую руку и направил его на Сергея.

– Слава Его Солнцеподобию, господин инспектор, – гаркнул вдруг помощник лысого и громко щёлкнул каблуками.

– Слава, – ответил Сергей и забрал удостоверение, – Встаньте-ка и вы смирно, уважаемый. Не люблю фамильярности!

– Удостоверение синтезировал? Ловко! А вот мы сейчас проверим, какой ты инспектор. Настоящих высших посвящённых пуля не берёт!

Лысый навёл ствол Сергею на переносицу. Но его выстрел грянул чуть позже выстрела его помощника. Тот тоже держал пистолет в руке и молниеносно всадил пулю своему командиру в висок. Лысый в агонии тоже успел нажать на курок, но его пуля вlepилась в потолок над нашими головами.

От потрясения я хотел крепко выразиться, но Сергей упредил меня и ловко сунул локтем под дых. Дыхание перехватило, и слова застряли, не вылетев.

– Простите его, господин инспектор. У него на днях младшего брата мародёры прямо из патруля украли. Вот он и не в себе... Был. Теперь с братом встретится и успокоится.

В комнату вошли ещё трое фашистов, и в ней сразу стало тесно. Вошедшие удивлённо и растерянно уставились на труп того, кого искренне и не без оснований считали из числа бессмертных. А я поразился беспечности и полной тактической безграмотности этих новых «истинных арийцев и спартанцев». Любой из моих сталкеров перещёлкал бы их сейчас, как цыплят.

Их новый вожак, входя в видимо давно вождьленную роль, скомандовал:

– Этого тоже в кузов. Разрешите идти, господин инспектор?

– Доложите руководству, что я рекомендую произвести вас в лейтенанты. И доложите, что я тут инкогнито, по своим секретным делам. И спасибо за верную службу, лейтенант!

– Служу Его Солнцеподобию! – гаркнул новоиспечённый офицер, чётко повернулся и вышел вслед за своим грозным на вид, но бестолковым войском.

Грузовик во дворе заурчал и укатил.

– Ну как? – с немного самодовольной улыбкой спросил Сергей. Толика честолюбия, похоже, свойственна и небожителям!

– Гипноз? Круто. Молодец. Слушай, я вот понять не могу: как с таким ряженым сбродом третий год не может справиться регулярная армия Великой Азии?

– На передовой у них настоящие воины в новейшей экипировке. Роботов по две штуки на квадратный метр. Превосходство в воздухе. Ну а там, где сильно прижмут, они быстро отступают и наносят тактический ядерный удар. Ты же в курсе.

– А этого парня свои за самоуправство не расстреляют? Жаль будет. Хотя и фашист, хоть и под гипнозом, а здорово нас выручил!

– Не расстреляют. Его начальство свяжется с канцелярией заместника и оттуда подтвердят, что инспектор я – настоящий. Соответствующее внушение уже сделано. А наш лейтенант ещё и вовремя перейдёт со своей командой на правильную сторону.

За разговором мы быстро и уже без приключений добрались до нужного Серёже дома.

* * *

В подъезде, в который мы вошли, была уже знакомая каша из обрушенных лестничных пролётов и битого стекла. Высотой этот курган был примерно до второго этажа.

– А нам на какой надо?

– На четвёртый, – ответил Сергей, внимательно оглядываясь и соображая.

– Может левитируешь вместе со мной?! – подсказал я, как мне казалось, самое разумное здесь решение.

– Тебе тут потом вниз спускаться. Так что займёмся бытовым альпинизмом!

И Сергей уверенно полез на эту ужасную и очень ненадёжную на вид кучу строительного мусора и хлама. От вершины её вдоль одной из стен шёл, как оказалось, оборудованный вертикальный путь из выступов, петелек, досочек и арматуры балок. Сергей полез по всему этому так быстро, как будто пользовался ходом уже много раз. Я, вздохнув, полез за ним. Было сильное опасение, что на мой центнер живого веса какая-нибудь из петелек окажется не рассчитанной. А упасть было очень страшно! Внизу густо и хищно торчали под разными углами острые обломки прутьев арматуры. Но всё, слава Богу, обошлось. Этот своеобразный тротуар оборудовали достаточно опытные и умелые руки.

Встав на маленький уцелевший угол площадки, Сергей постучал в нужную дверь. В ответ была полная тишина. Сергей постучал сильнее и крикнул:

– Татьяна Николаевна! Откройте, пожалуйста! Нам надо поговорить насчёт Лёшеньки.

Через несколько минут дверь чуть приоткрылась на длину мощной цепи, и в эту щель высунулся ствол автомата.

– Лёшенька умер два дня назад. Убирайтесь! – прозвучал за дверью тихий, но решительный женский голос.

– Он не умер. Он уснул. Мне его необходимо переправить в Верхотурье.

– Что вы мне голову морочите? Он уже совсем остыл.

Татьяна Николаевна всё-таки опустила автомат на пол, отстегнула цепь, села на тумбочку и заплакала.

– Спасибо. Сергей, как пушинку, поднял меня прямо в квартиру и вошёл в неё сам.

Татьяна Николаевна показалась мне на первый взгляд очень измождённой и очень пожилой женщиной. Удивительно было, как она с автоматом так ловко управлялась.

Сергей кивнул мне на неё и решительно прошёл в дальнюю маленькую комнату трёхкомнатной квартиры. Судя по богатой обстановке, до войны они жили неплохо.

Я достал из большого внутреннего кармана куртки НЗ и вручил его Татьяне Николаевне. В той сразу проснулась хозяйка, и мы с ней прошли на кухню. Татьяна затопила маленькую походную печь и поставила на неё кастрюлю с водой. Распечатала и вывалила в кастрюлю рисовый концентрат. Но тут до нас донеслись голоса из комнатки Алексея. Татьяна вскрикнула и бросилась туда. Я поспешил за ней.

– Мама, ты почему плачешь? – удивился мальчик, которого счастливая Татьяна залила слезами. – Мне такой чудесный сон снился!

Татьяна Николаевна вдруг потеряла сознание и сползла на пол. Я подхватил её невесомое тело и положил в кресло. Алексей неожиданно бодро и быстро сходил на кухню и принёс стакан воды. Осторожно влил глоточек матери в рот. Та поперхнулась, но пришла в себя и быстро порозовела.

109 Сергей

И похорошела. Оказалось, что она совсем ещё молодая и очень симпатичная женщина. Да другая и не смогла бы родить такого настоящего ангела во плоти!

Татьяна Николаевна крепко прижала сына к себе, покрывая лицо и голову быстрыми поцелуями.

– Ты чего, мам? – смутился посторонних парень и осторожно высвободился.

– Я пойду обед приготовлю. Лёша, у нас теперь есть продукты. Живём!

– Простите, Таня, но мы с Алексеем должны спешить. Так надо. Готовьте на двоих: на себя и Николая. Вам силы завтра утром очень понадобятся!

– А разве мы не вместе отправляемся в Верхотурье? – упавшим голосом спросила растерявшаяся Татьяна, и у меня сердце сжалось от сочувствия ей. Только обрела сына, и вновь его отнимают!

– Мы очень скоро все снова встретимся в Верхотурье. Но отправимся туда не вместе. Мы с Лёшей прямо сейчас, а вы с Николаем завтра, по земле.

– У вас всего двухместный вертолёт? – догадалась Таня. – Как жаль! Ну, ладно, удачно долететь!

– Вертолёт нам не нужен, – широко и радостно улыбнулся мой фантастический Друг.

– До свидания! Не волнуйся, мама, теперь всё будет чудесно! Доверься дяде Коле. Удачи вам!

Они оба вдруг ослепительно засияли, вышли на балкон, взяли за руки и исчезли.

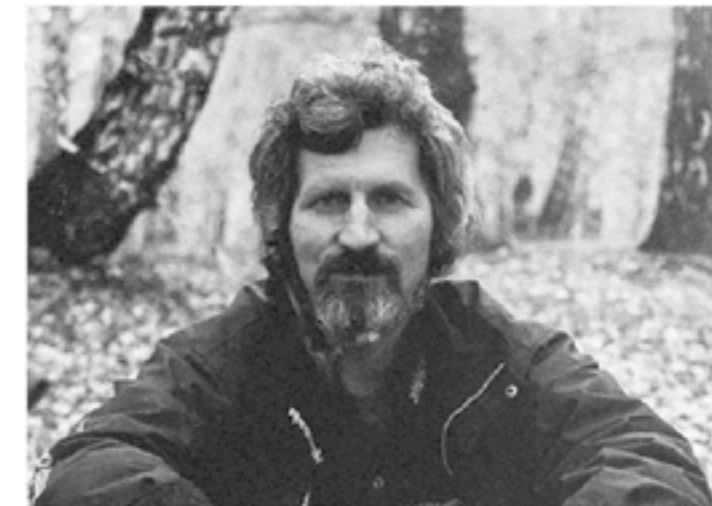
– Ох! Как это они!? А мы?

– А мы, Таня, увы. Завтра, ножками. Но у меня в лесу классный роллер припрятан! А у тебя каша убежала.

– Какое счастье!!!

* * *

*УЭМИИТ – Уральский
электромеханический институт
инженеров транспорта.*

Бондарев Николай Анатольевич родился в городе в 1956 г. в городе Волчанске. Детство прошло в Верхотурье, Ивделе и Серове. После армии закончил УЭМИИТ по специальности «Системы передачи информации».

С 1980 г. живёт в городе Челябинске. 15 лет занимался в Литературной мастерской Нины Александровны Ягодинцевой. По литературному званию писатель-фантаст.

Бондарев Николай
ЖИЗНЬ
как предисловие
к Роману

В издании принимали участие:

Xxxxxx XXXX

Xxxxxxxxxx XXXXXXXX

Xxxxxxxxxxxxxxxxxx XXXXXXXX

Дизайн Дуард ДУДИН

Отпечатано в типографии.

